

ОПИРАЯСЬ НА ТРАДИЦИИ – К НОВЫМ ГОРИЗОНТАМ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

По решению редколлегии журнала «Вестник Челябинского государственного университета» в настоящем выпуске публикуются статьи участников Шестой международной научной конференции «Языки профессиональной коммуникации», посвященной памяти выдающегося российского терминоведа Владимира Моисеевича Лейчика (1928–2013).

Академик Российской академии естественных наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, лауреат премий Российского терминологического общества и Инфотерма, один из создателей отечественной школы терминоведения, В. М. Лейчик объединял вокруг себя терминологов в разных регионах России и зарубежья, участвовал в организации международных терминологических конференций, был бессменным членом редколлегии реферативного сборника «Научно-техническая терминология», постоянным участником международных симпозиумов по языкам для специальных целей, реализующих идеи сближения позиций терминологов Восточной и Западной Европы.

Челябинский государственный университет и Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, отдавая дань уважения замечательному ученому, организовали международную научную конференцию «Языки профессиональной коммуникации» в его честь и вносят свой вклад в развитие его плодотворных идей.

Проблематика конференции обусловлена логикой развития современной науки, ее стремлением прояснить сложные феномены, определяющие особенности взаимодействия людей, многообразие их связей и отношений, мотивацию социального поведения и проявлений личности в разнообразных сферах человеческой деятельности. Организаторы конференции ставили своей целью укрепление научных связей между академическими и образовательными учреждениями России и зарубежных стран, выработку общих программ сотрудничества в изучении терминологических систем, в вопросах совершенствования профессиональной культуры и профессиональной коммуникации, в осуществлении образовательной деятельности на разных уровнях и в разных областях. На современном этапе очень важно сохранить

и приумножить достижения предшествующих поколений ученых, деятелей образования и культуры.

Статьи участников конференции опубликованы в двух выпусках журнала и объединены в шесть разделов – в соответствии с проблематикой конференции. В настоящем выпуске научному сообществу представлены три первых раздела. Открывает журнал раздел «Теоретические и методологические проблемы профессиональной когниции и коммуникации». В нем содержатся статьи ведущих российских и зарубежных терминоведов (Л. Ю. Буяновой, Т. В. Дроздовой, В. Л. Иващенко, И. А. Казимировой, З. И. Комаровой, Н. Н. Лыковой, Т. С. Пристайко), лингвистов-когнитологов (Н. Ф. Алефиренко, О. В. Магировской, С. А. Песиной), социолингвистов (Л. И. Антроповой). Программный характер носит статья заслуженного деятеля науки Российской Федерации Н. Ф. Алефиренко, в которой углубляется лингвистическое понимание терминов «смысл», «языковой знак», «значение», раскрываются основные положения авторской концепции смысла как вербализованного содержания человеческого бытия. Глубокий профессиональный взгляд на славянский опыт теоретических исследований в коммуникативном терминоведении конца XX – начала XXI века представлен в совместной статье доктора филологических наук В. Л. Иващенко и кандидата филологических наук Н. А. Яценко. Методологически значимая статья написана профессором З. И. Комаровой, обратившейся к осмыслению специфики метаязыковой рефлексии в научно-профессиональной коммуникации. Актуальные теоретические проблемы современного терминоведения поднимаются и решаются в статьях Л. Ю. Буяновой, Т. В. Дроздовой, И. А. Казимировой, Н. Н. Лыковой, Т. С. Пристайко. В статье О. Л. Арискиной анализу подвергаются существующие концепции терминологического знака и предлагается новый, оригинальный подход к его моделированию. В центре внимания статей раздела находятся теоретические аспекты изучения современных форм коммуникации (Л. И. Антропова, М. В. Загидуллина), лексикографического описания субстандартной профессиональной лексики (Р. В. Попов), соотно-

шения общеупотребительного и профессионального языков в структуре единого национального языка (М. Д. Гинзбург). В статье Е. И. Головановой изложен новый взгляд на профессиональную когницию как разновидность интерпретирующей деятельности. В исследовании О. Н. Ковалевой на материале русской и английской фразеологии раскрываются когнитивные механизмы оценочной категоризации профессиональной деятельности. Пафос целого ряда статей этого раздела связан с осмыслением современного состояния метаязыка терминоведения, когнитивной лингвистики и филологии в целом (статьи Н. Н. Кошкарковой, М. В. Коноваловой, О. В. Магировской, И. В. Сибирякова).

Конкретный материал языков профессиональной коммуникации широко и разнообразно охарактеризован в статьях второго раздела выпуска «Концептуализация и категоризация профессионально значимой информации в синхронии и диахронии». В числе систем специальных наименований, проанализированных в этом разделе, – терминология высшего образования (В. Г. Будыкина), перевода (Т. В. Лаврентьева), строительства (О. А. Дор-жеева), военно-морского дела (Е. М. Какзанова), транспортная номенклатура (Н. В. Никулина), язык международного права (И. Н. Ивашкевич), язык профессиональных дегустаторов (Т. М. Матвеева). Во многих статьях тщательному анализу подвергаются отдельные термины и понятия, устанавливается их место в системе наименований, выясняются существенные характеристики: «актуальность сочетаемости слова» в терминосистеме неологии (Е. В. Маринова), «легитимность» как когнитивно-прагматическая категория (И. П. Ромашова), понятие «экстремизм» в правовом дискурсе (М. В. Костромичева), концепт «грех» в русском юридическом сознании XVIII века (Л. В. Попова), понятие «устойчивый словесный комплекс» при изучении профессионального лексикона (Н. С. Скрипичникова). Особое внимание

в данном разделе уделено профессиональным номинациям человека (А. Ю. Епимахова, В. В. Катермина, Т. В. Романова), а также общенаучным понятиям гендерного стереотипа (А. М. Прима) и игры (Д. И. Сибиряков). Самобытный языковой материал анализируется в статьях Т. А. Сироткиной и Я. Л. Березовской. Важные теоретические идеи, связанные с развитием русского языка и лексикографии, рассмотрены в исследованиях Е. Н. Бекасовой, Ю. Г. Кокориной и Н. В. Обвинцевой.

Статьи третьего раздела «Проблемы терминообразования и динамики профессиональных единиц» посвящены анализу формирования и развития специальной лексики, здесь выявляются механизмы терминообразования, причины и факторы эволюции профессиональных языков. Представлен исторический анализ украинской терминологии пчеловодства (И. В. Шматко), деривационный анализ различных терминосистем (Н. Н. Костина, Л. Н. Проскура, Л. М. Ньюбина, Ю. Ф. Черногор и др.), результаты исследования иконизма немецкой терминологии (С. С. Шляхова, О. В. Шестакова), особенности формирования терминологии современного рукоделия (А. М. Плотникова). Особое внимание в разделе уделено современной лингвистической терминологии и языку научных исследований (С. А. Питина, Б. Я. Шарифуллин и др.).

В подготовке материалов участников конференции к печати приняли деятельное участие сотрудники кафедры теории языка Челябинского государственного университета доктора филологических наук С. А. Питина, Л. А. Шкатова, Т. А. Воронцова и Е. В. Шелестюк.

Заместитель председателя оргкомитета
доктор филологических наук, профессор
Е. И. Голованова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Н. Ф. Алефиренко

СМЫСЛ, МОДУСНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012–2013 гг. № 14.А18.21.0993

Лейтмотивом статьи служит основополагающая идея: смысл определяется отношением человека к миру. В основе концепции автора лежит убеждение, что смысл соотносит через язык любое явление, любой предмет с человеком. Если нечто лишено смысла, оно перестает существовать для человека и как предмет знакообозначения. В лингвокультурологическом аспекте смысл – это вербализованное содержание человеческого бытия (в том числе внутреннего), взятое в роли посредника между человеком, миром и самим собой. Проблема речевого смысла рассматривается в его отношении к таким категориям лингвокультуры, как картина мира, языковая картина мира, концепт и значение.

Ключевые слова: *смысл, картина мира, языковая картина мира, концепт, значение.*

1. Смысл и культура. Судьбы национальных лингвокультур в условиях глобализации связаны с динамикой *картины мира* (КМ) и производной от нее *языковой картины мира*, содержание которой обуславливается такими базовыми лингвокогнитивными категориями, как смысл, концепт и значение. Казалось бы, особой проблемы нет, поскольку к этим терминам обращается большинство авторов лингвокультурологических трудов. Однако частотность их использования пока не привела к их понятийной прозрачности. Данные категории настолько популярны, насколько и широкозначны. Расплывчатость понятийного содержания позволяет некоторым авторам использовать их в качестве терминологических синонимов к «культуре» вообще. К тому же и понятие «культура» все еще не лишено амбивалентных толкований (см.: [1. С. 42]). **Чаще всего под картиной мира** понимают целостный образ мира¹ – сложное многоуровневое образование, обладающее полем смысла и системой значений (А. Н. Леонтьев). **Такое расширительное толкование категориального содержания *картины мира*** служит поводом для отождествления данного понятия с *мировоззрением* в его трех взаимосвязанных ипостасях: *мироощущение*, *мировосприятие* и *миропонимание*. При таком подходе КМ служит своего рода сеткой координат, которая, обуславливая этнокультурные

смыслы вербализуемых образов, противодействует глобализации национальных культур. Дело в том, что люди чувствуют и действуют не только в соответствии с некими универсальными установками, но и исходя из своих субъективных представлений о мире. Так, представления о счастье и жизненных ценностях могут заметно расходиться не только у разных народов, но и у представителей разных поколений или разных субкультур в рамках одной культуры [9. С. 84]. **Подобные различия объясняются** избирательностью тех смысловых акцентов, которые формируют у каждого народа особую ценностно-образную КМ [25]. Именно поэтому различаются КМ у католика и православного, у мусульманина и буддиста. Так, Париж в изображении китайских художников отличается от Парижа Писсарро и Моне. А природа у современных пейзажистов разительно отличается от ее изображения в XIII–XIV вв. Своеобразие художественных КМ позволяет говорить о Петербурге Гоголя и Достоевского или о Булгаковской Москве и Москве Гиляровского.

Будучи концептуальным основанием культуры, *мировоззрение*² определяет основные векторы *смыслорождения*, оценочное восприятие всего того, что кодируется языком (ср.: [8; 15; 16; 18; 21]). **Андрей Белый, стремившийся познать скрытый смысл поэтиче-**

ского слова, утверждал, что мировоззрение прокладывает человеку путь в храм смысла, позволяет ему объяснять *смысл* и *цель* земного существования.

Мироощущение – чувственное осознание мира, когда мир предстает в форме образов, организующих индивидуальный опыт. Мироощущение создает этнокультурную ауру речемышления, тот фон, на котором формируется противопоставление «своего» и «чужого», значимость «своей» системы обыденных понятий, образующих концептосферу родного языка.

Мировосприятие – вторая, чувственно-образная, составляющая КМ, которая проецирует смысловой диапазон слова. Именно сквозь призму своего символического мировосприятия А. Белый характеризует собственную поэтическую речь:

*Мои слова – жемчужный водопад,
среди лунных снов, бесцельный,
но вспененный, –
капризной птицы лет,*

туманом занесенный (А. Белый. «Мои слова»).

То или иное восприятие предопределяет целостную архитектуру мира и характер его смысловой интерпретации, что переводит смыслопорождение в миропонимание, когда возникает потребность в осмыслении сложного мировоззренческого отношения к действительности. Обостренное художественное мироощущение позволило А. Блоку выразить оригинальное понимание своего времени, создать колоритный образ эпохи:

Двадцатый век...

Еще бездомней,

Еще страшнее жизни мгла

(Еще чернее и огромней

Тень Люциферова крыла) (А. Блок. «Возмездие»)

Рациональные и предметно-чувственные составляющие народного сознания объективируются в языковой КМ, сущность которой выражается такими категориями языковой семантики, как *значение* и *смысл*, *внутренняя форма* номинативных *единиц языка*, *знаки вторичной и косвенно-производной номинации*, *культурные коннотации* и т. п. Иными словами, смысловое своеобразие языковой картины мира (ЯКМ) создается специфическими формами категоризации и концептуализации вербализуемой действительности. Пожалуй, важнейшими среди них оказываются *модусные*, или интерпретирующие, *концепты* – *когнитивные*

структуры, выражающие субъективное (ассоциативно-образное) отношение человека к объектам речемышления [11. С. 77–94]. *Это одно из главных оснований различия* естественного и человеческого мира. Первый монологичен и неспособен к диалогу. К нему не приложимо понятие «смысл» [22]. Лишь в человеческом универсуме возникает смысловая значимость, позволяющая говорить о присутствии культуры. Человек есть внутренняя природа, осознающая самое себя и природу внешнюю в результате творческой деятельности. Именно в этом сочетании природы и деятельности, точнее в их осмыслении, и рождается культура.

Остовом понятийного содержания культуры служит *отношение* человека к миру, благодаря которому человек создает некий мир и самого себя. Прежде всего важно подчеркнуть, что мир культуры находится в оппозиции к понятию «среда обитания». В отличие от других живых существ, у человека имеется свой «мир». Его конструктивным основанием служат механизмы релятивности, недоступные для других существ, которые лишь находятся в *среде обитания* [5]. Человек же, если допустима такая тавтология, способен *осознавать свое осознание*. Ханс-Георг Гадамер называет эту особенность человеческого сознания «отношение-к», что проецирует некую перспективу жизни и деятельности. Только люди способны совершать когнитивный шаг к метаперспективам [27]. Согласно Гадамеру, иметь «мир» – значит занимать по отношению к нему некоторую позицию. Ту же мысль, но только в терминах «участия», выражает Эрик Вегелин. В его интерпретации, человек – не независимый зритель, а «актер, играющий роль в драме бытия...» [28. С. 47]. Более того, участие человека в бытии... – не случайность. В нем его сущность.

Итак, каждая культура – это неповторимая Вселенная, созданная определенным отношением человека к миру и к самому себе. Однако как вербализуется *отношение* человека к миру? Как оно закрепляется в человеческом опыте и языке? Поиск ответа на этот вопрос, является, по сути, постижением этноязыковой сущности культуры как ценностно-смыслового пространства того или иного народа. При этом перед нами открываются иные миры, в которых другие люди и живут, и чувствуют иначе, чем мы. Поэтому постижение иных лингвокультур обогащает нашу семиосферу *не только новым знанием*, но и *новым опытом семиотической креативности*, *благодаря кото-*

рому явления природы, предметы деятельности человека или слова приобретают смысл. Прерии Южной Америки, саванны Африки, леса и горы Урала – нечеловеческая природа, не-культура. А вот охотничий заповедник, лесное хозяйство, засеянное поле несут в самой своей сущности **знак культуры**, поскольку отображают собой *осмысленную* человеческую деятельность.

Следовательно, отношение человека к миру, прежде всего, определяется **смыслом**. Если нечто лишено смысла, оно перестает существовать для человека. Человек наделяет культурными смыслами весь мир, и мир выступает для него в своей неповторимой ценностно-смысловой значимости (о типах ценностного отношения к миру см. [16]). Другой же мир человеку неинтересен: он просто ему не нужен. Культура есть универсальный способ, каким люди делают мир «своим», превращая его в **Дом осмысленного (человеческого) бытия** (см.: [5. С. 61] и др.). Таким образом, весь мир превращается в носителя человеческих смыслов, в мир культуры. Отсюда одно из возможных определений культуры. Культура – это универсальный способ творческой самореализации человека через полагание смысла жизни в его соотносительности со смыслом всего сущего. Культура, таким образом, предстает как осмысленный мир, в основе которого лежит смысловая доминанта – то общее отношение человека к миру, которое проявляется в любой культуре. Вместе с тем, такая смысловая доминанта культуры не является абсолютной. Она объективируется во многоаспектной палитре этнокультурных смыслов. Объединяя людей, культура дает им не только общий способ постижения мира, но и способ взаимного понимания и соперничества через речевое выражение интенционального смысла.

Под речевым (и шире – дискурсивным) смыслом следует понимать то, что функционирует в межличностном общении, существует в речемыслительном пространстве и зависит от когнитивно-языковой интерпретации знаковой ситуации и дискурса. Одной из особенностей речевого мышления является его способность к разнообразным смысловым интерпретациям и суггестии (внушению). Вспомним монолог Пьера из романа «Война и мир» Л. Н. Толстого. Слова Пьера о Боге, об истине уже к концу монолога растапливают сердце князя Андрея. Он вслушивается в слова Пьера, вникает в их смысл и начинает видеть дальше и глубже масонской философии. Слова Пьера открывают

ему собственный, новый путь. Вновь князь Андрей смотрит на небо и видит то высокое и вечное небо, в которое он смотрел на поле Аустерлица, и опять на него нисходит откровение. Уже во второй раз в жизни. Кажется, что он заново постигает тайны мироздания или, как бы сказали сегодня, пытается заново открыть концептосферу своего бытия [24; 26]. *Все сказанное служит той методологической платформой, на которой выстраивается теория соотношения модусного концепта, значения и смысла.*

2. Смысл и концепт. Концептосфера, или когнитивное пространство, образуется определенным способом структурированной совокупностью концептов. Взаимоотношение системы концептов и системы языковых знаков интерпретируется учеными по-разному: одни утверждают, что все концепты имеют языковую объективацию, другие допускают параллельное существование довербальных и оязыковленных концептов [18].

В самом общем виде **смысл** можно определить как *явленный мотив*. Такое определение подходит ко всему: и к словам, и к фразам, и к жизни вообще. Если я знаю, зачем я живу, значит, я понимаю смысл собственной жизни. Дискурсивный смысл языковых единиц может быть коммуникативным и этимологическим.

Коммуникативный смысл слова определяется контекстом и ситуацией. Воспринять смысл слова в коммуникативном акте значит понять, что именно стоит за словом, чем мотивируется выбор слова для данной коммуникативной ситуации. Так, в описаниях святилища Геры павлин воспринимается как священная птица. В дискурсивном пространстве Индии он использовался в качестве символа некоторых богов (обычно они изображались сидящими на павлинах; например, индийский бог войны Картикея). Нередко павлин служил олицетворением бесконечного разнообразия, веселого Духа. В Китае он олицетворял красоту и достоинство, наделялся способностью изгонять злые силы. В исламе павлин считался символом Космоса или воплощением небесных тел Солнца и Луны. В западной лингвокультуре павлин символизировал храбреца, убивающего змея. Более того, мерцающими красками перьев своего хвоста он якобы превращал змеиный яд в солнечную субстанцию. В раннем христианстве мясо павлина считалось нетленным (символ нетленности тела Христа). Следовательно, слово, извлеченное из дискурсивной ситуации,

лишается дискурсивного смысла и связи с породившим его модусным концептом.

Этимологический смысл слова определяется не контекстом, в котором употреблено слово, а ясностью предметной мотивации его со стороны так называемой «внутренней формы». Все непроизводные слова любого языка в пределах своего языка не имеют мотивации, и, следовательно, являются носителями скрытого смысла.

3. Смысл и значение. Как вытекает из вышесказанного, смысл отличается от значения своей личностно-релятивной природой. При этом выясняется, что сам по себе он не всегда оказывается предметным, даже если смысл выражается в образе или понятии. Например, один из самых важных смыслов – жажда любви – вовсе не предполагает предметный образ какого-либо человека (в противном случае каждый заранее бы знал своего спутника жизни). Подлинный смысл адресован не только разуму, но и неконтролируемым глубинам души и непосредственно (помимо нашего осознания) затрагивает наши *чувства* и *волю*. Смысл не всегда осознается: большинство смыслов таится в бессознательных глубинах человеческой души. И все же они, будучи общезначимыми, объединяют многих людей, выступают источником их мыслей и чувств. Именно такие смыслы и образуют этнокультуру.

Рассуждая о методологической составляющей данной проблемы, Г. П. Щедровицкий акцентировал внимание на разных, хотя и взаимосвязанных между собой объектах познания: а) на процессе отбора познаваемого предмета как объекта номинации и б) на понятии о нем, которое, собственно, и задает «схему знания» о данном объекте. Первый относится к лексико-фразеологической системе языка (в его основе лежит вопрос «почему»), а второй – к сфере когнитивной прагматики: к понятиям значения и смысла (для него определяющими являются вопросы когнитивно-прагматического характера – «зачем» и «для чего»).

Существуют достаточно аргументированные суждения, защищающие и первую, и вторую точку зрения. Главная демаркационная линия, пролегающая между значением и смыслом, образуется их *отношением* к речемыслительной ситуации, соотнесение с которой раскрывает истинный смысл высказывания. Ср.:

Моя теща самая образцовая в мире!

– В каком смысле?

– Нет ни одного анекдота про тещу, который бы к ней не подходил.

Как видим, смысл представляет сферу актуального познания, поскольку включает в себе интенционально обусловленное (отражающее речевое намерение говорящего) отношение языкового знака к познаваемому предмету в сложившейся речемыслительной ситуации [3]. В связи с этим перспективной для теоретической семантики может стать, как нам представляется, концепция интенциональности, зародившаяся в русле феноменолого-экзистенциалистской традиции (Ф. Brentano, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр).

В содержании понятия интенциональности Э. Гуссерль выделял прежде всего смысловой аспект восприятия того или иного объекта. Благодаря интенциональности сознание – не просто переживание, а переживание, обладающее смыслом. Его феноменологическая концепция опирается на понятия *рефлексии* и *интенциональности*. Э. Гуссерль, заимствовав понятие интенциональности у Brentano, объявил его категориальным свойством феноменологического сознания. Рефлексия, будучи определенной процедурой изучения сознания, является в то же время его свойством. В этом плане Э. Гуссерль следует за Локком, определявшим рефлексию как «наблюдение ума за своей собственной деятельностью». Понятия рефлексии и интенциональности – начальные компоненты теории Э. Гуссерля [7]. Второй составляющей его учения служит установленная Э. Кантом связь между сознанием и рефлексией, между априорным и трансцендентальным познанием. Опираясь на эти две фундаментальные идеи, Э. Гуссерль приходит к пониманию сознания как первоисточника смыслообразования, а рефлексию как средство воссоздания его ноэтико-ноэматической структуры. Эти положения Э. Гуссерля могут служить исходными установками для разработки современной когнитивной ономазиологии, ставящей перед собой задачу выяснения сущности имплицитного взаимодействия механизмов познания, осознания и номинации. К. К. Жоль считает гуссерлианскую концепцию квазипсихологической, поскольку она, по его мнению, делает смысл эпифеноменом значения (побочным, сопутствующим явлением, не оказывающим на него никакого влияния), а мышление – эпифеноменом сознания (единицами которого являются значения), уничтожая границу между ними. Поскольку единицами мышления являются смыслы, а единицами сознания – значения, то в учении

Э. Гуссерля граница между смыслом и значением практически сглаживается.

Сбалансировать ситуацию пытается отечественная психолингвистика, выделяя в смысле субъективную (личностную, индивидуальную) доминанту, которая, собственно, и противопоставляет смысл значению. Однако такое противопоставление значения и смысла не является единственно приемлемым для данного направления. **А. А. Худякову, например, оно не представляется достаточно аргументированным** [23]. Автор убежден в том, что с лингвистической точки зрения смысл и значение противопоставлены друг другу на иных основаниях и относит их к одной сфере – сфере речемышления, находящейся в центре внимания лингвокогнитивистики, в рамках которой категория смысла интерпретируется в разных аспектах: логико-семиологическом (Ю. С. Степанов) и логико-семиотическом (И. И. Ревзин) (см. об этом: [2]).

Особенно плодотворными как методологический субстрат для становления современной когнитивной ономазиологии логико-семиологический и логико-семиотический подходы оказываются в их сочетании с *концепцией рефлексии*, разработанной в трудах Э. Гуссерля. Согласно его учению, сознание есть «обобщающее название для любых «психических актов» или интенциональных переживаний» [7. С. 64]. **Соответственно, акт рефлексии** интерпретируется как *переживание* особого рода. Благодаря рефлексивным актам «поток переживаний вместе с соответствующими событиями (моментами переживания, интенциональностями)» схватывается и анализируется нашим сознанием с одновременным выбором мотивационного признака для соответствующей номинации. Установки Э. Гуссерля «Видеть детали!» и «Назад, к самим предметам!» способствуют появлению так называемого эйдетического созерцания. Так, предметный смысл любого культового здания (собора, костела, мечети) обуславливается его предназначением служить морально-нравственным оплотом человеческой жизни. В связи с этим под эйдетическим созерцанием следует понимать рождение в переживании смыслового образа предмета, определение смыслового горизонта переживания, составляющих собой суть рефлексии. Рефлексивность языкового сознания порождает, прежде всего, тексты образно-поэтического характера. Ср.: «*Собор Архистратига Михаила и прочих Сил Бесплотных*» *весь серебром*

сияет, будто зима святая, – осеняет все святости (И. С. Шмелев, «Лето Господне»). Поэтизация образа собора актуализирует концепт святости. В основе славянской святости лежит идея служения идеалу вплоть до отречения от личного. Это некое вхождение в тайну, состояние души. «Святость у русских – религиозное чувство поклонения тому, что дает избавление, спасает и защищает, – подчас незаметно обыденное служение осуществленной идее, то есть не личная, как на Западе, а соборная святость, которую чтят» [8. С. 149–150].

Согласно Гуссерлю, рефлексия состоит в перемене взгляда от предмета на его переживание. Феноменологическая рефлексия, таким образом, направлена не на сознание как нечто законченное и застывшее, а на сам процесс формирования и сущностной взаимосвязи переживаний. Обладание смыслом, – пишет Э. Гуссерль, – фундаментальная черта любого сознания, которое в силу этого является не только переживанием вообще, но переживанием *осмысленным*. Для интерпретации осмысленного переживания используются понятия *ноэзиса* и *ноэмы*. По Гуссерлю, интенциональность существует в виде двуединой структуры: акта полагания (ноэзиса) и предметного смысла (ноэмы). Ноэма (греч. *νόημα* – «мысль», лат. *cogitatum*) – мысленное представление о предмете, или, другими словами, предметное содержание мысли, носитель смысла. В когнитивной лингвопоэтике ноэма является смысловой единицей восприятия текста. В сущностном единстве интенционального переживания ноэма служит элементом некоторого ноэзиса (греч. *νόησις* – «мышление», лат. *cogitatio*). В феноменологии, ноэзис – это некий предметный смысл. Он является результатом активной деятельности сознания и охватывает модусные концепты, порождаемые восприятием, воспоминанием, фантазией, желанием, удовольствием, оценкой, решением и т. д. Итак, ноэзис – само переживание, взятое независимо от всякого стоящего за ним бытия; ноэма же обладает «содержанием», ей присущ предметный смысл. Иными словами, ноэма является интенциональным коррелятом ноэзиса. Человек *переживает* в том числе и по поводу своей рефлексии *над переживанием*, вследствие чего ноэзис переходит в ноэму, а ноэма – в ноэзис. В структуре ноэмы можно выделить 1) *ядро*, 2) *характеристики ядра (способ данности и модальности бытия)* и 3) *подразумеваемый предмет*. Ядро ноэмы – не просто

предмет, а определенное его видение, то есть это, можно сказать, «интенциональный предмет», предмет, представленный в переживании сознания, свойства которого в ином переживании могут видоизменяться. В этом плане ядро ноэмы изменчиво, непостоянно. Оно способно видоизменяться в зависимости от характера и ракурса переживания.

Дело в том, что рефлексия, с точки зрения Гуссерля, – это схватывание не каких-либо произвольных свойств объекта знакообозначения, а схватывание предметного смысла номинируемого объекта. Так, слово *раб* в еврейской лингвокультуре пишется и понимается по-разному. В одних случаях под словом *раб* подразумевается человек, который делает то, что ему приказывают, не понимая даже прагматической сути дела. Он просто марионетка и исполнитель. А в православном дискурсе *раб* – это прообраз смирения и поклонения Богу. Он может быть личностью и иметь волю. Но при всем этом такой человек добровольно подчиняет свою волю Иисусу Христу. Павел называет себя *рабом* Христа, потому что смирил себя под крепкую руку Божью. А Иисус говорит: «Я уже не называю вас *рабами*, ибо *раб* не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Библия. От Иоанна, гл. 15). Смысловое содержание приведенного текста обусловлено рефлексией, связанной с предметно-чувственным восприятием речевой ситуации. В конечном счете, дискурсивная рефлексия есть осознание предметного мира культуры (в данном случае – религиозного сознания).

Можно сказать, что рефлексия рождает внутреннюю форму слова. Сначала объективно существующая вещь схватывается умозрительно. Этот акт является общим для всех людей. Затем ее смысл отвлекается от вещи и сравнивается с чем-то иноприродным. Поскольку же смысл вещи бесконечно разнообразен, то и сравнивать его можно весьма многообразными способами. Когда происходит выбор признака, по которому смысл вещи отождествляется с каким-то иноприродным ей смыслом другой вещи, то этот иноприродный смысл становится внутренней формой, ноэмой слова (его пониманием). Таким образом, внутренняя форма слова, или ноэма, – это субъективное понимание объективного смысла вещи, благодаря которому общение может приобрести общезыковогой характер. Так, читая у М. Ю. Лер-

монтова «*Есть сила благодатная В созвучье слов живых, И дышит непонятная, Святая прелесть в них*», мы прекрасно понимаем, что поэт размышляет о речемыслительной гармонии поэтической речи, которая выражается в «созвучии живых слов», излучающих неуловимую рассудком «святую прелесть». Внутренняя форма данного фрагмента фактически равноценна ноэме. Это имеет важное методологическое значение, поскольку освобождает, бесспорно гениальные, прозрения А. А. Потебни от психологического догмата, от внутренних противоречий, вызванных ложной солипсической онтологией и сенсуалистской гносеологией, и вносит в них диалектический смысл и систему (А. М. Камчатнов).

Итак, *смысл* всегда обусловлен речемыслительной ситуацией, дискурсивным контекстом. В этом аспекте он принадлежит прежде всего речи, является первичным по отношению к значению, которое, напротив, внеконтекстно, неситуационно. *Значение* принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется (в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым) исключительно составителями словарей [4]. Значение абстрагируется от смысла и связывает идиолект с национальным кодифицированным языком. Можно отметить, что терминологизированное противопоставление значения и смысла вполне четко согласуется с представлением об этих категориях в 'наивной семиотике' носителей обыденного языкового сознания. Иными словами, смысл принадлежит *речевому сознанию* индивида, а значение – *сознанию языковому* всего этнокультурного сообщества.

Примечания

¹ Лингвистические «раскопки» культурно-исторических слоев здесь осуществляются с помощью таких категорий, как национальная картина (образ, модель) мира, языковое (этнокультурное) сознание и ментальность (менталитет) народа. Названные категории не являются синонимами: каждая из них имеет свое содержательное лицо. Однако все эти категории объединяет так называемый национальный (этнический) компонент.

² Мироззрение – это система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также сложившиеся на основе этих взглядов убеждения, идеалы,

принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. И действительно, человек не существует иначе, как в определенном отношении к другим людям, семье, коллективу, нации, в определенном отношении к природе, к миру вообще.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. **Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка**. М., 2010. 288 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. **Смысл как лингвофилософский феномен** // Вестн. Томс. гос. ун-та. Филология. 2013. № 1 (21). С. 5–14.
3. Алимуратов, О. А. **Лингвистический смысл как феномен, производный от значения** // Вестн. Пятигорск. гос. лингв. ун-та. 2006. Вып. 4. С. 11–19.
4. Богин, Г. И. **Система смыслов в тексте как пространство значащих переживаний** // *Philologica*. 1995. № 8. С. 7–11.
5. Бубер, М. Я и Ты. М., 1993. 175 с.
6. Васильев, С. А. **Синтез смысла при создании и понимании текста**. Киев, 1988. 237 с.
7. Гуссерль, Э. **Собр. соч. Т. 1**. М., 1994. 192 с.
8. Жаров, С. Н. **Наука и религия в интегральных механизмах развития познания** // *Естествознание в борьбе с религиозным мировоззрением*. М., 1988. С. 19–33.
9. Зись, А. Я. **В поисках художественного смысла**. М., 1991. 84 с.
10. Кобозева, И. М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1994. С. 183–186.
11. Кобрина, Н. А. **О соотносимости ментальной сферы и вербализации** // *Концептуальное пространство языка*. Тамбов, 2005. С. 77–94.
12. Колесов, В. В. **Язык и ментальность**. СПб., 2004. 240 с.
13. Корнилов, О. А. **Языковые картины мира как производные национальных менталитетов**. М., 2003. 349 с.
14. Леонтьев, Д. А. **Психология смысла**. М., 1999. 486 с.
15. Лурия, А. Р. **Язык и сознание**. М., 1979. 320 с.
16. Мещерякова, Н. А. **Наука в ценностном измерении** // *Свобод. мысль*. 1992. № 12. С. 34–44.
17. Новиков, А. И. **Смысл: семь дихотомических признаков** // *Теория и практика речевых исследований*. М., 1999. С. 132–144.
18. Павленис, Р. И. **Проблема смысла**. М., 1983. 286 с.
19. Ревзин, И. И. **Современная структурная лингвистика**. М., 1977. 263 с.
20. Сулейменова, Э. Д. **Понятие смысла в современной лингвистике**. Алма-Ата, 1989. 160 с.
21. Франкл, В. **Человек в поисках смысла**. М., 1990. 368 с.
22. Фреге, Г. **Смысл и денотат** // *Семиотика и информатика*. Вып. 8. М., 1977. С. 181–210.
23. Худяков, А. А. **В поисках смысла**. СПб., 2010. 290 с.
24. Чупина, Г. А. **Философия осознания: проблема смысла** // *Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века*. Иваново, 1994. С. 68–94.
25. Шелякин, М. А. **Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы**. М., 2005. 296 с.
26. Kintsch, W. *Learning, memory, and conceptual processes*. N. Y. 1970. 498 p.
27. Laing, R. D. *Interpersonal perception: A theory and a method of research* / R. D. Laing, H. Philipson, A. R. Lee. N.Y., 1966.
28. Voegelin, E. *Hitler and the Germans* / Transl., ed., and with an Introduction by D. Clemens and B. Purcell. Columbia and London, 1999. 349 p.

Л. И. Антропова

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ЖАНР КАК ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматриваются проблемы связи профессионального языка, профессиональной культуры и профессионально-ориентированного жанра с особенностями взаимодействия носителей языка в процессе профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: профессиональный язык, профессиональная коммуникация, корпоративная культура, языковая картина мира, профессионально-ориентированный жанр.

Языком общения в малых социальных группах, объединенных одной профессией, является профессиональный язык, включающий термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы [4]. То, что в разных коммуникативных ситуациях используются разные языковые средства, известно давно, поскольку речевое поведение служит отражением реального взаимодействия с миром. Это означает, что в сознании носителей языка представлено несколько вариантов языковых картин мира, в разной мере отражающих национальную, в том числе профессиональную, культуру, и в разной степени пригодных для общения (см. анализ понятий «образ мира», «картина мира», «модель мира» в работах А. А. Леонтьева, Н. В. Уфимцевой, В. Г. Колшанского и др.).

В последние десятилетия все чаще объектом лингвистического исследования становится живая обиходная речь как яркая черта профессиональной и шире – национальной культуры. В специальной лексике различных профессиональных областей представлено многообразие картин и моделей мира, требующее постановки и решения проблем взаимопонимания в процессе профессионального общения, в том числе межкультурного.

Такой подход к исследованию языка предполагает обращение к человеку как национальной языковой личности [5; 3], несущей в себе национальные особенности культуры и ментальности [1; 2; 6].

Речевой опыт каждого конкретного человека зависит от объема присвоенной им культуры. Общество, предоставляя каждому своему члену культуру для построения профессиональной личности, позволяет ему формировать себя как полноправного члена социума, при этом ограничивая его рамками корпоративной культуры, «объемом совокупности культурных предметов» [6]. Проблема взаимодействия языка,

профессиональной культуры и личности становится весьма актуальной: именно в рамках профессиональной среды, в рамках активной социальной деятельности завершается формирование зрелой личности и происходит процесс ее совершенствования, развития и саморазвития.

Объективное описание профессиональной языковой картины мира предполагает:

разработку различных способов описания и интерпретации значений профессиональных единиц;

определение основных категорий корпоративной культуры;

отбор национально-маркированного языкового материала.

Изучение названных категорий предусматривает проведение концептуального анализа, который позволит выявить в предмете исследования, например, в профессиональном жаргоне (социолекте), универсальные и национально-специфические характеристики. Наибольший интерес при обращении к семантике субстантивных лексических единиц представляет фразеологический компонент значения, который связан с решением проблем, обращенных к соотношению личности, языка и культуры, познавательной деятельности и ментальности носителей языка. Необходимость исследования национально-культурного содержания фразеологического значения профессиональных жаргонных лексических единиц предполагает учет профессиональной ориентации человека как национальной языковой личности.

Так, например, стремление водителей к созданию специфических языковых средств, отличных от норм кодифицированного литературного языка, обогатило английский язык яркими метафорами, идиоматическими выражениями: *deer in the headlights* (букв. «олень в свете фар») – испуганный, удивленный человек, застигнутый врасплох.

Бурное развитие социальной жизни показывает, что процесс активизации профессиональной языковой картины мира никогда не может быть завершен. Язык постоянно реагирует на все изменения и нововведения, хотя и не так быстро, как это происходит в сознании носителей языка. Очень часто поводом для увеличения скорости языковых изменений оказываются внешние по отношению к языку события. К их числу можно отнести процессы, происходящие в экономике, в частности, связанные с деятельностью валютных брокерских бирж. Профессиональный жаргон, употребляемый биржевыми брокерами, преодолевая рамки профессиональной среды, ведет к изменениям в литературном языке и к постоянному созданию новой нормы. Именно отступление от нормы позволяет нам почти сразу определить носителя жаргона. Профессиональный вариант нормы в грамматике, профессиональная субстандартная лексика активно проникают в речь даже официальных лиц, способствуя раскрепощению словоупотребления, языкотворчеству и заимствованию жаргонизмов из других языков.

Представители профессиональной среды отличаются особым речевым поведением, своеобразным речевым этикетом и специальным словарем: «*грамотные медведи*» – название группы удачливых игроков на понижение курса, которые во второй половине 1997 г. и в первой половине 1998 г. продавали фьючерсы на российские акции. Как правило, за подобными словами стоят понятия и явления, важные для социально-профессиональной группы, которые отражают присущий им способ восприятия и интерпретации мира.

Нередко и в литературной речи становится частотным слово, ранее не употреблявшееся и даже неизвестное. Так, в обиходную речь носителей русского языка вошли слова из устного профессионального языка экономистов, предпринимателей: «*обвал*» – резкое падение цен, «*лимон*» – один миллион рублей. В приведенных лексемах произошел сдвиг значения, они расширили свое употребление, что показывает: меняется мир, появляются новые отношения и связи – меняется и язык.

Профессионально-ориентированный жанр формируется в речи тех носителей литературного языка, которым свойственна профессиональная дифференциация. В современных условиях о профессиональном жанре можно говорить и применительно к высокоинтеллек-

туальным областям деятельности человека – физике, химии, космонавтике, сфере компьютерных технологий, ср. *stickiness* – привлекательность, способность веб-сайта удерживать посетителей; *gearhead* – 1) зубчатый редуктор; 2) человек с техническим образованием или опытом работы; 3) человек, помешанный на автомобилях и двигателях.

Итак, любое профессиональное высказывание характеризуется следующими чертами:

1) ситуативностью – соотнесено с конкретной ситуацией;

2) социальной обусловленностью – ориентировано на конкретных участников коммуникации с точки зрения их профессионального статуса, коммуникативных ролей, демографических признаков, присущих им фоновых знаний и их возможной реализации;

3) вариативностью – варьирует вербальные средства с целью большей экспрессии или большей точности в передаче информации;

4) избирательностью – подходит дифференцированно к компонентам ситуации; в обиходно-разговорной ситуации на профессиональную тему высказывание функционирует в свернутой форме;

5) динамичностью – видоизменение темы даже в условиях одной и той же коммуникативной ситуации; изменение темы происходит спонтанно, логически обоснованно / **необоснованно**.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. 896 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 2005. 1038 с.
3. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. М., 2008. 340 с.
4. Голованова, Е. И. Типология единиц профессиональной коммуникации: когнитивно-прагматический аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 9 (110). Филология. Искусствоведение. Вып. 19. С. 25–29.
5. Караулов, Ю. Н. **Русский язык и языковая личность**. М., 2010. 264 с.
6. Тарасов, Е. Ф. **Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания** // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 1996. С. 7–22.

МОДЕЛИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 12-34-01212а2, «Роль языковой личности грамматистов
XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки»)

В статье представлены новые модели терминологического знака. Особое внимание уделяется такому свойству термина, как ориентированность.

Ключевые слова: *термин, модель, ориентированность термина.*

В науке существуют различные модели терминологического знака (шире – лексического значения). Самая распространенная модель – треугольник (рис. 1):

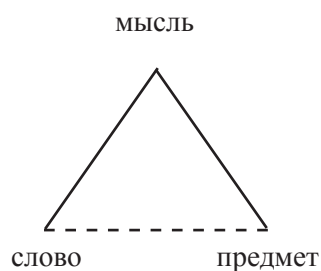

Рис. 1. Модель лексического значения

В 1923 г. Ч. Огден и А. Ричардс наглядно представили знаковое отношение в виде семантического треугольника (треугольника референции): знак (Symbol), то есть слово в естественном языке; референт (Referent), то есть предмет, к которому относится знак; отношение, или референция (Reference), то есть мысль как посредник между символом и референтом, между словом и предметом. Основание треугольника было изображено прерывистой линией. Это означает, что связь между словом и предметом не обязательна, условна, и она невозможна без связи с мыслью и понятием.

Надо заметить, что термины, обозначающие типы «значений», весьма разнообразны: *объект и интерпретата* (Пирс); *значение и смысл* (Фреге); *денотат и десигнат* (Моррис и Черч); *референт и мысль о нем* (Огден и Ричардс); *понятие и смысл* (Лайонс и Ульман); *предметная отнесенность и значение* (Л. С. Выготский).

Несколько позже (например, в первых работах Г. П. Мельникова) треугольная модель

трансформировалась в четырехугольную, так как знаковое отношение вполне возможно выразить в виде квадрата, если учесть, что второй член треугольника – мысль – может состоять из понятия и коннотата. Понятие – общее для всех носителей данного языка, а коннотат – ассоциативное значение, индивидуальное у каждого человека.

Далее стали создаваться различные варианты этой модели: треугольник В. Звегинцева (традиционный + лексическое значение), треугольник И. Распопова с двумя ярусами; семантическая пирамида М. Алефиренко, пятикомпонентная схема Ч. Морриса и Г. П. Мельникова (поздние работы), шестикомпонентная структура знака в виде двойной пирамиды Р. Пиотровского, О. Шингаревой, семиотический гексагон В. Е. Еремеева, трапеция Л. Новикова и Э. Лендваи, психосемиотический тетраэдр Ф. Василюка (с помощью этой модели автор представляет сознание). (подробнее о каждой модели см.: [2]).

Безусловно, все эти модели имеют право на существование – в каждой из них сконструирована авторская концепция знака, смысла, знания, сознания, познания, мировидения, наконец. Еще Б. Уорф говорил, что «все наблюдатели при одинаковых условиях видят не одну и ту же картину мира» (цит. по [1. С. 12]).

Под влиянием теории терминологической ориентированности мы несколько иначе представляем модель терминологического знака, как и саму сущность и предназначение термина.

Термин – единица языка для специальных целей, являющаяся вербализованным результатом профессионального мышления, обозначающая понятие определенной научной теории и служащая для кодирования (концентрации, фиксации, хранения), трансляции (передачи информации), коммуникации, трансмутации

знания (познания: осмысления, переработки, наращивания) и ориентации в определенной специальной области. В связи с этим одним из важнейших аспектов исследования терминологического знака мы предлагаем считать *ориентационный аспект*.

Наименования *ориентирующий*, *ориентировать*, *ориентир*, *ориентировка*, *ориентированность*, *правильноориентирующие*, *ложномотивированные* и *ложноориентирующие* встречаются в трудах Д. С. Лотте, М. Г. Бергера, А. В. Лимова, С. В. Гринева-Гриневича, Е. И. Головановой, Т. Р. Кияка, И. А. Ребрушкиной и др.

Ориентированность – явление, обусловленное лингвистическими, психическими и социальными факторами, дающее носителю языка возможность по экспоненту (без обращения к дефиниции) определить закрепленное за термином понятие или место данной единицы в терминосистеме.

Терминологическая ориентированность не может рассматриваться вне индивида, языковой личности пользователя ЯСЦ (создателя термина, участников научного дискурса).

Важно дифференцировать понятия «ориентированность» и «мотивированность». Различие мотивированности и ориентированности термина состоит в том, что мотивация основывается на простой сумме значений частей, составляющих языковую единицу, а ориентация – на такой сумме значений, которая должна *указывать* на понятие.

Следовательно, применение понятия *ориентированность* для исследования терминологии представляется эффективным, поскольку позволяет изучить целый комплекс проблем термина: его происхождение, морфемный состав, структуру, связь формы и значения, причем последнее не только в лингвистическом (психолингвистическом, социолингвистическом), но и в лингвокультурологическом, прагматическом и других аспектах.

Ориентированность – неизменный атрибут термина, значит, она должна быть отображена в структуре терминологического знака. Причем здесь нужно учитывать следующее:

1) ориентация термина может быть очевидной. Другими словами, экспонент четко ориентирует индивида на понятие, закрепленное за термином. Сигнал, исходящий от экспонента, улавливается носителем языка на правильно ориентирующей частоте (рис. 2);

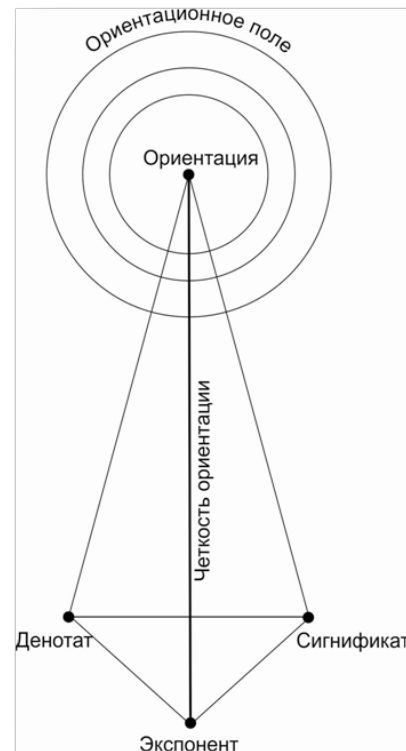

Рис. 2. Модель терминологического знака с выраженной ориентационной способностью

2) ориентация термина может быть размытой, завуалированной. Связь экспонента с понятием, закрепленным за термином, для индивида окажется неочевидной. При этом ориентационное поле будет слабым, сигналы не будут улавливаться носителем языка (рис. 3).

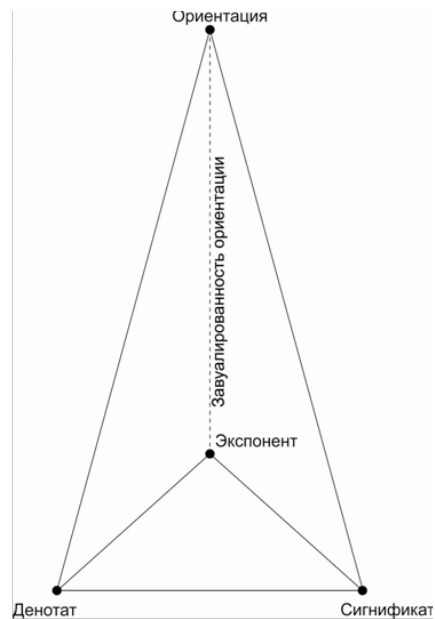

Рис. 3. Модель терминологического знака с завуалированной ориентационной способностью

В нашем понимании термин – не просто система из трех компонентов – денотата, сигнификата, экспонента, это динамичная система, причем динамичными могут быть все три ее вершины (экспонент может быть изменен, утрачен, может иметь варианты и синонимы; сигнификат может сужаться и расширяться; денотат тоже может измениться: напр., исчезнуть, а есть термины, функционирующие и без денотата, – в таком случае одну из вершин занимает референт – наши представления о денотате). Вершины динамичны по объективным причинам (развитие науки) и по субъективным (упорядочение терминологии, формулирование дефиниций).

Изучая терминологическую единицу в плане функционирования, а не статики, можно на-

блюдовать динамику ее вершин, хотя бы одну из многочисленных граней, в которых эта динамика отразилась.

Список литературы

1. Березняк, М. В. Гипотеза лингвистической относительности // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации : материалы Первой Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2006. С. 12–13.
2. Селіванова, О. С. Лінгвістика: напрями та проблеми : підручник. Полтава, 2008. 712 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).
Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 19–22.*

Л. Ю. Буянова

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСФЕРЫ

Излагается когнитивно-семиотический подход к проблеме деривации как ключевого механизма формирования и эволюции современной финансово-экономической терминосферы. Утверждается, что одним из типов деривации выступает когнитивно-семиотическая как сложная процессуальность синхронной трансформации когнитивной единицы в научный знак. Вводится понятие/термин – **когнитивная единица**, под которой понимается единица когнитивного опыта (и его результат), представляющая собой ментальную основу термина-деривата как вербализованной структуры.

Ключевые слова: когнитивная единица, когнитивно-семиотическая деривация, термин, терминологический семиозис, суффиксальная деривация, деривационно-категориальная матрица.

В настоящее время в лингвистике представителями различных научных школ и направлений выделяются, помимо классических семантической и синтаксической, самые различные типы деривации: **концептуальная** (О. В. Сухарева, Л. В. Резниченко); **фразеологическая** (О. В. Сухарева и др.), **метонимическая** (И. М. Некипелова), а также деривация **фразеобразовательная**; **актантная**; **межтекстовая**; **функциональная**; **номинативная**; **топонимическая** и т. д. В пространстве научного текста, в рамках терминоподпространства мы выделяем **терминологическую деривацию** (см.: [1; 2; 3; 4; 5] и др.) и **когнитивно-семи-**

отическую, представляющую собой основной механизм формирования и эволюции любой терминосистемы и терминологического семиозиса в целом. Нами установлено, что спецификой когнитивно-семиотической деривации является наличие особого **ментального** терминологического элемента – **когнитивной единицы** (термин наш. – Л. Б.), под которой мы понимаем такую логико-понятийную единицу когнитивного опыта (и его результат), которая подлежит семиотизации и представляет собой ментальную основу термина-деривата как вербализованной структуры

Интерпретация термина как вербально-семиотического оператора в актах терминологического

ния и терминологического семиозиса в антропологической, когнитивно-креативной и семиотической системе координат позволяет квалифицировать эту процессуальность как творческую, сознательную, целеустремленную мыслительную, духовную деятельность. Синкретизм мыслительного и речевого актов осмысливается как деривационный (в широком контексте), текстообразующий процесс, продуцирующий терминологическую ткань научной прозы, в которой неизбежно – и закономерно – отражается своеобразие индивидуального или коллективного «я», являющегося ее творцом и создателем.

Такой подход позволяет принципиально по-иному трактовать системность и функциональность терминологической деривации (и терминов) в теоретическом пространстве концепции научной языковой картины мира с позиций принципа антропоцентризма – в противоположность существующим почти на всех этапах развития терминоведения тенденциям анализа континуума специальной лексики и терминосистем в русле их механистического «препарирования» отдельно, изолированно, вне языковой – творческой – личности. Именно в таком – безличностном – ракурсе актуальны и правомерны призывы к унификации, упорядочению, стандартизации, нормализации и т. п. (**систем**) **терминов; требования их моносемии, полноточности, отсутствия синонимии, неэмоциональности, экспрессивно-стилистической стерильности и т. п.** Это существенно, например, при разработке и создании ГОСТов, нормативных спецификаций, номенклатурных списков (справочников), терминологических стандартов, информационных тезаурусов, систем и т. д. (прикладной, практический аспект), когда данные терминологические единицы являются результатом элиминации, экстрагирования из сферы их жизнедеятельности (бытия) – языка науки как системы систем. В то же время при этом происходит как бы транспонирование (переход) совокупностей терминов от автора, языковой личности-творца к языковой личности-интерпретатору, что косвенно влияет на объективность, адекватность и эволюционность концептуализации терминосистем, их свойств, признаков, функций ввиду несовпадения интеллектуально-личностных, когнитивно-мыслительных и др. способов и форм восприятия и рефлексии действительности у «я»-творца и «я»-интерпретатора.

Процессуальность терминологической деривации как когнитивного семиозиса в языке

науки обуславливает и осуществляет формирование, создание, образование самых разных понятийных, категориальных, терминологических, концептуальных единиц, обладающих двуединой сущностью – ментально-когнитивной и вербально-семиотической. Процессы мышления и мыслительной деятельности ученого тоже в определенном смысле **деривационны**: получая информацию опытным, интуитивным или «теоретическим» путем, субъект науки перерабатывает, дополняет, классифицирует, интерпретирует ее, создавая на ее основе новую научную информацию более высокого когнитивного уровня – выводное знание. Главным лингвокогнитивным и оперативным средством объективации выводного знания выступает термин как уникальная ментально-семиотическая единица языка и мышления, служащая ключевым средством аккумуляции, хранения и транслирования Знания от поколения к поколению.

Термин максимально полно актуализирует важнейшую свою функцию – функцию **лингвокогнитивного медиатора**, понятийно-вербального посредника между системой знания и человеком, создающим, открывающим новое знание, человеком, пользующимся знанием (-ями) и передающим в своей профессиональной или научной деятельности это знание своим преемникам и ученикам. Бесперывность (в исторической перспективе) мыслительных, когнитивных процессов сознания человека обуславливает непрерывность **терминологического семиозиса** и способствует дальнейшему развитию как всего цивилизационного процесса, так и эволюции языка науки в целом. Все эти процессы носят международный характер в силу исторической интернационализации семиотических оснований мировых терминологий (латынь и греческий), без чего невозможен был бы как сам процесс «глобализации» научного сотрудничества, так и развитие мировой науки как единого целого.

Уникальность термина как «слуги двух господ» – науки и языка – обусловила его широкую полиипостасность: он аккумулирует в себе те признаки, качества, функции, которые детерминируют одновременность проявления термином сущностных свойств целого ряда феноменов. Так, одномоментно термин позиционирует себя как 1) единица метаязыка; 2) знак языка науки; 3) информационный конструкт; 4) логическая структура; 5) функциональный оператор; 6) **прагматический знак**; 7) **семио-**

тический феномен; 8) когнитивная структура; 9) знак культуры; 10) единица национального языка; 11) элемент деривационной системы; 12) результат терминологической деривации; 13) единица лексики; 14) единица логоса. Такое сочетание в одной языковой единице множества семиотико-прагматических и онтологических свойств обусловило специфическую когнитивную «энергетику» термина, что в сочетании с комплексом его функций дает все основания интерпретировать термин как знак когниции и эксплициатор научной концепции, как гиперкогнитивный феномен, кодирующий мыслительные структуры субъекта науки и репрезентирующий в специализированных знаках целостную научную концепцию.

Логико-понятийное сочетание и тематическая комбинаторика терминов каждой научной концепции неповторимы и уникальны, как уникален и неповторим сам процесс и этапность научного освоения и интерпретации мира познающим субъектом. Каждая научная концепция – это фрагмент единой целостной научной картины мира, в пространстве которой в зависимости от объекта, цели и направления исследования выстраивается особый терминологический каркас, репрезентирующий соотносительные ментально-мыслительные действия, процессы, кванты. Таким образом, почти с каждым термином (особенно узкоспециальным) имеется неразрывная ассоциативно-когнитивная связь («связка») конкретной научной концепции, теории или их части, что дает возможность по термину определять репрезентированную им научную концептуальную область.

Важнейшей разновидностью когнитивно-семиотической деривации выступает, по нашим наблюдениям, суффиксальная терминологическая деривация: русский язык науки, как и общенациональный язык, отличается очень богатой системой суффиксов. У каждой части речи имеется собственный инвентарь этих формантов, которые выполняют особые понятийно-когнитивные функции. Самую развитую систему суффиксов в финансово-экономической терминосфере имеет, по нашим наблюдениям, имя существительное, например: 1)–**АЦИЯ** (репрезентация понятийной категории **процесса, действия**): **Абrogация** (от лат. *abrogatio* – отмена) – отмена устаревшего закона; **Тезаврация** (от греч. *thesauros* – сокровище; запас) – накопление частными лицами золота; 2)–**ЦИЯ** (понятийные категории **процесс,**

действие; свойство): **Конкуренция** (от лат. *concurrentia* – столкновение; соперничество) – *соперничество*, борьба за достижение наивысших выгод, преимуществ; 3) –**ОСТЬ** (понятийные категории **свойство; способность; предмет**): **Валидность** (от фр. *valide* – законный, действительный) – применительно к исходной статистической информации, используемой в экономических исследованиях: *надежность* информации, отсутствие в ней ошибок из-за неточности выбранной методики сбора данных; **Обращаемость** – способность финансовых инструментов переходить из рук в руки в результате купли-продажи. Именно эти высокопродуктивные суффиксальные форманты, а также **-НИЕ, -АНТ** и некоторые другие (всего около 60) образуют наибольшее количество суффиксальных дериватов-номенов в финансово-экономической терминосфере.

Суффиксальная терминологическая деривация русской финансово-экономической терминосферы представляет собой активный когнитивный процесс, направленный на создание таких терминологических знаков языка, которые репрезентируют понятийно-логическую, информационно-тематическую и социально-культурную стратификацию экономического языка как глобального социолингвистического феномена.

Суффикс функционирует в системе понятийно-деривационных отношений как особая посткорневая **деривационно-категориальная матрица** (ДКМ), несущая – и репрезентирующая – определенную когнитивно-деривационную информацию (экспликация отнесенности понятийного содержания научной речи к действительности). В случае, если свойства (признаки) номинируемого гносеологического объекта не противоречат системе классификации, акт деривации (процессуальность) завершается адекватным результатом.

Каждый суффиксальный дериват финансово-экономической терминосферы одновременно стратифицируется по следующим суффиксально-деривационным блокам, представляющим собой: 1) блок, включающий дериваты, образованные с помощью одного и того же суффикса (односсуффиксальный блок); 2) блок, включающий дериваты, образованные по одинаковой деривационно-когнитивной модели (одномодельный блок); 3) блок, включающий дериваты, образованные на основе одинакового корня (однокорневой блок).

В процессе терминологической деривации формант получает способность определять

значение единицы, образующейся с его помощью, и указывать на ее отнесенность к определенному понятийно-семантическому классу. В сфере функционирования специальных терминов действует не только закон *понятийно-го согласования* (Л. Ю. Буянова), но и так называемый закон *понятийно-деривационной аккомодации* (Л. Ю. Буянова), отражающий как механизм функционирования терминов определенной деривационной структуры в их отношении к понятийно-тематическому содержанию модуля, так и закономерности закрепления за терминообразующими (деривационными) формантами специального, узкого значения как особого «классификатора», позволяющего осуществлять систематизацию ряда (множества) понятий одного порядка, одного уровня гносеологического членения. Интернациональные и исконно-национальные терминологические элементы, формирующие вербальную основу терминологии каждой предметной области, интерпретируются нами как когнитивные классификаторы.

Есть все основания полагать, что когнитивно-семиотическая деривация как глобальный процесс терминологического семиозиса в целом выступает важнейшим языковым механизмом концептуализации мира, так как в актах деривации осуществляется закрепление в вербализованной, «языковленной» форме результатов познания человеком окружающей действительности. Каждое производное слово, каждый вновь созданный термин отражает

«клеточку» нового знания, основанного на уже имеющемся когнитивном опыте познающего мир субъекта.

Список литературы

1. Буянова, Л. Ю. Актуальные проблемы терминологической деривации // Язык: история и современность : междунар. сб. науч. ст. Луганск, 1999. С. 12–17.
2. Буянова, Л. Ю. Узкоспециальный термин как объект и результат терминологической деривации // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX в. : сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». Вып. 6. СПб. ; Ставрополь, 2001. С. 580–586.
3. Буянова, Л. Ю. **Терминологическая деривация: лингвофилософское осмысление** // Текст. Интертекст. Перевод : коллект. моногр. Краснодар, 2004. С. 11–41.
4. Буянова, Л. Ю. **Метаязыковой потенциал термина как знака когниции** // Филология как фундамент гуманитарного знания : сб. науч. тр. Краснодар, 2010. С. 49–53.
5. Буянова, Л. Ю. **Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность**. Ставрополь, 2011. 282 с.
6. Буянова, Л. Ю. **Вербально-семиотический модуль «Рынок» как доминанта русской финансово-экономической картины мира** // Изв. Кабардино-Балкар. гос. ун-та. 2012. Т. 2, № 3. С. 87–90.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).

Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 22–25.

М. Д. Гинзбург

СЕМЬ ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ, ОТЛИЧАЮЩИХ ИХ ОТ ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА

Показано, что профессиональные языки являются эффективным средством формирования, фиксации, хранения и передачи профессиональных знаний именно благодаря органическому сочетанию вербальных и невербальных средств представления информации.

Ключевые слова: профессиональный язык, общеупотребительный язык, терминология, номенклатура, условное обозначение.

Проблемы, связанные с формированием, фиксацией, хранением и передачей профессиональных знаний, обусловили возникновение отдельного языковедческого направления – **исследование профессиональных языков** (языков профессиональной коммуникации [2. С. 45]; языков для специальных целей, *сокр.* ЯСЦ, нем Fachsprache, англ. languages for special purpose, LSP [3. С. 10]). Под **профессиональным языком** обычно понимают совокупность **всех** языковых средств, применяемых с целью обеспечить взаимопонимание в профессионально замкнутой сфере общения. Однако, профессиональные языки, как правило, изучают традиционными методами, не принимая во внимание невербальные средства профессионального общения, а также не учитывая тесную связь их структуры и средств с системой профессиональных знаний.

Нами [4] предложен иной – междисциплинарный подход, основанный на совместном рассмотрении **научной картины мира** (НКМ) как системы метатеоретических научных знаний о мире и **профессиональных языков** как «национальных языковых оболочек» этого универсального знания, не зависящего от особенностей определенных национальных языков (рис. 1). При таком подходе каждый слой **национального литературного языка** отвечает своей форме знаний (отражает и формирует собственную часть картины мира). **Общепотребительный язык** [2. С. 67], называемый также языком повседневного общения или языком для общих целей (*англ.* language for general purpose, LGP) [3. С. 11], отвечает ассоциативно-образным – **обыденным знаниям**, то есть отражает и формирует **обыденную картину мира** (ОКМ), а **профессиональные языки** отвечают рационально-логическим –

научным знаниям, то есть отражают и формируют НКМ. Поэтому **общепотребительный язык** применяют все носители определенного национального языка независимо от специальности, образования, социального положения и местожительства, а **профессиональные языки** – только в определенной профессиональной среде [1. С. 16–17; 3. С. 11].

Исходя из структуры национального литературного языка, можно сделать вывод об иерархии **языковых норм**. В профессиональных языках действуют как общие нормы литературного языка, изложенные в правописании и грамматиках, так и дополнительные (более жесткие) нормы, которые делают специальные тексты однозначно понятными.

Общепотребительный и профессиональные языки различаются также **формами представления информации**. Общеупотребительные тексты состоят преимущественно из текстовых фрагментов, проиллюстрированных отдельными рисунками и фотоснимками. А в специальных текстах кроме этого широко используют маркированные, нумерованные и многоуровневые списки (перечисления), таблицы, иллюстрации разных типов (диаграммы, графики, схемы, чертежи, карты), математические и химические формулы.

Языковые знаки (ЯЗ), используемые профессиональным языком, разделяют на вербальные и невербальные. Если в общеупотребительном языке языковыми знаками являются лишь общеупотребительные слова этого национального языка, то в профессиональном языке кроме общеупотребительных слов также используются специальные вербальные ЯЗ (собственные названия, термины, номенклатурные названия, аббревиатуры) и невербальные ЯЗ – условные обозначения (УО).

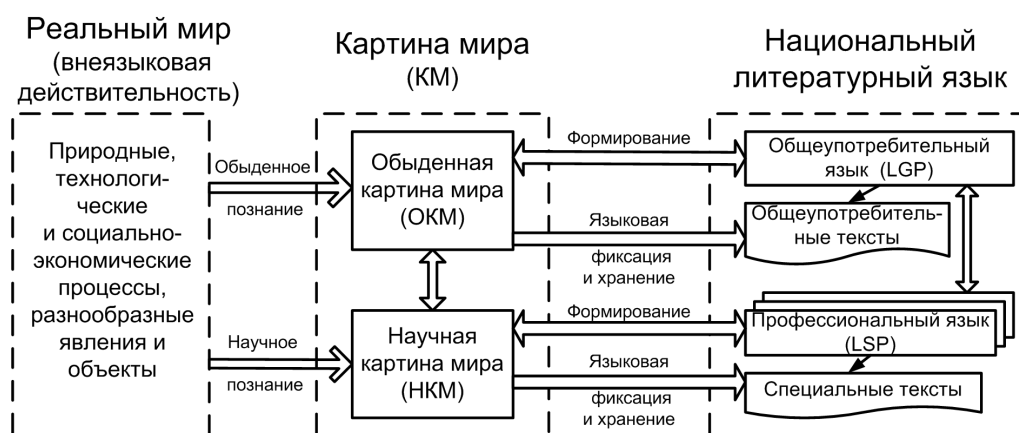

Рис. 1. Формирование, языковая фиксация и хранение обыденных и профессиональных знаний

Из-за неравномерности развития науки в разных странах государство, которое имеет приоритет в определенной области знаний, распространяет информацию об этом своим национальным языком, что способствует проникновению терминов этого языка в другие профессиональные языки [1. С. 5, 29, 36]. На ускорение интернационализации профессиональных языков положительно влияет развитие системы УО и принятие национальных стандартов на УО, гармонизованных с международными.

Общепотребительный язык является полностью естественной и поэтому открытой знаковой системой, тогда как профессиональные языки являются частично искусственными. Одни подсистемы ЯЗ (например, терминологию, номенклатуру, отдельные системы УО) можно считать частично открытыми, поскольку знак становится полноправным термином или номеном и входит в состав определенной терминосистемы (номенклатуры) только при условии его принятия профессиональным сообществом, фиксации в терминологических словарях и стандартах, классификаторах. Другие системы УО являются закрытыми, поскольку новое УО (например, дорожный знак или знак безопасности) нельзя применять до того, как его «узаконят» в нормативном документе (техническом регламенте, правилах, нормах, стандарте).

Для представления связей используем хорошо известный в семиотике и в терминоведении [3 С. 33, 102–103] семантический треугольник, добавив к нему дополнительные элементы (рис. 2). Вершины треугольника (**знак профес-**

сионального языка, объект реального мира и научное понятие) входят в три разные системы (профессиональный язык, реальный мир и НКМ), что обуславливает определенные связи между этими системами. Профессиональный язык является инструментом называния объектов реального мира, а НКМ – инструментом моделирования и отражения структуры и свойств реального мира. Поскольку абстрактное мышление невозможно без языка, профессиональный язык является инструментом формирования НКМ, а НКМ – инструментом формирования профессионального языка, то есть они формируются одновременно.

В центре треугольника мы поставили человека-исследователя, который познает мир и формирует НКМ, оперируя соответствующими ЯЗ согласно правилам построения, осмысления и употребления, установленным в профессиональном языке. В структуре профессионального языка кроме ЯЗ отдельно выделены правила, поскольку именно они регламентируют формирование специальных текстов. А специальные тексты являются средством языковой фиксации и хранения знаний, а также передачи их другим людям. Среди специальных текстов особое место занимают нормативные документы (терминологические стандарты, классификаторы, нормативные документы на УО), которые фиксируют эти правила. Следовательно, имеем систему с обратными связями.

Подытожим основные отличия между общепотребительным и профессиональным языком как частями единого национального литературного языка (см. табл.):

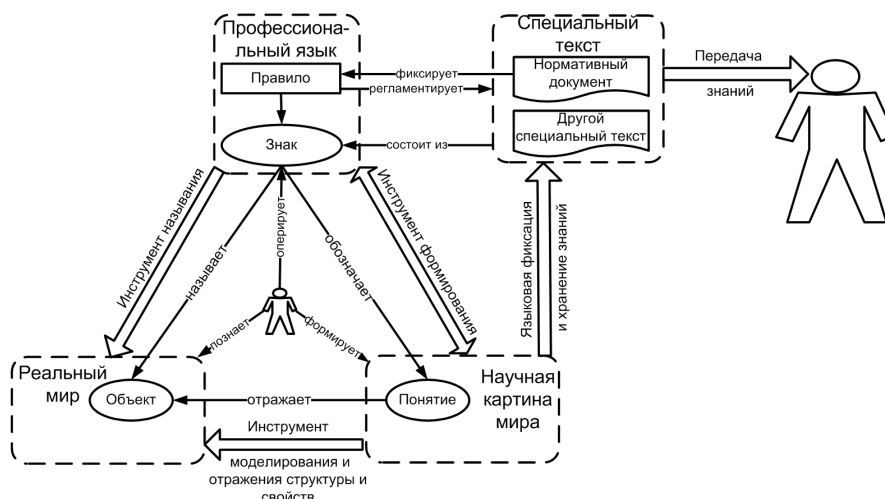

Рис. 2. Расширенный и дополненный семантический треугольник

Критерий	Общепотребительный язык	Профессиональный язык
1. Сфера функционирования	все носители данного национального языка независимо от специальности, образования, социального положения и местожительства	определенная профессиональная среда
2. Средство формирования, хранения и передачи	обыденных знаний	научных знаний
3. Языковые нормы	общие нормы определенного литературного языка	общие нормы определенного литературного языка + дополнительные нормы, делающие специальные тексты однозначно понятными
4. Форма представления информации	вербальная форма	эффективные вербальные и невербальные средства представления научных понятий, законов, принципов, теорий
5. Степень интернационализации	менее интернационализирован, чем созданные на его основе профессиональные языки	более интернационализирован, чем общепотребительный язык
6. Естественность / искусственность	полностью естественный язык	частично искусственный язык, то есть естественный язык с элементами искусственных языков
7. Открытость / закрытость знаковой системы	открытая знаковая система	терминология, номенклатура и отдельные системы УО являются частично открытыми знаковыми системами, а другие системы УО – закрытыми.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина. М., 2006. 252 с.
2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие М., 2011. 224 с.
3. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М., 2009. 256 с.
4. Гінзбург, М. Наукова картина світу як засіб інтегрувати та систематизувати фахові знання // Вісник Національного авіаційного університету. Сер. Філософія. Культурологія. 2012. Вип. 2 (16). С. 9–17.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 25–28.

А. И. Глазырина

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Описывается применение информационно-коммуникационных технологий в исследовании терминологий и терминосистем с точки зрения создания, обработки, хранения, использования и передачи информации, а также управления ею.

Ключевые слова: термины, компьютерный подязык, информационно-коммуникационные технологии, Web 2.0, облачное хранение данных, Microsoft Excel.

Термин выступает особой единицей – единицей языка и логоса. Его специфическая природа «слова в особой функции» [1. С. 77] обуславливает изучение как языковых харак-

теристик терминов, которые, бесспорно, подчиняются общим законам существования и развития языка как системы, так и внеязыковых характеристик.

Для терминоведа несомненный интерес представляют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), оптимизирующие сбор, систематизацию и исследование материала, а также верификацию полученных результатов. Англоязычная аббревиатура ICT (ИКТ) имеет две трактовки: 1) Information and Computing Technology [3]; 2) Information and Communication Technology [2]. Последняя трактовка «применяется в Европе вместо или как расширение термина Information Technology (IT), информационная технология – «общий термин, используемый для ссылок на все технологии, связанные с созданием, обработкой, хранением, использованием, пересылкой и управлением информацией в цифровом виде» [2]. В любом случае термины IT и ИКТ подразумевают следующую триаду: компьютер – компьютерные сети – программное обеспечение.

Web 2.0 (методика проектирования систем, которые путем учета сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются) как единая ИКТ предоставляет широкий диапазон разнообразных средств создания, обработки, хранения, использования, пересылки и управления информацией, в том числе и в терминологических исследованиях. Остановимся на некоторых понятиях, обозначающих способы хранения информации в цифровом виде: облачное хранение данных/облачный сервис (Dropbox, iCloud, Google Docs, Spideroak, SugarSync, Windows Live SkyDrive, ZumoDrive, MandrivaSync), социальное онлайн-хранилище (Wuala, Ubuntu One), файлообменные хостинги (4shared), веб-сервисы (iWork.com, Syncplicity), система управления документами (TeamDrive). Стоит упомянуть также веб-сервисы (см. веб-сервис, веб-службы) – сервисы, в которых обмен сообщениями производится по Интернету с использованием XML, SOAP или других принятых в IT-индустрии стандартов [2]. Все большее распространение получает интеллектуальное программное обеспечение (*intelligent software*), например, работа с искусственным интеллектом.

Системы резервного копирования данных представлены сервисами на следующих сайтах: <http://www.ibackup.com>, <http://www.mozy.com>, <http://www.carbonite.com>, <http://www.idrive.com>, <http://www.omnidrive.com>, <http://www.iomega.com>, <http://www.xdrive.com>.

Технология (формат, механизм, стандарт) RSS – «метод распространения новостной информации через Интернет по подписке, разно-

видность XML. Поскольку технология не устоялась, сейчас имеется три расшифровки аббревиатуры RSS: а) Really Simple Syndication – действительно простая синдикация; б) Rich Site Summary – исчерпывающая сводка сайта, «хорошее обобщение сайта»; в) RDF (Resource Description Framework – **инфраструктура описания ресурсов**) Site Summary – сводка сайта с инфраструктурой описания ресурсов протокол для передачи и приема оперативно рассылаемых новостей, может служить дополнением Web-журнала, наряду с RSS-агрегатором» [2]. Данная ИКТ терминология может оказаться чрезвычайно полезной при исследовании специальных единиц стандарта и субстандарта в их функциональном аспекте: употребление в дискурсе СМИ и т. д.

Перейдем к средствам, предоставляемым ИТ (программное обеспечение). Наибольший интерес для терминоведения, на наш взгляд, представляют программы **Microsoft Open Access** и **Microsoft Excel**. Эра «карточек в коробочках» канула в Лету: сегодня бессмысленно от руки составлять картотеки, переключая затем карточки в нужном порядке в зависимости от условий поиска.

Работая с программами пакета Microsoft Office (Microsoft Office 2010 – текущая версия офисного пакета, базовая поддержка которой будет прекращена 15 июля 2015 г.), пользователи не до конца осознают и используют их потенциал. Все это правомерно и для проведения исследований, записи результатов и их обработки в лингвистике.

Исследование уровней языков в рамках изучения терминологий и терминосистем (о различии последних см. работы А. С. Герда, С. В. Гринева, В. М. Лейчика, С. Д. Шелова) предполагают выделение инвентаря определенных признаков (например, аффиксов и поллаффиксов, интернациональных терминологических элементов, всех видов сем).

Инвентаризация и анализ всей совокупности признаков могут быть осуществлены в рамках стандартных программ пакета Microsoft Office, а именно – Microsoft Office Excel и **Microsoft Office Access** (для тех, кто не может определиться с программой будет полезна следующая гиперссылка – <http://office.microsoft.com/en-us/training/quick-reference-card-RZ010253998.aspx?section=12&mode=print>). Эти программы, предназначенные для ведения любой аналитической работы, обладают одним неоспоримым преимуществом – позволяют ав-

томатически сортировать данные в зависимости от необходимого параметра.

Чем же особенно удобен Microsoft Excel 2007 и 2010 при исследовании морфологического и/или семантического уровней? Работа с данными в Microsoft Excel (вкладка «Данные») делится на 5 этапов: «Получение внешних данных», «Подключение», «Сортировка и фильтр», «Работа с данными», «Структура».

Во-первых, множество вкладок позволяют структурировать материал, вынести отдельно условные обозначения, которые, несомненно, будут присутствовать в таблицах.

Во-вторых, количество строк и колонок в таблицах Excel не ограничено. В отличие от Microsoft Word исследователю не приходится составлять таблицы вручную. Microsoft Excel автоматически выравнивает ширину колонок. Единственный недостаток – при выводе на печатный носитель необходимо учитывать размер бумаги (чтобы не ошибиться с количеством колонок на одну страницу можно воспользоваться функцией программы «Предварительный просмотр»).

Microsoft Excel позволяет автоматически получать внешние данные из текста (одно условие – данные должны быть представлены в формате *.txt*).

Следует учитывать, что текст необходимо располагать в одной ячейке Microsoft Excel, так как автоматическая разбивка по столбцам возможна лишь в этом случае. Таблицы Excel легко копируются в Microsoft Word с последующими трансформациями уже в Microsoft Word, что немаловажно при написании работы исследовательского характера.

Если выбрать во вкладке «Формат данных» параметр «фиксированной ширины», то данные автоматически разобьются на столбцы выбранной ширины (вкладка «Установите ширину полей»), исключая ненужный ввод с клавиатуры из документов с расширением *.doc*.

Самой важной функцией, предоставляемой программой Microsoft Excel, является сортировка данных по различным параметрам: количество параметров теоретически не ограничено. Возможна классификация по следующим параметрам: 1) фильтр; 2) цвет шрифта; 3) цвет заливки ячеек.

Гипотетически, имея 3 фильтра (суффиксы или семы), 2 шрифта (2 словника) и 2 разных цвета ячейки (2 регистра) возможно выделить 12 подмножеств элементов.

При сортировке данных имеет смысл выполнить сортировку сразу по нескольким критериям, например: 1) по столбцам; 2) значениям; 3) порядку. Немаловажно, что в данном случае программа позволяет учитывать регистр. Исследователь вправе выбрать любой необходимый ему фильтр, присвоив ему любое имя. Вкладка «Работа с данными» позволяет распределять содержимое одной ячейки Excel по столбцам. Следует учитывать, что данные должны обязательно помещаться в одну ячейку. Работа с данными в нескольких ячейках невозможна.

Первый шаг в реализации этой процедуры – указание формата данных: 1) с разделителями; 2) фиксированной ширины. Стандартные разделители (предусмотренные программой) включают: знак табуляции, точку с запятой, запятую или пробел. Однако наиболее интересным представляется вариант с выбором любого символа в качестве разделителя. Из опыта работы с текстовыми данными наибольшую «продуктивность» представляет символ %, поскольку он практически не встречается в текстах. Программа однозначно будет воспринимать данный символ в качестве разделителя столбцов. К сожалению, автоматизировать процедуру разбиения текста на смысловые фрагменты с помощью данных разделителей не представляется возможным. Данная операция производится исследователем вручную. Ниже в диалоговом окне исследователь сразу видит образец разбора данных. Затем программа запрашивает формат данных: общий, текстовый или дата. Наиболее оптимальным представляется общий или текстовый формат. Следует, однако, учитывать некоторые нюансы: для значений формата «Общий» осуществляется автоматическое преобразование числовых значений в числа, дат – в даты, а всех прочих значений – в текст.

Одной из необходимых функций в работе лингвистов является функция «Удаление дубликатов», осуществляющая удаление повторяющихся строк с листа. С помощью данной функции возможна проверка столбцов на повторы. Удаление возможно лишь при выборе режима «Сортировать в пределах указанного выделения», причем удаление данных возможно лишь в рамках одного столбца. Программа оставляет лишь уникальные значения, показывая количество удаленных повторяющихся значений. Такой механизм позволяет со 100% точностью вести подсчет идентичных элементов в массиве данных.

Вкладка «Работа с данными» поможет проверить введенную информацию. Тип данных может представлять собой целое число, действительное, список, дату, время, длину текста. Значения варьируются от «между» до «меньше или равно» («вне», «равно», «не равно», «больше», «меньше», «больше или равно», «меньше или равно»). Например, выберем тип данных «Длина текста», значение «Между», при этом минимум составит 1 единица, максимум – 3 единицы. Затем во вкладке «Проверка данных» выбираем команду «Обвести неверные данные». Команда «Удалить обводку неверных данных» позволяет «в один клик» отменить все выделения. Остальные функции программы предназначены в основном для работы с числовыми значениями и формулами.

Описанная программа практически не содержит так называемых «горячих клавиш». Интерес представляют лишь 2 горячие клавиши: *Ctrl+Shift+A* – «Отображение формата ячейки»; *Ctrl+Alt+F5* – «Обновить все».

Одной из полезных и наглядных функций является функция создания гиперссылок как в самом тексте, так и между документами. Создание гиперссылок между документами позволяет с легкостью осуществлять навигацию, экономия время, нервы и силы исследователей.

Что касается создания гиперссылок между ячейками, то здесь необходимо помнить о двух «подводных камнях»: во-первых, создание мультиссылок невозможно (переход будет осуществляться поэтапно, от одной гиперссылки к другой); во-вторых, при передвижении данных по ячейкам в процессе работы над документом исследователь рискует нарушить систему гиперссылок. Гиперссылки в документе чрезвы-

чайно удобны в случае необходимости связи лексем, состоящих в тех или иных парадигматических отношениях (синонимии, паронимии, антонимии и т. д.). Исследователь вручную указывает номер ячейки перехода запроса (например, A232). Если данные в результате автоматической сортировки переместились в ячейку A343, то гиперссылка все равно будет связана с предыдущим указанным значением. Следовательно, данный этап можно назвать “last but not least” (англ. «хотя и последний, но не менее важный») и осуществлять данную процедуру в самом конце исследования, когда все данные уже были отсортированы и проверены на предмет наличия дубликатов.

Использование широких возможностей программы Microsoft Excel облегчит работу лингвиста, однако полностью автоматизировать процесс исследования, конечно же, не сможет. Любое автоматическое действие требует контроля и корректировки со стороны самого исследователя.

Список литературы

1. Капаназе, Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 75–86.
2. Пройдаков, Э. М. **Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию** [Электронный ресурс]. М., 2004. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. New Oxford American Dictionary [Электронный ресурс]. Oxford, 2005. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 28–32.

Е. И. Голованова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема выявления специфики профессиональной когниции. На основе различных языковых фактов устанавливается своеобразие профессионального восприятия и интерпретации объектов.

Ключевые слова: профессиональная когниция, интерпретирующая деятельность, профессиональная личность, профессиональный дискурс.

В самом общем смысле интерпретировать – значит «раскрывать смысл чего-либо, объясняя». В процессе интерпретации происходит конструирование смысла, преобразование реальности под влиянием нового отношения к ней с позиций определенного человека или группы людей. Это вполне справедливо по отношению к языку в сфере профессиональной коммуникации. Привычные вещи получают здесь новое осмысление, транслируют особенности профессионального восприятия, включенного в особую концептуальную структуру, особый микрокосм.

По определению В. З. Демьянкова, когница представляет собой процедуру получения и использования «предзнаний», под ней понимается интуитивный процесс, разновидность «мыслительных операций, обслуживающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [3. С. 5].

В центре внимания данной статьи находится малоизученный¹ феномен концептуализации и категоризации обиходного практического опыта, зафиксированного в единицах профессионального субстандарта – в профессионализмах и профессиональных жаргонизмах (о разграничении данных единиц см. [2]). Субъект когници стремится выразить в подобных наименованиях не только важные стороны профессиональных объектов, но и свое отношение к ним, эксплицировать событийный контекст.

Вслед за Н. Н. Болдыревым будем различать в интерпретирующей деятельности языка три момента: селекцию, классификацию и оценку [1. С. 11]. Безусловно, в реальности они существуют в нераздельной целостности, их выделение условно и продиктовано научными задачами. Каждая из этих составляющих имеет важное значение в рамках профессиональной когници.

Селекция, или выбор объекта для интерпретации. Отбор объектов определяется содержанием практической деятельности человека. Главное здесь – то, на что направлена активность человека. Эвристической ценностью при анализе селективных характеристик профессиональной когници обладает известная классификация профессий, предложенная психологом Е. А. Климовым. Согласно его точке зрения, все профессии подразделяются на пять основных типов: «человек – человек», «человек – техника», «человек – природа», «человек – художественный образ», «человек – знак» [5].

Современный языковой материал позволяет обратить внимание прежде всего на профессии типа «человек – человек» (коммуникативно интенсивные сферы деятельности).

Представитель данной профессиональной категории выбирает для своей интерпретации тех, с кем приходится общаться. Так, у врачей в центре внимания оказывается больной, который характеризуется с самых разных сторон: с точки зрения внешнего облика, разновидности заболевания, особенностей собственного поведения и вызываемого к себе отношения у медперсонала. Сравните: *флинт* – больной с ампутированной ногой, *икар* – пострадавший в результате падения с высоты, *колобок* – больной с выраженным асцитом (скоплением жидкости в брюшной полости), *жириновский* – скандальный больной; *факир* – сильно обгоревший человек, находящийся в ожоговом отделении, *зайчик* – больной с обморожением костей, *скрипач* – пациент после суицидной попытки с типичными ранами предплечья (примеры взяты из [4]), и т. д. Коллеги-врачи гораздо менее «интересны» как объекты интерпретации (ср., например: *мясник* – хирург; *цыгане* – врачи, выпрашивающие мелкие подарки у медпредставителей).

Журналисты выбирают в качестве главного объекта изучения интервьюируемых: *данетка* – человек, отвечающий односложными фразами (чаще всего «да» или «нет»), *горби* – тип людей, которые, отвечая на вопросы, говорят много, но бессодержательно; *крокодил* – о тех, кто во время интервью неосознанно старается перехватить инициативу («тянет одеяло на себя»). Коллеги по цеху тоже могут оказаться в центре внимания: *подергунчик* – журналист, который во время интервью ведет себя беспокойно, чрезмерно активен, постоянно дергает микрофон; ср. также: *говорящая голова*, *безучастный столб*.

Риелторы направляют свою познавательную активность на клиентов: *клепка* – не определившийся клиент («снова звонил клепка»), продавцы – на покупателей: *Достоевский* – тот, кто долго выбирает товар, но не покупает его; тренеры – на спортсменов: *качок* – человек с хорошо развитой мускулатурой; *дохляк* – очень худой, без ярко выраженной мускулатуры; *инвалид* – бесперспективный начинающий спортсмен; *химик* – спортсмен, употребляющий анаболические препараты; *тело* – слабый спортсмен, который должен потерпеть поражение; *зверь* – спортсмен, выполняющий большую нагрузку на тренировке и т. д.

Не менее репрезентативна в языке специфика профессиональной когнитивной категории профессионалов – «человек – техника». Костяк этой группы составляют рабочие: слесари, электрики, токари, сварщики, строители и т. п. В центре их внимания выступают инструменты, механизмы, разнообразные детали и комплектующие. Сравните: *клевак, клевачок* – молоток сварщика; *карандаш* – тяжелый рифленый лом, *царапка* – инструмент для обработки незатвердевших поверхностей цементных стяжек; *теща, свекровка, машка* – названия кувалды; *гитара* – коробка передач станка; *звездочка* – деталь, комплектующее технического устройства, оборудования; *горячий стол* – упаковочный аппарат; *горшок* – ковш и т. д.

Особую группу в рамках данной категории составляют водители. Несмотря на то что они подразделяются на водителей грузовых машин, водителей автобусов, троллейбусов, легковых автомобилей, всех объединяет направленность профессиональной когнитивной на главный «инструмент» их деятельности – то средство передвижения, которым они управляют (а также его части, детали, механизмы, особенности «поведения»). Сравните: *коротыш* – маленький автобус; *крокодил* – грузовик с длинными бортами; *буратино-транс* – лесовоз; *глухонемой* – грузовик, не оборудованный рацией; *тиски* – тормоза (ср. *ударить по тискал*); *мясорубка, весло* – ручной стеклоподъемник; *косуха* – боковая форточка в автомобиле; *шушлайка, погремущка, сарай* – старый, выдавший виды троллейбус (или любая потрепанная машина); *куратник* – надстройка кабины, оборудованная спальным местом; *парашют* – тормозной кран, действующий только на прицеп; *колбаса* – запасное колесо; *кочерга* – рычаг переключения передач; *юбка* – спойлер под передним бампером; *стукач* – прибор, определяющий расход топлива и проч.

Классификация как элемент профессиональной когнитивной. Для практического сознания в сфере предметной деятельности наиболее значимой при классификации объектов является их визуально-деятельностная характеристика. Через отдельный признак номинатор целостно воспринимает объект. Чаще всего таким признаком выступает форма (*галстук, звездочка, баранка, карандаш, портянка, рукав, рогатый, кишка, лягушка, пушка, пистолет* и др.), размер (*малыш, коротышка, семечки, клопы, чемодан, балда*), характерная функ-

ция (*удавка, царапка, клевак, ползун, бегунок, пиявка, тиски, паровоз, крокодил*), качественная (*деревянное тесто, больной вагон, слепое тиснение, бархатный путь, окно, мигалка*) или количественная (*свадьба, деревня* – о поездах, *пара, двойник, двойняшки*) характеристика, а также материал, из которого сделан предмет (*железо, картонка*), или типичный цвет (*мухоморик* – дежурный по станции в красной шапочке, черный экран и т. п.).

При этом восприятие формы оказывается доминирующим в механизме познания профессионального объекта: *портянка* – наряд на работу или расчетный листок, индивидуальная зарплатная ведомость; *блины* – автомобильные колонки; *головка* – привод ленточного или скребкового конвейера или его концевая часть; *зубок* – режущий инструмент с победитовой напайкой; *резец, поросенок* – концевой редуктор конвейера проходческого комбайна; вытянутые предметы: *кишка, нитка, веревка*; сдвоенные объекты: *штаны* – двойной патрубок вентиля в шахте.

Конечно, каждая деятельность отличается собственными когнитивными параметрами. Узкоспециальный характер классификации очевиден, например, в обозначениях мастеров швейного дела: *пальтовик* – портной по пошиву пальто, *легочник* – портной по пошиву легкого женского платья.

Весьма любопытные наблюдения содержат субстандартные номинации, функционирующие в языке продавцов-консультантов. Так, на одном из сайтов [7] выложена информация о четырех основных категориях покупателей: «пингвины», «бакланы», «ломаки» и «еноты». Объяснение автора позволяет понять, что самые удобные для продавца-консультанта покупатели обладают такими характеристиками, как легкость в общении, быстрота принятия решений, доброжелательность и юмор («пингвины»). Менее комфортны для данной категории профессионалов «бакланы», которые любят поговорить, долго принимают решения («созревают» для покупки после 5–6 сеансов общения с продавцом). «Ломачи» отличаются переменчивостью мнения, непоследовательностью. Самые неудобные – «еноты» (с ними связано устойчивое выражение продавцов «наступить на енота», т. е. попасть в трудное положение), они технически информированы, но непредсказуемы, их реакции не вполне адекватны.

Оценка при восприятии профессиональных объектов. Во многих случаях оценка вы-

ражается непрямо, имплицитно, например: *горбатый* – троллейбус с «гармошкой», т. е. перевозящий большее количество пассажиров (ср. *горбатиться* – напряженно трудиться, *горбатая смена* – тяжелая смена). В данном примере скрыто выражена отрицательная оценка предмета с точки зрения водителей. Негативное осмысление содержится в профессиональных номинациях, изначально связанных с миром животных: *ошейник* – ремень безопасности в автомобиле; *намордник* – респиратор у шахтеров.

Отрицательная оценка очевидна в следующих наименованиях из речи водителей: *барбухайка* – автобус из стран бывшего союза, произведенный на ремонтном или непрофильном заводе (не доведенный до нужного состояния); *ведро* – автомобиль марки «Ока», *ведро с болтами (с гайками, с мотором)* – старый, разбитый автомобиль. Водители пассажирского транспорта о тех, кого они перевозят, пренебрежительно говорят: *мослы, дрова* («не дрова везешь!»); *костыли* – о медлительных пассажирах. Положительная оценка проявляется в наименовании *лайнер* (из речи копирайтеров) – краткий анонс передачи, часто содержащий рекламную информацию о спонсорах (в названии подчеркнута легкость восприятия текста, быстрота его воздействия и функция «перевозки», трансляции нужной информации).

Весьма интересны общие характеристики интерпретируемой профессиональной реальности, выявленные нами в ходе анализа. Для любого специалиста главным является деятельностное осмысление предметов и явлений (через отношение к той деятельности, которая с ним связана). Типичное состояние любых предметов, которые окружают профессионала, и его собственное состояние – активность, движение. Маркеры статичности вербализованы в таких единицах, как *тормозок* – еда, принесенная с собой на работу (раб.), *зажим* – ограничение активности актера, помеха (театр.).

Нами выделены ряды однокоренных слов с общим признаком «отсутствие движения, фиксированность позиции, статичность». Например, профессиональные обозначения с корнем *глух-*: *глухое окно* (неподвижное окно, не открывающееся, без возможности доступа воздуха), *глушить* (в волейболе – отбивать мяч без возможности ответного удара; контакт закрыт), *глухарь* – нераскрытое уголовное дело (подчеркнуто отсутствие движения в расследовании дела), ср. также: *глухая кража, мокрый*

глухарь (о нераскрываемых или нераскрытых преступлениях).

Сходный признак выражается профессионализмами и профессиональными жаргонизмами с корнем *вис-*: *висяк* – нераскрытое преступление («висит», т. е. не движется); *повиснуть* – у водителей: не въехать в подъем из-за скользкого покрытия, буксовать; *зависнуть на трубе* – о больном, если долго не удастся снять его с аппарата искусственной вентиляции легких («Петров неделю на трубе висит», т. е. находится в одном положении, без изменений). Ср. в речи бухгалтеров: *висят остатки* – числятся в учете («Остатки висят уже полгода»); о компьютере: *завис* – замер без движения (отсутствие функционирования), *висяк* – программа, которая приводит к зависанию компьютера. Ограничение движения в языке шахтеров репрезентировано словом *мышеловка* – шахта с одним стволом, без запасного выхода и вентиляции.

В профессиональном предмете очень важна его *готовность функционировать*: *больной вагон* – неисправный в техническом отношении; *несвежий светофор* – «непроходимый» для грузового автомобиля (времени для проезда недостаточно); *убитый шрифт* – неразличимый; *убить поезд* – нарушить график работы поезда; *глаз замылился* (внимание, необходимое для проверки письменной работы, ослаблено). Ср. также: *штопать путь* – подбивать шпалы (представление о нарушенной целостности чего-либо), *штопать бочку* – заваривать отверстия (делать пригодным к употреблению), *штопать* – мед. накладывать швы (возвращать функциональность).

Таким образом, субстандартная профессиональная лексика оказывается весьма важным объектом изучения процессов познания, концептуализации и категоризации действительности. Ее сущностные черты обусловлены связью с практической деятельностью людей и отражают их практическое сознание. Как писал Л. В. Щерба: «Я думаю вообще, что литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в языке отдельных человеческих группировок» [8. С. 126].

Примечание

1 Сошлемся на замечание В. М. Лейчика: «... вопрос об устной форме терминов и, в целом, об устной форме речи в пределах ЯСЦ пока изучен очень слабо» [5. С. 62].

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2013. № 1. С. 5–13.
2. Голованова, Е. И. Типология единиц профессиональной коммуникации: когнитивно-прагматический аспект // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2008. № 9 (110). Филология. Искусствоведение. Вып. 19. С. 25–29.
3. Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2005. № 3. С. 5–10.
4. Казакова, Д. В. Категория комического в медицинском дискурсе: автореф. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.
5. Климов, Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995. 224 с.
6. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006. 256 с.
7. Сленг продавцов-консультантов в компьютерных магазинах [Электронный ресурс]. URL: <http://asadmin.ru/content/view/27/9/>
8. Щерба, Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957. 188 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).
Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 32–34.

Т. В. Дроздова

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Концептуальные образования, когнитивные форматы хранения экспертного знания и языковая когниция в их взаимодействии рассматриваются в статье как обуславливающие образование терминологических номинативных единиц.

Ключевые слова: *термин, понятие, концептуальная система, когнитивная структура.*

Терминообразование, являясь по своей сути процессом образования номинативных единиц естественного языка, то есть словообразованием, основывается на взаимодействии ментальных процессов познания экстралингвистической действительности (и их результатов - различных типов знания) и языковой когниции, то есть знаний в области языка. Однако экстралингвистическое знание носит здесь особый характер: оно приобретает в определенных сферах профессиональной деятельности, включая научную, и, будучи знанием экспертным, характеризуется как систематизированное и представленное в большинстве случаев на высоком уровне абстракции, но в то же время не разрывающее полностью связи с обыденным познанием, в лоне которого оно зародилось. Основной функцией языкового знака, определяемого как термин, оказывается вербализация и репрезентация экспертного знания.

Определенные результаты исследований номинативных процессов с позиций когнитив-

ного подхода, в том числе полученные в области когнитивного терминоведения, о достижениях и перспективах которого убедительно писал В. М. Лейчик [8], а также анализ когнитивных процессов и механизмов, лежащих в основе словообразования, концептуальных и когнитивных форматов хранения знания, осуществленный лингвистами-когнитологами, позволяют уточнить и расширить представление о когнитивных основаниях терминообразования, что и является целью данной статьи.

Не вызывает сомнения тот факт, что в самом широком смысле когнитивным основанием терминообразования является концептуальная область соответствующей профессиональной сферы – совокупность экспертных знаний. Вследствие различных ментальных / когнитивных операций с полученным экспертным знанием / информацией, на уровне индивидуального и коллективного сознания формируются оперативные единицы (концепты / понятия), оформляется концептосфера науки,

образуются различные когнитивные форматы хранения знания (пропозиции, фреймы, схемы и др.) – ментальные репрезентации, которые объективируются вербальными средствами национальных языков – языковыми репрезентациями. При этом в качестве терминов нередко функционируют общеупотребительные единицы национальных языков, реализующие в профессиональных сферах свое «дальнейшее» значение (в понимании А. А. Потемни), раскрывающее содержание специального понятия, что подтверждается лексикографическими источниками, фиксирующими не только конвенциональные смыслы, связываемые в обыденном дискурсе с соответствующим языковым знаком, но и элементы научного знания (подробнее см. об этом: [10. С. 191–192]).

Объяснение этого факта видится прежде всего в том, что научное знание все шире проникает в область повседневной жизнедеятельности человека, вследствие чего подвергается корректировке его концептуальная система, а действие когнитивной операции сравнения или сличения концептуальных признаков и атрибутивных характеристик, образующих содержание концепта в обыденной и специализированной картинах мира, уточнения его связей и взаимоотношений с другими концептами, выявляет новые смыслы, дополняющие конвенциональное знание о реальных или ментальных объектах в аспекте их онтологии. Эти смыслы получают репрезентацию на уровне значения общеупотребительных языковых знаков, под которые уже подведены соответствующие концепты, что обеспечивает использование таких знаков в качестве терминов.

В то же время можно полагать, что если в результате научного познания и формирования научной картины мира идеализированный объект науки характеризуется через конструируемые исследователями абстрактные признаки и отношения с другими объектами, нерелевантные для обыденного познания, а связь между повседневной и научной картинами мира опосредуется лишь общностью референта (или экстенционала) языкового знака, то у соответствующего знака формируется новое значение (ЛСВ), определяемое в терминоведении как «терминологическое». Сличение концептуальных областей обыденного и экспертного знания сопровождается в данном случае операцией «достраивания» когнитивной матрицы, раскрывающей содержание концепта, или иными изменениями репрезентирующих его когнитивных форматов.

Тот факт, что значения одних и тех же терминов в разных словарях не совпадают в части представленных в них элементов содержания понятия (см., например [4]) с позиций когнитивного подхода можно объяснить тем, что термин, выступая в качестве имени понятия, рассматриваемого в когнитивной лингвистике как такой тип концепта, который содержит «наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логические характеристики» [2. С. 36], все же реферирует к более емкой концептуальной единице: концептуальной системе (в понимании Р. И. Павленца [9. С. 279–280]), или концепту в родовом понимании этого термина (согласно определению Е. С. Кубряковой [7. С. 7]), то есть к совокупности существенных и несущественных признаков (выявленных не только в научном, но и в обыденном познании), системе образов, мнений, воображений, а на уровне индивидуальной концептуальной системы – личностных смыслов и, что не исключено, чувственных ощущений и эмоциональных переживаний. Очевидно, что, с одной стороны, не все составляющие концепта могут быть вербализованы, то есть дефиниция понятия как значение термина не может передать всю стоящую за знаком вербальную и невербальную информацию, составляющую содержание концепта. С другой стороны, релевантность того или иного признака для определенной отрасли науки или ее более частной области, равно как и для отдельного исследователя, разъясняющего понятие через значение термина, не будет одинаковой. (Заметим, что в некоторых фундаментальных, чисто теоретических науках содержание концепта все же, по-видимому, сводится только к понятию.)

Что касается необходимости обозначения новых объектов и понятий в различных областях профессиональной коммуникации, то для этой цели интенционально создаются единицы вторичной номинации: традиционно понимаемые производные и аналитические дериваты (номинативные терминологические комплексы или несколькословные термины). Ментальным процессом, обуславливающим порождение производного языкового знака, считается процесс концептуальной деривации, представляющий собой, по определению Л. В. Бабиной, «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [1. С. 86], которые уже получили языковую привязку, вследствие

чего с ними возможны дальнейшие операции объединения в новые концептуальные структуры, обладающие новыми языковыми значениями. Действие концептуальной деривации объясняется указанным автором через понятие скетч-фрейма – той части структурированной области знания (фрейма), которая соотносится с производящим словом и оказывается в фокусе внимания при образовании концепта, репрезентируемого производной единицей. Скетч-фрейм определяет концептуальную структуру, лежащую в основе семантики такой единицы и представляющей собой пропозицию. Л. В. Бабина, со ссылкой на других исследователей, указывает на определенную аналогию когнитивных форматов хранения знаний и словообразовательных моделей, по которым создаются производные единицы, в том числе и термины [1. С. 87].

В работах другого исследователя – С. А. Жаботинской, рассматривающей с когнитивных позиций теорию номинации, раскрывается понятийная (когнитивная) природа ономаσιологической модели, структурирующей внутреннюю форму производного знака или его номинативное значение [6]. Очевидно, что знание ономаσιологических моделей позволяет при порождении знака эксплицировать (профилировать, выделять) на уровне его экспоненты отдельные составляющие репрезентируемого концепта, что обеспечивает реципиенту относительно быстрое его узнавание (см., например: [5]).

Достаточно подробно рассмотрены исследователями и такие актуальные в области терминообразования когнитивные механизмы, как метафора и метонимия, в основе которых лежит когнитивный процесс интеграции разных концептуальных областей (источника и цели). Направления его реализации представлены на уровне языковой когниции набором моделей метафоры, метонимии и метафтонимии (анализ соответствующих работ см., например, в [3. С. 104–115]).

Другой когнитивный процесс, действующий в области терминообразования и обозначенный Е. И. Головановой как «перекатегоризация», на языковом уровне связан с образованием отглагольных дериватов. Ссылаясь на мнение О. К. Ирисхановой, Е. И. Голованова подчеркивает, что в этом случае для языкового выражения обеспечен двойной путь концептуализации широкой референтной базы события и отмечает, что такие единицы «выступают экономным средством усложнения и развития научного знания» [3. С. 115–122].

Завершая статью, укажем, что ограниченность объема не позволила более подробно рассмотреть когнитивные основания действия языковых механизмов, обеспечивающих порождение языковых знаков, вербализующих экспертное знание, но выражаем надежду, что автору удалось в наиболее общем виде показать взаимодействие структур сознания и когнитивных структур хранения знания, включая языковое знание, в процессе терминообразования.

Список литературы

1. Бабина, Л. В. Проблема концептуальной деривации // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2007. № 4. С. 86–91.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2002. 123 с.
3. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
4. Дроздова, Т. В. Концепты как основа ключевых понятий в терминологии // *Концептуальный анализ языка: современные направления исследования* : сб. науч. тр. М. ; Калуга, 2007. С. 139–148.
5. Дроздова, Т. В. Когнитивные основания несколькихсловных терминологических номинаций // *Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков : материалы междунар. науч. конф. к 100-летию А. В. Кунина*. М., 2009. С. 59–62.
6. Жаботинская, С. А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов // *Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна*. 2010. № 928. С. 6–20.
7. Кубрякова, Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // *Реальность, язык и сознание : междунар. межвуз. сб. науч.тр. Вып. 2*. Тамбов, 2002. С. 5–15.
8. Лейчик, В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI вв. // *Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания* : сб. науч. тр. М. ; Рязань. 2007. С. 121–132.
9. Павиленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 286 с.
10. Харитончик, З. А. К концептуальной сущности значения // *Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии*: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. М., 2010. С. 186–194.

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ-ТРОЛЛИНГА И ПРОБЛЕМЫ «ШУМА» В КАНАЛЕ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена такому специфическому явлению интернет-коммуникации в современном информационном пространстве, как троллинг. Автор указывает на роль троллинга в искажении профессиональной коммуникации и предлагает обзор актуальных точек зрения на этот феномен.

Ключевые слова: троллинг, канал коммуникации, искажение информационных потоков, профессиональная коммуникация.

Троллинг, едва появившись в мировой паутине, сразу привлек внимание исследователей, хотя фундаментально это явление не изучено. Конечно, широко известно, что существуют универсальные методические указания для «троллей», где подробно расписываются виды, типы, назначение троллинга, однако такие документы «прикладного назначения» пока не попадали в исследовательское поле.

В настоящей статье ставится задача проанализировать именно научные подходы к явлению и рассмотреть возможности современной теории коммуникации в выработке грамотных «антитроллинговых» рекомендаций, основанных на анализе явления, его трендов и перспектив развития. Это значимая задача, поскольку позволяет рассматривать троллинг как ультра-современный вариант «шума» в канале коммуникации, а соответственно и реальный барьер в осуществлении коммуникации, в том числе профессиональной.

Как утверждают специалисты, троллинг возникает в начале 1980-х гг. уже при первых шагах Usenet'a, то есть одновременно с появлением самой сети. Согласно принятому определению, под троллингом понимается намеренно провокативное поведение участника коммуникации, связанное с выполнением им разных задач, не имеющих отношения к существу дискуссии или предмету коммуникации.

По сообщению Дж. Шин, автора статьи «Исследование интернет-троллинга и его моральной стороны» [8. Р. 2834], в 2006 г. одна из политических активистов Кореи судилась с 26 людьми, которых она обвинила в троллинге. 12 из них получили обвинительные приговоры, 14 – оправдательные. Среди «троллей» преимущественно были мужчины с высшим образованием и уважаемыми профессиями – врач, учитель, менеджер, профессор и др. Общество было шокировано самим фактом возможной трансформации: «троллем» в Интернете может

оказаться любой человек, совершенно «нормальный» в своей «оффлайн» жизни и превращающийся в садиста, мучающего свою жертву, в анонимном Интернете [8].

Троллинг – «заманивание» участников коммуникации в бессмысленные и бесконечные дискуссии, лишаящие основные ветви форумов содержания, уводящие от существа проблемы. На сегодня обнаруживаются десятки научных статей, посвященных этому явлению. Наиболее важным исследовательским полем троллинга с коммуникативной точки зрения следует признать коммерциализацию этого процесса, когда из «психологической игры» троллинг превращается в поле довольно высоких заработков гуманитариев-люмпенов. С этой точки зрения, наблюдение за «психологической основой» троллинга становится уже не таким актуальным. Еще в 2011 г. можно было обнаружить такое высказывание: «Что касается мотивов деятельности сетевых троллей, следует отметить основополагающие:

- анонимный поиск внимания: тролль стремится доминировать в дискуссии, вызывая гнев;
- развлечение: сетевых троллей забавляет идея, что человека задевают утверждения совершенно незнакомых людей;
- гнев: использование троллинга с целью выразить враждебность группе или некой точке зрения;
- трата времени пользователей – одна из самых привлекательных целей троллинга;
- проверка работы системы: например, чтобы увидеть, как отреагируют на явное нарушение те, кто следит за порядком;
- самоутверждение» [3. С. 135].

Как видим, о троллинге как заработке речь не идет. Но уже в 2012 г. появляется масса сообщений о заработке на троллинге, есть конкретные расценки и «минимумы» высказываний, которые должны делать тролли по указке своих

заказчиков (конечно, сам заказной троллинг появился десятилетием и даже больше ранее).

Для коммуникации, которая в данном случае представляет собой поле борьбы, выход на авансцену профессионалов, зарабатывающих на троллинге деньги, оказывается новым вызовом самой ее сути. Если старинные формы троллинга (прежде всего, «эзопов язык» литературы и публицистики XIX в.) преследовали некую идею, выполняли миссию, то современный троллинг оказывается свободен от моральных ограничителей не потому, что его носитель аморален, а именно в силу высокой цены конечного результата – срыва «нормальной» коммуникации. В научной литературе появляются размышления о том, что профессиональный троллинг трудно отличить от остроумного «чистого» участия, причем, возможно, и сам тролль не осознает, что он троллит собеседника, манипулирует мнением группы: «...троллинг – это форма манипулирования, таковой и останется, как бы ни был эрудирован, подготовлен и какими бы ни обладал психоаналитическими способностями тролль» [1. С. 53].

Обратимся к конкретному материалу – дискуссии по поводу интервью Светланы Симаковой, взятому у Александра Евгеньевича Попова, директора физико-математического лицея № 31 города Челябинска, обвиненного в получении взятки, затем в нанесении пощечины учителю физкультуры своей школы [2]. На момент написания статьи (05.09.2013) под интервью было 1040 сообщений. Приведем в пример одну из ветвей дискуссии (для удобства анализа реплики пронумерованы):

(1) Гость
20 августа

Что ж... на трибунах становится тише... Губернатор заступился, пиар-компания подошла к концу, до следующего года (кто обращал внимание, Попов пиарится ежегодно). Спасибо за балаган, особая благодарность ярмарочным скоморохам (группе поддержки).

[Ответить](#)

[Скрыть ответы](#)

(2) Гость
20 августа

Ученики каждый год выигрывают олимпиады. Челябинск – второй после столичных школ в России, если Вы не в курсе событий. Это – балаган? Всем бы такой

[Ответить](#)

(3) Гость
21 августа

Я в курсе событий. Горжусь этими учениками. Молодцы! Только речь не об этом, а о неадекватном поведении директора, осознающего завершение карьеры и отнимаемого от кормушки и поэтому периодически проводящему рекламные компании в свою честь.

[Ответить](#)

(4) СМП
21 августа

Какое завершение карьеры? Какая кормушка? О чем Вы? Вы, похоже, вообще не в теме, а беретесь судить.

[Ответить](#)

(5) Гость
21 августа

Есть альтернатива? Вы уверены? Может быть, почему нет. “Наверное”, администрация назначит.

[Ответить](#)

(6) Елена Анатольевна
21 августа

Утешает, что таких, как Вы, безымянный Гость, даже на этих страницах меньшинство. А парировать Вам – что бисер метать...И правильно ли мы Вас поняли, что благодарите Вы себе подобных? поскольку балаган и скоморошье ерничество – это стиль как раз Ваших комментариев, если вы еще не заметили

[Ответить](#)

(7) Гость
22 августа

У всех поповцев один стиль написания комментариев – высоко задранные подбородки и снисходительный взгляд свысока!

[Ответить](#)

(8) Гость
22 августа

вот-вот, небожители блин, спуститесь с небес на землю

[Ответить](#)

(9) Елена Анатольевна
23 августа

Не путайте высокомерие и достоинство [7]

По словам Сюзан Херинг и ее соавторов, со ссылкой на закрытый сегодня ресурс [Эндрю], важнейшая задача участников коммуникации – распознавание тролля. Авторы статьи называют три критерия такого распознавания:

1) сообщения от отправителя, который старается показать себя искренним, однако ощущается предвзятость;

2) сообщения-провокации (другое название – флэйминг, «раздувание пламени»);

3) сообщения, которые отвлекают участников дискуссии в «боковые ветки» [6].

Как показывает анализ приведенной ветви, здесь налицо второй и третий тип троллинга. Первая же реплика нацелена на флэйминг – взрыв возмущения со стороны сочувствующих. Ярким индикатором является указание-издевка в финале: «спасибо... ярмарочным скоморохам (группе поддержки)». Далее в боковую ветвь уходит «конфронтационный диалог» между горячими сторонниками директора и его «врагами». Первые «ведутся» на провокацию – хотя и осознают это (2, 4, 6), вторые – «потешаются» и наносят уколы по самолюбию первой группы (3, 7, 8). Отметим, что вновь знаком троллинга становится именно указание на наличие «группы поддержки»: «у всех поповцев...». Реплика (8) тяготеет по своему стилю к «искреннему» первому типу классификации Эндрю – Херинг (за счет подчеркнута «ненарочитого» стиля), однако (особенно по сравнению со всей дискуссией) выдает вторичность высказывания.

Высказывания участника «Елена Анатольевна» (реплики 6, 9) **демонстрируют успешность провокации** – тема дискуссии забыта и «разговор» перемещается в отвлеченные сферы. Важно, что происходит это за счет «перехода на личности», именно подтягивания в качестве аргументов персональных качеств участников, инсинуациями в их адрес. Интересно, что вмешательство троллей делает любую коммуникацию именно профессиональной – поскольку в процесс вмешиваются люди, обладающие специальными компетенциями по организации «шума» в канале коммуникации.

Важным моментом остается и использование в троллинге ботов (автоматических «встройщиков» в форумы с целью деструкции). Согласно некоторым заявлениям, боты-тролли и в России активно используются с незапамятных времен самого начала сетевой коммуникации: «Они действуют, используя боты», – сказал о прокремлевских активистах главный редактор сайта Агентура.ру Андрей Солдатов. «Это, – уточнил он, – началось чуть ли не с середины 2000 г. Тогда основным полем битвы был “Живой журнал”, потом постепенно активность по троллингу либеральных активистов или оппозиционных лидеров перекинулась на Твиттер» [4].

Важнейшей проблемой остается выявление троллинга и внутренняя регуляция коммуни-

кативной системы. На западных форумах это призыв игнорировать подобные реплики («Не кормите троллей!»). Однако остаются две главные задачи современного изучения троллинга: выявление маркеров, позволяющих безошибочно «вычислять» тролля по разным языковым признакам, и различение искренней эмоциональной «другой точки зрения» и троллинга. Обе эти проблемы пока ждут своего разрешения.

Список литературы

1. Акулич, М. М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестн. Тюмен. ун-та. 2012. № 8. С. 47–54.
2. Не хочу жить в этом городе рабом : интервью С. Симаковой с А. Е. Поповым от 15.08.2013 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://chelyabinsk.ru/text/person/689410.html>
3. Семенов, Д. И. Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности [Электронный ресурс] / Д. И. Семенов, Г. А. Шушарина // Междунар. журн. эксперимент. образования. 2011. № 8 С. 135–136. URL: www.rae.ru/meo/?section=content&op=show_article&article
4. Троллинг как метод политической борьбы [Электронный ресурс]. URL : <http://www.golos-ameriki.ru/content/twitter/1585687.html>
5. Andrew. The troller’s FAQ. 1996 [Electronic resource]. URL : <http://www.altairiv.demon.co.uk/afaq/posts/trollfaq.html>. (Ссылка не работает. Приводится по статье: Herring, Susan. Searching for Safety Online: Managing “Trolling” in a Feminist Forum [Electronic resource] / Susan Herring, Kirk Job-Sluder, Rebecca Scheckler, and Sasha Barab. URL : <https://scholarworks.iu.edu/dspace/bitstream/handle/2022/1020/WP02-03B.html>)
6. Herring, Susan. Searching for Safety Online: Managing “Trolling” in a Feminist Forum [Electronic resource] / Susan Herring, Kirk Job-Sluder, Rebecca Scheckler, and Sasha Barab. URL : <https://scholarworks.iu.edu/dspace/bitstream/handle/2022/1020/WP02-03B.html>
7. <http://chelyabinsk.ru/text/person/689410.html#comments/c689410/page/13>
8. Shin, J. Morality and Internet Behavior : A study of the Internet Troll and its relation with morality on the Internet // Proceedings of Society for Information Technology & Teacher Education ; International Conference ; McFerrin K. et al. (eds.). L., 2008. P. 2834–2840.

В. Л. Иващенко, Н. А. Яценко

СЛАВЯНСКИЙ ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОММУНИКАТИВНОМ ТЕРМИНОВЕДЕНИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Сделана попытка проанализировать основные направления теоретических изысканий в коммуникативном терминоведении славянского научного мира конца XX – начала XXI в. Систематизированы фундаментальные исследования славянских терминоведов по основным (парадигмальным, кросс-парадигмальным, аспектуальным, кросс-аспектуальным) направлениям.

Ключевые слова: славянское терминоведение, парадигмальное, аспектуальное, кросс-парадигмальное, кросс-аспектуальное направление.

Проблематика коммуникативного терминоведения все чаще и чаще привлекает внимание исследователей. Сам термин *коммуникативное терминоведение*, предложенный еще в 1991 г. И. Р. Мархасевым [3], как нельзя лучше определяет все разнообразие научных изысканий и в контексте традиционной (системно-структурной), и функциональной, и когнитивной (по определению Л. А. Манерко и Е. И. Головановой, когнитивно-коммуникативной [1; 2]) исследовательских парадигм, в частности: термин в языке профессиональной коммуникации, термин в профессиональном тексте / дискурсе, текст / дискурс как одна из форм профессиональной коммуникации, термин и текст в профессиональной коммуникации, профессиональная коммуникация в тексте, термин / текст / дискурс и профессиональная языковая личность, функционально-стилистические особенности термина и жанрово-стилевая специфика профессиональной коммуникации, терминологическая и профессиональная компетенция в профессиональной внутриязыковой и межъязыковой коммуникации, термин и профессиональное знание и др.

Подытоживая опыт теоретических изысканий в общем и отраслевом славянском коммуникативном терминоведении конца XX – начала XXI в., попытаемся систематизировать его по основным направлениям, среди которых выделяем следующие:

1) *парадигмальное направление* как дальнейшее развитие *функционального / функционально-коммуникативного терминоведения* теоретико-прикладного характера, разрабатываемого преимущественно в области отраслевого терминоведения, в котором различаем: а) *аспектуальные направления*: а*) *текстоцентрическое* (рус. – Н. В. Девае-

ва «Роль первого компонента высказывания в формировании когерентности научного текста: на материале лингвистических текстов современного немецкого языка», 2005; А. А. Муравьева «Текст права в культурно-речевом аспекте (на материале публикаций юридических журналов)», 2006 – социокультурный аспект; З. Ф. Курбанова «Диалогичность научной прозы в аспекте экспрессивности и прагматики (на материале специальной литературы по физике)», 2004; укр. – В. И. Круковский «Коммуникативно-прагматический аспект французских законодательных актов (на материале Гражданского кодекса Франции и других юридических текстов)», 1996; С. Н. Подолкова «Средства реализации коммуникативности в научно-технических текстах (на материале текстов технической рекламы и аннотаций научно-экспериментальной статьи)», 2001; В. В. Шабунина «Средства диалогической организации научно-учебных текстов технической отрасли в современном украинском языке», 2010 – лингводидактический аспект); а**) *терминоцентрическое* (рус. – Л. В. Молчкова «Профессиональная лексика англоязычных средств массовой коммуникации: прагматика, семантика, структура», 2003; Л. В. Прибытова «Профессиональный язык шахтеров Кемеровской области: терминология и жаргон», 2005; М. А. Парижева «Особенности функционирования лингвистических терминов в профессиональной речи», 2005; Ю. А. Грищенко «Юридический термин как языковой и социокультурный феномен: на материале немецкого языка семейного права», 2006; Н. В. Лабунец «Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта», 2007; укр. – С. В. Постриган «Устойчивые словосочетания в немецком институциональ-

ном юридическом тексте: лингвокультурологический и коммуникативно-прагматический аспекты», 2010; **болг.** – К. Кабакчиев «Типы ситуаций (предварительная модель исследования терминологических значений)», 1999 – типологическое исследование на материале кардиологической терминологии); а***) с доминированием языкового или речевого аспектов (**укр.** – В. Я. Юкало «Языковые стереотипы в коммуникациях врача», 1996; Р. Е. Пилипенко «Институциональное коммуникативное пространство Германии (профессиональный язык экономики)», 2007; **рус.** – А. В. Мороз «Фонетические аспекты кросс-культурного общения юристов на английском языке», 2007; Е. Н. Малыгина «Средства смягчения высказывания в медицинской речи», 2008 – прагматический аспект; **болг.** – В. Г. Тачева «Бизнес-коммуникация в охране здоровья», 2004, 2012; **словацк.** – Ю. Шарват «Журналистская коммуникация», 1990; б) *кросс-аспектуальные направления*: б*) *номинативно-коммуникативное* (**укр.** – А. А. Хацер «Номинативный и функционально-коммуникативный аспекты английской банковской терминологии», 2010; б**) *коммуникативно-лексикографическое* (**рус.** – И. Е. Волкова «Русская и английская понятийно-терминологические системы современной школы в аспекте межкультурной коммуникации: на примере реализации в русско-английском словаре по высшему образованию», 2000 – сопоставительный и лингводидактический аспекты);

2) *кросс-парадигмальное направление*: а) *структурно-функциональное* как развитие общего и отраслевого **коммуникативно-стилистического терминоведения** текстоцентрической ориентации (**укр.** – В. Н. Артюх «Глагольные объектные словосочетания англоязычной экономической терминисистемы (структурно-семантический и функциональный аспекты)», 2010; И. Е. Шаграй «Коммуникативно-прагматические особенности французского делового письма в оригинале и переводе», 1998 – переводоведческий аспект; Е. В. Шаповал «Коммуникативно-стилевые параметры вторичной номинации в газетно-журнальной публицистике 80–90-х гг. XX века», 2003; **рус.** – А. Л. Коготыжева «Коммуникативная организация научного текста», 2002 – типологический аспект); б) *функционально-когнитивное / когнитивно-функциональное* (по определению разных ученых) как формирование общего и отраслевого **когнитивно-**

коммуникативного терминоведения, которое в силу своей значимости и актуальности некоторые ученые относят к *парадигмальным* (**рус.** – Е. И. Голованова «Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка: лингвокогнитивный анализ», 2004; «Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке», 2008; Н. С. Милянчук «Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка», 2005 – стилистический, прагматический и дискурсивный аспекты; К. Б. Свойкин «Диалогика текста в англоязычной научной коммуникации», 2006 – машинно-ориентированный, методологический, локализационный аспекты; Е. А. Слоева «Когнитивно-коммуникативный подход к описанию анатомического объекта», 2007; Е. И. Шестак «Профессионально маркированные фразеологизмы в когнитивно-коммуникативном аспекте», 2008; А. Ю. Епимахова «Межязыковое заимствование наименований лиц по профессии: когнитивно-коммуникативный аспект», 2010; Н. В. Маланина «Тексты нормативно-правовых документов в аспекте языковой личности законодателя: на материале нормативно-правовых актов Алтайского края», 2006 – текстоцентрический аспект; О. В. Федотова «Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А. А. Вознесенского», 2007 – термицентрический аспект; **укр.** – И. А. Розмарица «Лингвокогнитивные особенности коммуникации в области экологии: на материале современного английского языка», 2004; Н. К. Кравченко «Международно-правовой дискурс: когнитивно-коммуникативный аспект», 2007). Теоретико-прикладным проявлением этого аспекта являются труды русского исследователя Р. З. Загидуллина («Теоретические и методологические основы переводческого тезауруса (на материале английского языка для специальных целей)», 1993, 1994);

3) *кросс-дисциплинарное направление* преимущественно в отраслевом терминоведении: а) *коммуникативно-семиотическое* (**болг.** – В. Бабанин «Семиотический аспект интегрированных маркетинговых коммуникаций в автомобильной промышленности», 2011); б) *коммуникативно-психолингвистическое* (**рус.** – М. С. Саломатина «Коммуникативная личность филолога: Психолингвистическое исследование», 2005).

Подытоживая фундаментальные теоретические изыскания конца XX – начала XXI в.

по проблематике коммуникативного терминоведения в славянском языковом пространстве, мы установили такие тенденции: наиболее разработанной сегодня является проблематика собственно парадигмального функционально-коммуникативного отраслевого терминоведения (в России, Украине, Болгарии и Словакии); частично уступает проблематика кросс-парадигмального или, по мнению некоторых исследователей, парадигмального общего и отраслевого функционально-когнитивного / когнитивно-функционального, в частности когнитивно-коммуникативного терминоведения (в России и Украине); менее актуальной является проблематика кросс-парадигмального общего и отраслевого структурно-функционального, в частности коммуникативно-стилистического терминоведения (в Украине и России); менее разработанной является проблематика кросс-дисциплинарного отраслевого терминоведения (в Болгарии и России).

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
2. Манерко, Л. А. Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения // Лесикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посв. В. М. Лейчику. М.; Рязань, 2003. С. 120–126.
3. Мархасев, И. Р. Коммуникативное терминоведение: теоретико-методологические и лингво-методические предпосылки // Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве: тез. докл. междунар. круглого стола, 27–28 июня 1991 г. Омск, 1991. С. 33–35.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 40–42.

И. А. Казими́рова

МЕТАЯЗЫК УКРАИНСКОЙ ОНОМАСТИКИ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Анализируется украинская ономастическая терминология как основная составляющая метаязыка ономастики на фоне процессов ее нормализации и терминографирования в славянских странах. Определяются направления дальнейшей лексикографической фиксации ономастических терминов.

Ключевые слова: *метаязык лингвистики, ономастика, ономастический термин, словарь лингвистических терминов.*

Методологический термин *метаязык*, введенный в научный обиход Р. Якобсоном [10], в данной статье трактуется как синоним термина *терминология*, поскольку именно терминология является основной составляющей метаязыка лингвистики. Указывая на сложность этого явления, О. С. Ахманова замечает, что метаязык выступает как язык второго порядка, как особая семиологическая система, употребляемая тогда, когда надо говорить о языке же, выступающем в качестве «языка-объекта»; кроме терминологии, метаязык включает «свообразные сочетания слов и их эквивалентов»,

которые характеризуют метаязык лингвистики уже в полном виде, а также «определенный социально-лингвистический аспект: данная форма метаречи отражает специфику того или другого лингвистического направления, эпохи и т. д.» [1. С. 4]. Метаязык включает также и общенаучную лексику <...> – особый разряд языковых средств, реализующих функцию передачи «интеллектуальной» информации» [2. С. 66].

Привлечение в качестве объекта исследования ономастической терминологии не случайно, поскольку не существует другой тер-

минологической подсистемы лингвистики, которая бы вызывала большее внимание специалистов. Развитие, а особенно терминографическая фиксация украинской терминологии ономастики традиционно связаны с деятельностью терминоведов-ономастов в славянских странах. Начало многолетнему сотрудничеству украинских ономастов с коллегами из Терминологической подкомиссии Ономастической Комиссии при Международном комитете славистов, созданной на 1-й Международной конференции по славянской ономастике в Кракове (1959 г.), положила опубликованная В. В. Нимчуком в 1966 г. работа «Украинская ономастическая терминология (проект)» [4]. Это «своеобразный итог работы отечественных ономастов, выполненной за предыдущий период» [10]. В этом проекте отмечен основной недостаток ономастической терминосистемы – «определенная неустойчивость и размытость терминологии, иногда многозначность или неоднозначность терминов в трудах украинских ономастов» [4. С. 25], и именно этот недостаток автор попытался устранить в названной работе. По данным М. М. Торчинского, в 300 словарных статьях описаны общие особенности онимов (34 дефиниции), а также денотатно-номинативные (89), словообразовательные (29) и мотивационные (45) типы собственных имен [10. С. 302]. После III Международной конференции в г. Либлице (Чехия) были опубликованы изменения и дополнения в списке ономастических терминов [3].

Работа «Украинская ономастическая терминология (проект)» в дальнейшем вошла в известный международный словарь ономастических терминов Я. Свободы, В. Шмиляуэра, Л. Оливовой-Незбедовой [12] и составленного на его основе словаря «Основная система и терминология славянской ономастики» (1983 г.) [5]. В этом лексикографическом труде приведены основные ономастические термины и их соответствия на 12 языках (чешском, словацком, польском, серболужицком, русском, украинском, белорусском, сербском / хорватском, словенском, македонском и немецком) с дефинициями. Словарь состоит из двух частей: в первой представлены термины, касающиеся объектов и явлений внеязыковой действительности (денотатов), обозначенных именами собственными; во второй приведены термины, отображающие лингвистический анализ собственных имен, то есть принадлежащие метаязыку ономастики. До сих пор этот

словарь используется как основной источник данных об ономастической терминологии в большинстве славянских стран [11. С. 82–94]. В данной работе корпус украинских ономастических терминов, необходимые комментарии и примеры также подготовил В. В. Нимчук [5. С. 61–62].

Проект украинской ономастической терминологии также был учтен при составлении «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской (1978 г.) [6], которым и сейчас активно пользуются не только русские, но также украинские и белорусские ономасты. Работа Н. В. Подольской – это самое полное собрание и научное описание ономастических терминов уже в течение более трех десятилетий.

Вышедший в 2012 г. словарь украинской ономастической терминологии Д. Г. Бучко и Н. В. Ткачевой, который является первым собственнотерминологическим словарем этой области языкознания в Украине, в достаточной мере отразил функционирующую в настоящее время терминосистему украинской ономастики [7]. Однако и этот словарь нельзя считать исчерпывающим, поскольку он не дает представления о всей палитре и многообразии отдельных метадиалектов украинской ономастики, без чего нельзя получить полное представление о путях развития ономастической науки. История науки показывает, что нельзя с пренебрежением относиться к терминологическому опыту предшественников. Ж. Мунэн заметил, что «история лингвистики, как и многих других наук, представляет собой огромное кладбище терминологических экипажей <...>, на которых почти никто не ездил. На это кладбище мало заходят, хотя посещение его было бы весьма поучительным» (цит. по: [8. С. 73]). Особенностью современного развития украинского языка является активизация проблем нормализации, использование, а иногда – восстановление утраченных в предыдущие десятилетия ресурсов терминосистем, поиск возможностей развития исконных украинских наименований, что делает необходимым представление в словаре исторической ретроспекции терминов, их эволюции. Например, в словарной статье, посвященной ономастике, целесообразно привести наряду с нормативным термином *ономастика* термины *топономастика*, *називництво*, *ономатологія*.

В словаре должны быть отражены отдельные метадиалекты метаязыка украинской ономастики, например, авторская ономастическая

терминосистема А. А. Белецкого – филолога, лексиколога, ономаста, полиглота. Ученый европейского уровня, А. А. Белецкий оставил заметный след в исследованиях по ономастике, создал собственную непротиворечивую систему ономастических терминов, которая, как отмечает Н. В. Подольская, «сама может быть предметом для терминологического словаря» [6. С. 12–14]. Незаслуженно оставленная на обочине ономастики, эта система, не претендуя на нормативность, несомненно, должна стать достоянием филологической общественности, сидетельством выразительности авторских терминологических средств.

Предлагаемые дополнения к традиционному содержанию словаря позволят читателю безошибочно воспринимать содержание более ранних научных работ по ономастике, одновременно наблюдая за поисками (иногда весьма удачными находками) в области национального терминотворчества.

Указанные направления терминографической работы в области терминологии украинской ономастики имеют несомненную научную перспективу.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 5 изд-е. М., 2010. 576 с.
2. Гвишиани, Н. Б. К вопросу о метаязыке языкознания // *Вопр. языкознания*. 1983. № 2. С. 64–72.
3. Німчук, В. В. Зміни й доповнення в списку ономастичних термінів // *Повідо-*

влення Української ономастичної комісії. К., 1968. Вип. 1. С. 60–64.

4. Німчук, В. В. Українська ономастична термінологія (проект) // *Повідомлення Української ономастичної комісії*. К., 1966. Вип. 1. С. 24–43.

5. Основен систем и терминологија на словенската ономастика. Основная система и терминология славянской ономастики. *Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik*. Скопје – Скопье – Skopje, 1983. 412 с.

6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. 198 с.

7. Словник української ономастичної термінології / уклад. Д. Г. Бучко, Н. В. Ткачова. Харків, 2012. 256 с.

8. Слюсарева, Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // *Вопр. языкознания*. 1979. № 4. С. 69–76.

9. Торчинський, М. М. “Українська ономастична термінологія (Проект)” і її значення для становлення денотатно-номінативної класифікації власних назв // *Українська термінологія і сучасність: зб. наук. пр.* К., 2007. Вип. VII. С. 298–305.

10. Якобсон, Р. Избр. работы. М., 1985. 460 с.

11. Słowiańska onomastyka: Encyklopedia / pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko, A. Cieślakowej przy współ. J. Dumy: W 2 t. Warszawa; Kraków : Towarzystwo naukowe Warszawskie, 2002. T. I. 535 s.

12. Svoboda, J. *Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik* / J. Svoboda, V. Šmilauer, L. Olivova-Nezbedová // *Zpravodaj Místopisné Komise ČSAV*. 1973. № 14. S. 1–280.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).

Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 42–44.

О. Н. Ковалева

ОЦЕНОЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Анализируются когнитивные механизмы, участвующие в процессе оценочной категоризации профессиональной деятельности средствами лексики и фразеологии английского и русского языков. Обосновывается соотношение аспектов оперирования знанием в языке, функций языка и уровней оценочной категоризации профессиональной деятельности.

Ключевые слова: интерпретация, оценка, когнитивный механизм, концептуализация, категоризация, профессиональная деятельность.

Согласно основным положениям интегративной теории репрезентации знаний в языке, можно выделить три аспекта оперирования знанием: собственно репрезентативный (связанный с языковыми формами представления знаний в процессах концептуализации и категоризации мира), семиотический (раскрывающий специфику когнитивных и языковых механизмов формирования языковых значений и смыслов на системном и функциональном уровнях) и интерпретационный (предполагающий различные способы и механизмы интерпретации мира и вторичной интерпретации знаний о мире с помощью языка) [1. С. 21–22].

Данные аспекты оперирования знанием соотносятся с уровнями категоризации объектов в языке: базовым, суперординатным и субординатным [2]. Интерпретация присутствует на базовом уровне в форме отбора объектов действительности для первичной репрезентации и на семиотическом – при смыслопорождении в процессе вторичной обработки знаний. Интегрированный смысл для передачи знания о мире возникает при взаимодействии данных аспектов оперирования знанием в результате реализации когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций языка.

Языковая интерпретация проявляется в трех основных типах: селекции, классификации и оценки. При оценочной интерпретации схематизация опыта происходит в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры [1. С. 26–27].

Оценочная интерпретация профессиональной деятельности человека носит аспектный характер: определены 11 оценочных категорий, образующих типизированные схемы коллективно-индивидуальных взаимоотношений в профессиональной среде, а именно: Радение (ответственность) работника, Наличие квалификации работника, Результативность труда, Сложность труда, Качество труда, Общественная польза труда, Временные затраты на выполнение работы, Творческий подход к труду, Финансовое вознаграждение на выполненную работу, Созидательный характер труда, Отношение к физическому труду.

Уровневый и аспектный характер оценочной категоризации профессиональной деятельности своеобразно реализуется в лексической и фразеологической системах английского и русского языков. Концептуальным основанием для

объединения единиц данных систем в категориальный фрейм «Оценка профессиональной деятельности» является интерпретирующая функция языка. Универсальным когнитивным механизмом формирования оценочного смысла при вторичной и косвенно-производной номинации является метафорический перенос, результатом которого является выведение нового знания. При этом в процессе создания оценочного смысла при выражении одобрительного или порицающего отношения по тому или иному аспекту профессиональной деятельности возможно привлечение различных типов знания: обыденного и/или профессионального, понимание одной профессиональной области через призму другой.

Проследим механизм концептуальной деривации на лексическом и фразеологическом материале английского и русского языков, рассмотрим положительно-оценочные средства категории Наличие квалификации работника:

wizard – past master;

волшебник – высокой (высшей) пробы.

Приведенные единицы относятся к базовому уровню оценочной категоризации (образованы с привлечением обыденного знания субъекта оценки), вербализуют оценочный признак «be very good / the best / skilled at doing sth / быть компетентным, искусным, умелым, отвечать требованиям, обладать мастерством».

Метафорическая модель, реализуемая при формировании лексических единиц *wizard*, *волшебник*, основана на когнитивном переносе пространства-источника «человек, обладающий магической силой, сказочный персонаж, наделенный способностью совершать чудеса», в пространство-цель «иметь квалификацию».

• Enrico Onofri: The Italian *wizard* re-inventing 'The Four Seasons'. On the Eve of the Luthansa Festival of Baroque Music, violinist Enrico Onofri tells Ivan Hewett the secret to playing one of music's most well-known pieces [Ivan Hewett. Enrico Onofri: The Italian wizard re-inventing 'The Four Seasons' // The Telegraph. 2013.05.10].

• Каждый, кто хоть раз избавлялся от проблем со здоровьем с помощью грамотных медиков, уверен: врачи – *волшебники!* Теперь у нас есть лишний повод в этом убедиться, ведь на российские телеэкраны выходит английский мини-сериал «Записки юного врача», главную роль в котором исполнил Дэниел Рэдклифф, более известный как юный волшебник Гарри Поттер из знаменитой киносаги [Артем Гусятинский. Я не волшебник, я только лечусь // Комсом. правда. 2013.09.18].

Сравним приведенные примеры с метафорической моделью, реализуемой при формировании фразеологических единиц *past master*, *высокой (высшей) пробы*.

Когнитивная модель пространства-источника «непревзойденный мастер, специалист, эксперт / высокой пробы» переносится в пространство-цель «иметь квалификацию».

- Jurgen Gröbler, their coach, is a *past master* at bringing his crews to their peak at just the right... [Andrew Longmore. Champions hope to emerge from stormy waters // The Sunday Times. 2012.07.29].

- Рязанов набрал новую команду актеров. Как всегда, у Рязанова заняты актеры самой *высокой пробы* – Николай Фоменко, Владимир Симонов, Сергей Безруков, Сергей Маковецкий, Андрей Толубеев, Александр Пашутин, Федор Чеханков... [Татьяна Максимова. Санкт-Петербург. Николай Фоменко прострелил ногу Сергею Безрукову // Комсом. правда. 2002.08.06].

Таким образом, средства вторичной и косвенной номинации выступают пересекающи-

мися вариантами языковой репрезентации знаний о профессиональной деятельности и оценки отдельных ее сторон. Общим для лексической и фразеологической систем английского и русского языков является когнитивный механизм формирования выводного оценочного знания, а именно механизм концептуальной деривации при метафорическом переносе, специфичными будут оттенки оценочного смысла, обусловленные особенностями ценностных установок рассматриваемых лингвокультур.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2013. С. 18–29.
2. Rosch, E. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104, № 3. P. 192–233.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 44–49.

З. И. Комарова

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В НАУЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье ставится и частично решается проблема метаязыковой рефлексии с позиции системной лингвистической методологии, вобравшей в себя ее базовые основания и основные методологические уровни.

Ключевые слова: *рефлексия, метаязыковая рефлексия, системная лингвистическая методология.*

В современной философии науки и науковедении термин **рефлексия** (от позднелат. *reflexio* – «обращение назад») имеет два значения: 1) один из главных методов метатеоретического уровня научного познания и философии; 2) форма познавательной активности субъекта, связанная с обращением мышления на самое себя, на свои собственные основания и предпосылки с целью критического рассмотрения содержания, форм и средств познания, а также ментальных установок сознания [14. С. 522].

Как видим из дефиниций, рефлексия трактуется в узком (первое значение) и широком (второе значение) понимании.

В широком смысле рефлексия свойственна любому человеческому познанию в деятельностно-трудовом бытовании человека в отличие от животных, то есть обладает общегносеологической силой (термин С. А. Лебедева): используется не только в научном познании (на всех уровнях), но и в обыденном, а также в мифологии, искусстве, религии [13. С. 267].

В узком понимании рефлексия рассматривается как метод только одного – метатеоретического уровня познания и знания.

Проблема уровней, то есть подсистем научного познания и знания, – одна из главных тем и глобальных проблем философии, философии науки и методологии науки. Традиционно принято выделять два основных уровня: эмпирический и теоретический.

На *эмпирическом уровне* преобладает *живое созерцание* (чувственное познание), рациональный момент и его формы (суждения, понятия и др.) здесь присутствуют, но имеют подчиненное значение.

Теоретический уровень научного познания характеризуется преобладанием *рационального* момента – понятий, теорий, законов и других форм мышления и мыслительных операций.

Соответственно теоретический и эмпирический уровни знания имеют совершенно различные онтологии: мир мысленных, идеальных конструктов («чистых сущностей») в первом случае и мир эмпирических, принципиально наблюдаемых предметов – во втором [12. С. 67].

В наши дни выделяется еще третий уровень – метатеоретический, который состоит из двух подуровней: 1) общенаучное познание и знание; 2) философские *основания* науки.

Общенаучное познание и знание в свою очередь включает два основных слагаемых: 1) частнонаучная и общенаучная картины мира; 2) **частнонаучные и общенаучные гносеологические, методологические, логические и аксиологические принципы научных исследований.**

Подчеркнем, что концепт *научная картина мира* (НКМ) не принят в западной философской науке. Это обусловлено тем, что в западной философии науки делается особый акцент на *теоретической нагруженности фактов*, что привело к редукции онтологии факта, а вслед за этим и всей онтологической составляющей в методологии науки [5. С. 155].

В связи с этим НКМ, по словам ведущего отечественного философа науки и науковеда В. С. Степина, «является визитной карточкой отечественной философии» [20]. В. С. Степин характеризует НКМ как научную *онтологию* и полагает, что НКМ, во-первых, синтезирует научные знания; во-вторых, в качестве исследовательских программ определяет стратегию научного поиска; в-третьих, обеспечивает объективацию научного знания, его отнесение к

научным объектам и включение в культуру [19. С. 63]; **в-четвертых, является «ядром» мировоззренческой системы человека**, в том числе и исследователя [14. С. 60].

В. А. Канке подчеркивает, что «выделение в основаниях науки ее *онтологической составляющей* весьма актуально, так как связано с углублением анализа, более исчерпывающим понимаем той или иной науки» [5. С. 155]. Вот почему в отечественной философии науки проблематика НКМ вызвала большой интерес к философии, начиная с 80-х гг. XX в., а затем и в отдельных науках, в том числе в лингвистике.

В наши дни под научной картиной мира понимается *совокупность общих представлений науки определенного исторического периода о фундаментальных законах строения и развития реальности; часть межнаучного знания, являющаяся одним из важнейших видов оснований науки – онтологического.*

Считаем важным обратить внимание на то, что в современной науке не существует какого-то единого по содержанию, одинакового для всех научных дисциплин *метатеоретического знания* [13. С. 155; 12. С. 70]. Это **метатеоретическое знание** всегда *конкретизировано* и в существенной степени «привязано» к особенностям научных теорий и частнонаучным картинам мира.

Частнонаучная, специальная картина мира – это *совокупность господствующих в какой-либо науке представлений о мире*, то есть общие представления о структуре и особенностях изучаемой ею сферы реальности, типах явлений и процессов, характере законов, управляющих поведением объектов изучаемой реальности.

При этом наличие конкурирующих фундаментальных парадигм в науке приводит к *«принципиальной мозаичности»* общей научной картины мира, которая должна включать в себя принципы НКМ всех фундаментальных наук [13. С. 157], с одной стороны. Но, с другой стороны, роль общенаучной картины мира, как правило, выполняет одна из частнонаучных картин мира, которая является господствующей в науке той или иной эпохи. В результате сложного взаимодействия этих картин мира, тенденций плюрализации и универсализации в науке современная общенаучная картина мира все больше претендует на статус метатеоретического знания, сближаясь с философской онтологией [12. С. 71].

Как мы уже указали, в «слое» метатеоретического знания значительное место занимают

разнообразные методологические и логические *императивы* и *правила*. Они не только различаются для разных наук (к примеру, инструментарий лингвистики безусловно иной, чем инструментарий физики), но и для одной и той же науки на разных стадиях ее развития. Но одновременно есть общие внутренние ценности науки, которые в отечественной философии науки получили название *«идеалы и нормы научного исследования»*.

Таковы в целом проблемы *первого подуровня* метатеоретического уровня познания и знания.

Перейдем к краткому освещению *второго подуровня*, то есть к *философским основаниям науки и научного знания*. Являясь, по сути, одной из первых и важнейших проблем философии и философии науки, она очень многоаспектна, сложна и противоречива.

В целом философские основания науки – это множество онтологических, гносеологических, методологических, логических и аксиологических понятий и утверждений философии, философии науки и методологии, которые используются учеными при создании или обосновании какой-либо научной теории, исследовательской программы или даже науки в целом.

В этой статье дадим ответ только на один кардинальный вопрос – о *статусе* философских оснований науки, или, иначе говоря, на вопрос о том, *включать или не включать* философские основания науки во внутреннюю структуру науки и, следовательно, в конкретные научные исследования.

В принципе, никто не отрицает влияние философских представлений на развитие и оценку научных достижений. Вся история науки и высказывания великих ее творцов не оставляют никаких сомнений в том, что влияние философии на процесс научного творчества не является чем-то чисто внешним, то есть входит в структуру науки.

Однако существуют и противоположные мнения. Некоторые философы и науковеды считают, что после того, как научная теория достигла необходимой степени зрелости, философские основания удаляются из ее структуры. Вряд ли это возможно, поскольку философские основания науки – это *особый, промежуточный между философией и наукой вид знания*, который не является ни чисто философским, ни чисто научным. Философские основания знания гетерогенны по своей структуре и включают в свой состав как философские, так и конкретно-научные понятия и категории. Это особый вид меж-

дисциплинарного знания, имеющий диалектический «кентавровый» характер [12. С. 73].

Потому ставить вопрос, включать ли философские основания науки в структуру научного знания (эмпирического и теоретического), некорректно, так как без философских оснований науки нарушается целостность научного знания и целостность культуры, по отношению к которым философия и наука выступают лишь ее частными аспектами.

Все сказанное позволяет утверждать, что в структуру метазнания входят все виды знания метатеоретического уровня: философское, общенаучное, социально-гуманитарное, дисциплинарное, в нашем случае – лингвистическое. Иначе говоря, металингвистическое знание всегда «кентаврово», поскольку вбирает в себя метазнание метатеоретического уровня в целом.

Напомним, что научно-исследовательская деятельность включает в себя два уровня – предметный, когда активность исследователя направлена на познание реальной действительности, и рефлексивный, когда познание обращается на самое себя.

В первом случае результаты научной деятельности выражаются в виде эмпирического и теоретического знания, а во втором – подвергаются анализу сами эти результаты. Во втором случае цель состоит в том, чтобы выявить, насколько достоверны, надежны полученные результаты, насколько они обоснованны, точны и истинны, каковы сами критерии истинности на данном этапе познания.

При этом диалектика *рефлексивного* и *предметного, нерефлексивного знания* обнаруживается в самом акте рефлексии, поскольку «каждая процедура рефлексивного анализа предполагает некую нерелективируемую в данном контексте рамку «неявного» обосновывающего знания» [15. С. 5].

В зависимости от того, на каком этапе находится развитие той или иной отрасли знания и какие исследовательские задачи выдвигаются на первый план, в ней доминирует и соответствующий тип рефлексии. Условно выделяют три основных типа.

Первый тип – это рефлексия над **конкретными результатами познания**.

Второй тип – анализ познавательных **средств и процедур** (методов, методик, приемов, технологий).

Третий тип – выявление предельных культурно-исторических **оснований, философских установок, норм и идеалов исследования** [13. С. 261].

Первый тип рефлексийного знания практически представлен почти в каждом лингвистическом исследовании, поскольку в нем необходимо доказать *достоверность* полученных в этой работе результатов.

Второй тип рефлексии также часто представлен в современных исследованиях по лингвистике, поскольку автору необходимо обосновать *адекватность* используемых им методов, приемов и процедур, цели и задач работы, хотя в ряде работ это сводится только к перечню использованных познавательных средств.

Что касается *третьего типа* рефлексийного знания, то он чаще не представлен в диссертационных исследованиях, поскольку соотносится с метатеоретическим предметным знанием, дает методологическую квалификацию, как правило, *старого, предпосылочного* знания [8]. Кроме того, методологические тексты занимают «особое место в вербализации научного знания. Они прямо пропорционально связаны с новаторством публикаций. Их специфика определяется рефлексивной абстракцией, глубоким проникновением в механизмы и методы развития науки в целом и ее определенных областей. В силу этого «работа» субъекта научного познания над методологическими текстами регулируется определенными конвенциональными нормами, ограничивающими их допуск в науку» [23. С. 78].

Вот почему методологическая квалификация старого, предпосылочного знания в естественнонаучном цитатном дискурсе, по нашим данным, составляет всего лишь 7% (русский язык) и 9% (английский язык) [8. С. 198].

В жанровом отношении рефлексийное знание этого типа представлено обычно в крупных жанрах: докторских диссертациях, монографиях и реже – в научных статьях, где оно содержится только тогда, когда поставлена такая задача. Например, в статье «*Суперкатегория партитативности как тип понятийной и языковой категории*» ставится задача «выявить, насколько продуктивной является предлагаемая методология и методика изучения данной категории» [7. С. 482]. Решение такой задачи, безусловно, предполагает рефлексии авторов над метатеоретическим предметным знанием изучаемой категории.

Хотя интерес к рефлексии в истории познания возник сравнительно давно, ее методологическая значимость в полной мере стала осознаваться лишь в XX в., **причины чего вскрывает** С. А. Лебедев: «Сегодня, однако, стало ясно,

что глубоко понять законы движения человеческой мысли, ее механизмы и формы нельзя, если мы отвлекаемся от лежащих в ее основаниях *предпосылок*» [13. С. 264].

Особенно ярко рефлексия над предметным знанием стала проявляться на переломе веков и в новом, XXI в., когда активно заговорили о *методологическом повороте* в науке, по мнению одних, или *методологическом «мятеже»*, по мнению других [16].

Именно в этот период (период постнеклассической науки и лингвистики – в частности) была осмыслена **структура рефлексивного знания**.

Поясним. Любой пласт методологического знания по отношению к **предметному** в общем-то всегда носит рефлексийный характер, поскольку в методологическом исследовании речь идет не о предметной эмпирии и теории, а о различного рода *ментальных реальностях, о языке науки, о знании предпосылочного типа, о соотношении ментальных и языковых структур* и т. п.

В этом смысле к метанаучной рефлексии можно отнести всякую деятельность (независимо от того, кто ею занимается: специалист какой-либо субнауки или философ, философ науки, науковед, кроме методолога [13. С. 266]), *связанную с анализом предметного знания: систематизацией имеющихся результатов, критической переоценкой существующих понятий и теорий, анализом структуры и основанием теорий, парадигм и т. д.* В этом случае речь идет о **метарефлексии**.

Однако следует помнить, что в рамках самого методологического знания понятие *рефлексии* применимо лишь по отношению к определенному роду познавательным ситуациям. Когда специалист какой-либо науки задумывается над точностью, адекватностью концептуальных средств, с помощью которых он фиксирует результаты своих исследований, когда он занимает критическую позицию по отношению к полученным им данным, когда он переключает свое внимание с предметной области на структуру самой теории, – во всех этих случаях разумно говорить о *методологической саморефлексии* ученого [13. С. 266], то есть о *метарефлексии*.

Сегодня все большую эвристическую значимость приобретает методология рефлексивного подхода, рассматривающего поле взаимодействия *субъекта и объекта, субъективного и объективного*. С появлением все новых «че-

ловекообразных» измерений науки, с углублением мировоззренческого понимания сущности и человеческого значения получаемого наукой знания, роль рефлексивного подхода неизбежно будет усиливаться [19. С. 66], особенно в гуманитарных науках [9. С. 534].

Проблема *метаязыковой рефлексии* в лингвистике не нова: основоположник общего языкознания В. фон Гумбольдт уверенно связывает происхождение языка со становлением самосознания человека и развитием рефлексии: «Язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии» [4. С. 301].

Рефлексия, однажды утвердившись, вовлекает в сферу своей деятельности множество различных образов, спонтанно текущих в сознании, удерживает их, фиксирует и, наконец, на высших ступенях своего развития рефлексия импровизирует, создает принудительно новые образы, не имеющие аналогов в реальности [1. С. 201].

Рассматривая синергетические эффекты в формировании языка как адаптивной динамической системы, В. Г. Борботько прослеживает роль в этом рефлексии как «психологического аналога игрового взаимодействия человека с миром, аналога балансирования субъекта в динамической среде» [1. С. 203]. При этом «глубинная суть самодействия рефлексии заключается в сознании *сопряженного смысла через сочетание языковых операторов*» (выделено мной. – З. К.) [1. С. 207].

Постепенно рефлексия из орудия формирования языковой адаптивной системы перерастает в методологическое орудие анализа языка, а затем и метаязыкового знания.

Тогда возникает вопрос, почему даже к концу XX в. **дискутируется проблема самосознания лингвистики**: «в отличие от представителей точных и естественных наук, гуманитарии не часто обременяют себя размышлениями о методах и процедурах, которыми они постоянно пользуются. Эпистемология гуманитарных дисциплин не просто мало развита. Выражаясь более терминологично, следовало бы сказать, что подобные сюжеты *недостаточно проблематизированы* <...>; в этих науках обсуждаются результаты уже готового, отчужденного знания, но крайне редко процедуры, с помощью которых эти знания были получены» [22. С. 29–30].

Насколько такое положение изменилось к нашим дням? Полагаем, что следует выделить парадигмальное метазнание лингвистики, когда на базе синтеза *коммуникативно-прагматических*

моделей языка и идей когнитивизма, в качестве центральной проблемы был обозначен круг вопросов, связанных установлением зависимостей в когнитивной цепочке: «**разум (сознание) – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие**» [10. С. 3].

Однако и сегодня многие лингвисты задаются вопросом о том, «возможна ли объективная оценка данных в среде гуманитарных знаний» [3]. Полагаем, что ответ на этот вопрос положительный [2; 17; 18], если удастся достаточно быстро сформировать *системную методологию современной полипарадигмальной лингвистики*, обоснование которой дано в нашем учебном пособии [6].

Список литературы

1. Борботько, В. Г. Синергетика языка и дискурса // Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2009. С. 195–210.
2. Буянова, Л. Ю. **Терминологическая деривация** в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. Ставрополь, 2010. 283 с.
3. Герд, А. С. Интерпретация (Возможна ли объективная оценка данных в сфере гуманитарных знаний?) // Ялик. 2010. № 81. С. 1–2.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. М., 1984. 399 с.
5. Канке, В. А. **Философия науки** : краткий энцикл. слов. М., 2008. 328 с.
6. Комарова, З. И. **Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике** : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2013. 820 с.
7. Комарова, З. И. **Суперкатегория партициптивности как тип понятийной и языковой категории** / З. И. Комарова, А. С. Дедюхина // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. М. ; Тамбов, 2010. С. 482–491.
8. Комарова, З. И. **Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте** / З. И. Комарова, А. А. Шагеева. Екатеринбург, 2009. 249 с.
9. Кохановский, В. П. и др. **Основы философии науки** : учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 603 с.
10. Кравченко, А. В. **Когнитивная лингвистика и новая эпистемология** // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 60, № 5. 2001. С. 3–13.
11. Кубрякова, Е. С. **Понятие «парадигма» в лингвистике**: Введение // Парадигмы научного

знания в современной лингвистике. М., 2008. С. 4–14.

12. Лебедев, С. А. Уровни научного знания // *Вопр. философии*. 2010. № 1. С. 62–75.

13. Лебедев, С. А. *Философия науки*. М., 2007. 731 с.

14. Лебедев, С. А. **Философия науки : краткая энцикл.** (основные направления, концепции, категории). М., 2008. 692 с.

15. Лекторский, В. А. **Диалектика рефлексивного и нереплексивного в познании** // *Проблемы рефлексии в научном познании*. Куйбышев, 1983. С. 3–6.

16. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // *Вопр. языкознания*. 1996. № 3. С. 19–42.

17. Ростова, А. Н. *Метатекст как форма экпликация метаязыкового сознания*. Томск, 2000. 194 с.

18. Соловьева, Н. В. **Особенности рефлексивно-оценочной деятельности автора в научных текстах** // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь, 2009. С. 47–53.

19. Степин, В. С. *Наука и философия* // *Вопр. философии*. 2010. № 8. С. 58–75.

20. Степин, В. С. *Теоретическое знание* // *Теоретическое знание*. М., 2000. С. 703–714.

21. Фролов, И. Т. *На пути к единой науке о человеке* // *Природа*. 1995. № 8. С. 62–71.

22. Фрумкина, Р. М. **Самосознание лингвистики – вчера и завтра** // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 1999. Т. 58, № 4. С. 28–38.

23. Чернявская, В. Е. **Нетолерантность в науке, или Когда научное открытие становится несвоевременным** // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь, 2008. С. 78–88.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). *Филология. Искусствоведение*. Вып. 84. С. 49–52.

М. В. Коновалова

КОГЕРЕТИЗАЦИЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Статья посвящена рассмотрению когеретизации как познавательного процесса, а также установлению типов концептов, участвующих в данном процессе.

Ключевые слова: *познавательный процесс, когеретизация, концепт-алгоритм, концепт-образец.*

Познание виртуального мира начинается с выделения объектов, предметов, выявления их свойств, характеристик, связей между ними и закономерностей взаимодействия. Многие исследователи ограничиваются определением объектов познания как таковых, анализ же сводится к описанию их характеристик и свойств. Однако **целостное, когерентное понимание мира включает не только отражение, концептуализацию и категоризацию предметов, но также и установление связей, закономерностей динамических изменений отражаемых объектов, их взаимодействия и взаимного воздействия** (эвокация, переход при непосредственном рассмотрении). Необходимым условием целостного восприятия мира,

виртуального или реального, является осознание места воспринимающего в его структуре – в качестве субъекта познания или его объекта.

Н. Н. Болдырев выделяет концептуализацию и категоризацию в качестве основных познавательных процессов [1. С. 25]. Е. И. Голованова, акцентируя внимание на категоризации, исключительную ценность понятия «категория» видит в том, «что оно позволяет свети бесконечное разнообразие человеческих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики» [2. С. 15]. **Справедливо было бы добавить к этому процесс осознания человеком себя в качестве составляющей картины мира, а также учесть становление взаимных связей,**

зависимостей и воздействие выделенных и осмысленных объектов познаваемого мира как элементов когерентного отражения виртуальной или реальной действительности.

Когерентность представляет собой средство выражения целостности какого-либо объекта (в данном случае – отражаемой картины мира). **Целостность – это особое свойство наблюдаемого объекта, позволяющее ему сохранять специфические свойства и характеристики при взаимодействии с другими объектами, устанавливать связи с ними при помощи сходных черт и оказывать воздействие на основе установленных взаимосвязей.** Таким образом, само существование такого явления, как целостность (и средства выражения его в объекте отражения), позволяет сделать предположение относительно существования познавательного процесса, отвечающего за формирование целостного восприятия действительности. Когерентность как средство выражения целостности в воспринимаемом объекте может выступать в качестве характеристики этого познавательного процесса и отражать его протекание. Если условно назвать этот процесс *когеретизацией* единиц знания как результатов процесса познания, то наряду с концептуализацией и категоризацией его следует относить к основным процессам, значимым для формирования адекватной картины мира.

Когеретизация представляет собой познавательный процесс, преобразующий единицы знания, полученные в результате концептуализации, в целостные ментальные конструкции. Это один из процессов концептуализации мира, предполагающий многоуровневый синтез накопленных и концептуализованных знаний по определенным критериям, включающий помимо совокупной репрезентации свойств отраженного предмета многократную верификацию полученного знания и соотнесение его с уже имеющимися базовыми конструктами. Верификация и соотнесение с базовыми концептами позволяет сделать когерентные концептуальные структуры основополагающими при познании мира, сформировать необходимый целостный базис знаний и представлений о мире, позволяющий иметь систематизированный и структурированный опыт.

Для понимания места процесса когеретизации в общем процессе концептуализации мира необходимо рассмотреть логику концептуального подхода в исследованиях. Н. Н. Болдырев

отмечает, что концептуализация как познавательный процесс предназначена для накопления, дополнения, расширения знаний о мире, а также для формирования единиц с новым концептуальным содержанием при помощи языковых средств с целью передачи полученного концепта адресатам в процессе коммуникации [1. С. 25]. **Ученый разделяет данные цели и соответственно им выделяет два типа концептов, подлежащих когнитивному анализу.** В первом случае это совокупность различных языковых единиц, в качестве знаков отражающих похожее концептуальное содержание или разные признаки одного и того же концепта. Согласно мнению автора, концепт является элементом социальной концептуальной системы человека – единицей коллективного знания о мире, которое присутствует в каждой концептуальной системе индивида, принадлежащего тому или иному социуму. Во втором – языковые единицы, представляющие концепт в конкретном аспекте его содержания, актуализирующем определенный смысл высказывания [1. С. 26].

Анализируя соотнесенность процесса концептуализации с языком и обусловленность его протекания языковыми средствами, автор отмечает возможность статического и динамического подхода. Статическое рассмотрение концептуализации помещает в фокус исследований единицы знаний в качестве основных элементов концептуальной системы с учетом всей полноты содержания. Совокупность таких концептов отражает весь накопленный жизненный опыт индивида, результаты его познавательной многоаспектной деятельности, репрезентированной в виде представлений об объектах, субъектах, их свойствах и характеристиках, взаимосвязях и отношениях. **Н. Н. Болдырев обозначает их как тематические концепты и характеризует как результат всего познавательного процесса, ментально оформленные качественно и количественно накопленные единицы знаний.** Обозначение концептов такого вида как тематические предполагает узкую специализацию хранящихся в них знаний, соответствие концептуального содержания определенной тематической области или сфере человеческой деятельности. Тематические концепты отражают все накопленные человечеством знания о мире в той или иной сфере и предполагают в качестве объекта отражения не сам мир, но знание о нем. Такая позиция обосновывает исследование тематической области, ее структуры и содержания, а также

способов языковой репрезентаций отраженных в ней знаний. Большое количество исследованных тематических концептов не охватывает когнитивных и языковых механизмов их формирования, что обосновывается эволюцией концептуального содержания в результате сопутствующей интерпретационной деятельности сознания человека.

Динамический аспект рассмотрения концептуализации связан с процессом коммуникации, когда происходит обмен концептуальной информацией и выделение объектов, субъектов, их характеристик и взаимосвязей в виде единиц знания непосредственно в общении. Концепты становятся оперативными единицами знания, которые формируются и передаются при коммуникации. Концепты становятся оперативными единицами мышления и помимо того. Автор называет их ситуативными концептами. Продолжая свою мысль, Н. Н. Болдырев приводит понимание концепта, предложенное психологом Кинчем: он выделял единицы ментального лексикона, которые репрезентировались словами на вербальном уровне и отмечал, что концептуальная сфера человека включает небольшое количество концептов коллективного знания. Содержание самого концепта всегда индивидуально и соотносится с индивидуальной концептосферой.

Немаловажным при рассмотрении концептосферы является различие понятий концептуальной системы и картины мира. Понятие концептуальной системы раскрывает совокупность знаний, представлений, гипотез человека об окружающем мире во всем многообразии характеристик, связей и отношений [1. С. 28]. Картина мира представляет собой постоянно изменяющуюся, динамическую структуру, к которой разные исследователи относят различные по содержанию и назначению единицы. С точки зрения культурологического подхода – система представлений о реальности, с философской позиции – целостное представление о мире на основе верифицированного логикой опыта, с когнитивной точки зрения – концептуальная картина мира, состоящая из совокупности мнений, позволяющих в процессе познания осуществлять выбор того или иного концепта [1. С. 29]. **В данном случае отмечается динамический характер единицы знаний – концепт превращается в единицу смысла. Отмечается способность концепта изменять свое содержание и указывается довольно жесткое условие осмысленности концепта: ««выражение счита-**

ется осмысленным для определенной системы, если и только если соотносимая с выражением концептуальная структура интерпретируется на множестве ее концептов» [1. С. 29].

В связи с действием языковых механизмов в коммуникации ситуативные концепты также возникают и в процессе порождения речи. Обрабатывая полученную информацию, индивид использует механизмы номинации, вербализации, образования грамматических и синтаксических структур, новых слов. Содержание и структура таких концептов часто отражает способы накопления, систематизации и когеретизации знаний о мире.

Однако, следуя логике теории информации, сравнение с составляющими компьютера учитывает структуры памяти, но никак не процессор. Если продолжить аналогию, то концепты в рассмотренной нами трактовке представляют собой данные, полученные в результате обработки и осмысления сенсорных ощущений. Это понимание подходит и для тематических, и для ситуативных концептов – осмысленные данные сенсорных рецепторов. Но командам или инструкциям в теории информации соответствуют способы форматирования смысла или, точнее, структурирования полученных знаний с целью верификации и встраивания в существующую концептуальную систему. Выделение слотов, фреймов, пропозиций, категорий, матриц, схем и подобных ментальных образований является со стороны человеческого сознания способами обработки и осмысления поступающей сенсорной информации, формирования ее в соответствии с привычными для конкретного индивида или сообщества правилами осмысления мира. Это могут быть механизмы осмысления, которые действуют в момент создания как ситуативных, так и тематических концептов. Но данные механизмы также должны храниться в памяти индивида в виде концептов, но с иным содержанием – инструкций по обработке поступающих данных или целостных образов концепта, в соответствии с которым выстраиваются новые единицы знаний. Последняя структура может быть универсальной для единиц знания любого порядка. Для удобства различения типов концептов будем называть такие концепты структурными.

Итак, помимо тематических и ситуативных концептов в сознании человека присутствуют *структурные концепты*, хранящие знания о последовательности действий при получении

и обработке сенсорных ощущений. Выделяются два типа таких концептов: *структурный концепт-алгоритм действий* и *структурный концепт-образец единицы знания*. **Концепт-алгоритм подразумевает последовательность действий при получении сенсорных ощущений по их обработке и созданию законченной, целостной единицы знания – образа предмета, объекта, субъекта.** В последовательность таких действий входит идентификация объекта в действительности, различение и соотнесение отдельных признаков с уже имеющимися концептами, определение значимых в данной ситуации и интерпретация в соответствии с концептуальной картиной мира. Создание такой единицы знаний более соответствует операции синтеза знаний и используется при создании образа вновь изучаемых предметов или явлений окружающего мира. **Концепт-образец, в свою очередь, ближе к операции анализа: при поступлении сенсорных ощущений происходит процесс наложения ментальной структуры-образца на совокупность поступающих сигналов и соотнесение отдельных характеристик изучаемого объекта с имеющимся набором свойств, распределенных по различным составляющим этой структуры.** Наглядно представить такую структуру в упрощенном виде позволит модель фрейма. В ней по слотам, или в прикладной интерпретации – регистрам, распределяется информация об отражаемом объекте, сопоставляется с набором соответствующих тому или иному слоту характеристик, выбирается наиболее приемлемый вариант и исследуемый предмет в реальности получает соответствующий ему ментальный образ.

Необходимо отметить, что полученный в итоге образ в полной мере обладает целостностью, потенциалом к репрезентации и синтезу новых образов, но при идентификации и осмыслении объекта отражаются и осознаются не все его свойства, существующие в реальности. Причем ограниченность восприятия не всегда объясняется возможностями сенсорных органов, чаще всего определение и осмысление свойств предмета происходит в зависимости от их актуальности в ситуации, сопутствующей осознанию. На выбор, осознанный или нет, в первую очередь оказывают влияние различные факторы, которые могут иметь от-

ношение к ситуации в реальной действительности. Именно о наличии в рассматриваемой ситуации факторов, различных по значению для индивида, писал американский типолог Л. Талми, противопоставляя тему и рему, фигуру и фон [5]. Отмечая принципиальную нежесткость позиций – переход темы в рему и наоборот, в зависимости от развития коммуникативной организации текста или дискурса, Талми указывал на первичность фигуры, события по отношению к процессу – фону.

Коммуникативное оформление процесса осмысления задействует лингвистические и экстралингвистические факторы, участвующие в создании концепта. Их участие распределяется так: лингвистические факторы – вербальное общение создает на основе уже существующих знаков, участвует в формировании структуры концепта, его «встраиваемости» в существующую концептуальную картину мира, а экстралингвистические факторы оказывают непосредственное влияние на отбор свойств, характеристик, параметров объекта отражения. Решающими могут быть такие факторы, как намерения говорящего и слушающего, актуальность тематики, обстановка, время и место коммуникации или продуцирования текста, стороннее коммуникативное воздействие сопутствующих текстов или дискурсов.

Список литературы

1. Болдырев, Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М. ; Тамбов, 2011. С. 23–32.
2. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. 2-е изд. М., 2008. 304 с.
3. Кубрякова, Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2006. Т. 66, № 2. С. 3–13.
4. Павиленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 288 с.
5. Talmy, L. How language structures space // Spatial orientation: theory, research and application. N.Y., 1983. P. 225–282.

Н. Н. Кошкарлова

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ *ДИСКУРС*, *ПОДЪЯЗЫК*, *РЕГИСТР* В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анализируется содержание понятий *дискурс*, *подъязык*, *регистр* в исследованиях, посвященных профессиональной коммуникации. На основе ряда определений автор приходит к выводу, что каждый термин обладает собственным объемом значения, а их подмена ведет к некорректности терминологического аппарата.

Ключевые слова: *понятие, термин, профессиональная коммуникация, дискурс, подъязык, регистр.*

Необходимость рассмотрения понятий, обозначенных в заголовке настоящей статьи, обусловлена появлением большого количества исследований различного уровня (в том числе кандидатских диссертаций), авторы которых, с одной стороны, анализируют сходные явления, но, с другой стороны, используют для этого различный терминологический аппарат. В связи с этим задача настоящей статьи – выяснить соотношение понятий *дискурс*, *подъязык*, *регистр* применительно к сфере профессиональной коммуникации.

Логика исследования требует начать с понятия дискурса как самого широкого из упомянутой триады. Анализ лингвистических работ по профессиональной коммуникации дает основание выделить следующие определения.

Профессиональный дискурс – это вербально опосредованная коммуникация «как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения» [2. С. 32].

Профессиональный компьютерный дискурс – это коммуникативная практика, получающая экспликацию в текстах, имеющих тематическую направленность «компьютерные технологии», и обладающая следующими признаками: фактуальность, нейтральная оценочность, формализованная логика представления фактов; терминологичность, алгоритмичность, теоретизированность, структурированность; планомерный и намеренный характер информативности, а также компрессия текстовой информации [3].

Архитектурный дискурс (который вполне правомерно отнести к профессиональным. – Н. К.) – совокупность тематически соотнесенных текстов, включенных в контекст профессиональной деятельности и рассматриваемых во

всем многообразии их лингвистических и экстралингвистических свойств и проявлений [6].

Как видно из приведенных определений, большинство авторов выделяют в качестве основной характеристики профессионального дискурса его отражение в речи (устной или письменной), тематическую направленность (в зависимости от вида описываемой деятельности) и соответствие определенным нормам и правилам. Однако, как уже было сказано, многие авторы при описании явлений того же порядка, что и в случае с профессиональным дискурсом, оперируют понятием *подъязык*. Приведем несколько определений последнего.

Л. И. Баранникова, С. А. Массина предлагают под термином *подъязык* понимать «один из вариантов реализации общенародного языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях как официального, так и неофициального общения» [1]. По мнению Н. К. Ереминой, компьютерный подъязык представляет собой сложную систему, лексические и фразеологические единицы которой связаны устойчивыми тематическими, семантическими, грамматическими, синонимическими, антонимическими, слово- и фразеобразовательными отношениями и образуют единое множество, в основе которого лежит специальная терминология [4]. О. Н. Кошелева профессиональный подъязык определяет как язык естественно-искусственного происхождения, который, с одной стороны, обладает свойствами целостности, единства универсального и единичного, сохранения национального языка, а, с другой стороны, характеризуется принципами аналогии, системности, целесообразности, отличающими искусственную систему от естественной [5].

Анализ некоторых определений подъязыка позволяет сделать вывод, что речь, скорее все-

го, идет о лексической системе определенной тематики с ярко выраженной профессиональной направленностью, а понимание профессионального дискурса будет созвучно пониманию дискурса в общем смысле этого слова, когда во внимание принимаются экстралингвистические факторы.

Еще один термин, на который нам хотелось бы обратить внимание в рамках настоящего исследования, – регистр. Справедливости ради необходимо отметить, что данным понятием ученые оперируют не так часто, однако, по нашему глубокому убеждению, от его правильной трактовки зависит корректность терминологического аппарата исследования любого уровня. Т. Н. Хомутова отмечает, что регистр относится к употреблению языка (речи) отдельного индивида, его способности переключать роли в зависимости от ситуации [7]. По мнению автора, регистр представляет собой многомерное понятие, которое выражается в совокупности текста и социального контекста.

Подводя итоги, отметим, что любой исследователь, начинающий разработку той или иной проблематики, должен ясно представлять, что и с какой точки зрения будет описано в его работе в качестве объекта и предмета изучения. С трудом верится в то, что поисковый запрос в электронной библиотеке диссертаций на словосочетание *профессиональный дискурс* с результатом в 9430 работ является однородным по составу, а авторы такого количества исследований одинаково понимают анализируемый термин. Конечно, сведение всех работ к одному знаменателю вряд ли возможно, но стремление к упорядочению метаязыка научных исследований и согласованности в оформ-

лении терминологического аппарата при изучении профессиональной коммуникации должно стать осознанной необходимостью научного сообщества.

Список литературы

1. Баранникова, Л. И. Виды специальной лексики и их экстралингвистическая обусловленность / Л. И. Баранникова, Л. А. Массина // Язык и общество. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 3–15.
 2. Голованова, Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32–35.
 3. Елагина, Ю. С. Коммуникативно-прагматические характеристики профессионального компьютерного дискурса (на материале англоязычных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. 24 с.
 4. Еремина, Н. К. Лексика и фразеология компьютерного подъязыка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 24 с.
 5. Кошелева, О. Н. Лексико-семантические и словообразовательные аспекты профессионального подъязыка предметной сферы «компьютерные технологии» (на материале английского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 22 с.
 6. Симоненко, М. А. Архитектурная метафора в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 24 с.
- Хомутова, Т. Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект [Электронный ресурс] // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. URL: <http://cyberleninka.ru/article>

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 54–57.

Н. Н. Лыкова

О КОМПОЗИЦИИ ДРЕВНЕГО ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВОВОГО ТЕКСТА (на материале «Уложения святого Людовика»)

В статье анализируются структурно-композиционные особенности древних законодательных текстов на основе «Уложения святого Людовика», написанного на старофранцузском языке. Структурные элементы норм права сопоставляются с универсальной трехчастной композиционной схемой.

Ключевые слова: древний письменный текст права, старофранцузский язык, композиция, прототип.

Когда речь идет о языках профессиональной коммуникации, то внимание исследователей сконцентрировано на изучении терминологии, составляющей, несомненно, ядро специальных языков (о соотношении и взаимодействии понятий «язык для специальных целей» и «язык профессиональной коммуникации» см. статью В. М. Лейчика [2]). Так, в журнале «Вестник Челябинского государственного университета» (№ 24, 2011 г.) опубликованы 114 статей участников Пятой международной научной конференции «Языки профессиональной коммуникации» [1]. Судя по заголовкам, аннотациям и ключевым словам, более половины из них (55%) посвящены специальным словам, терминам и терминологиям.

Однако не меньший интерес представляет исследование продуктов профессиональной коммуникации – текстов. Поскольку нас интересует хронологически удаленный период, то предметом нашего внимания являются древние письменные тексты, отличающиеся воспроизводимостью, предназначенные для неоднократного репродуцирования (В. Г. Адмони), имеющие особую культурную значимость (Ю. М. Лотман): «Не всякое сообщение достойно быть записанным: одновременно все записанное получает особую культурную значимость, превращается в текст» [4. С. 435].

Характеризуя функцию текста, Ю. М. Лотман связывает ее с социальной ролью текста, с его способностью обслуживать потребности создающего текст коллектива [4. С. 434]. Функция текста, в котором формулируются законы, состоит в том, чтобы сохранять и передавать ныне живущим и новым поколениям правовые нормы, отражающие накопленный правовой опыт и знания, а также воздействовать на сознание людей, побуждая их к определенному действию или запрещая совершение определенного действия. Эти тексты очерчивают рамки дозволенного и недозволенного, положенного и неположенного, правильного и неправильного, упорядочивая таким образом все многообразие человеческих взаимоотношений в данном конкретном обществе и устанавливая санкции за нарушение принятых правил.

Правовые (законодательные) тексты авторитетны, им приписывается значение истинности, они и исходят от лица, обладающего соответствующими полномочиями. Так, к числу первых правовых памятников, написанных на старофранцузском языке, относятся «Законник Вильгельма Завоевателя» (*Lois de Guillaume le*

Conquérant), «Уложение святого Людовика» (*Les Etablissements de saint Louis*). В эти документы включались и обычаи (кутюмы), и законы предшественников, поскольку любая правовая система отличается преемственностью и опирается на авторитетные источники, проверенные временем и практикой.

Текстам древнего французского права присущ культурный полиглотизм (выражение Ю. М. Лотмана [3. С. 513]). Это проявляется в том, что внутри текста регулярно встречаются отсылки к нормам римского права, которые вводятся обычно выражением «согласно писаному праву» (*selon droit escrit*) и далее следует уточнение, в каком кодексе и в какой статье говорится об этой норме закона, например: *et ce qui est accoustumé selon droit escrit el Code el titre de Transsactionibus, en la loy, Si causa cognita, en la fin, et en la digeste el titre qui se commence de re judicata l. A divo pio* [5. I. P. 364]. Эти вертикальные связи освящают текст не только авторитетом короля, но и авторитетом древности, они свидетельствуют о незыблемости, устойчивости правовых норм и о важности судебного прецедента. По сути дела, эти ссылки позволяют судить о преемственности культурных традиций, об инокультурном влиянии, осуществляющемся через тексты.

Правовой текст отличается особой устойчивой организацией, которая выступает в роли внешнего сигнала, позволяющего идентифицировать его, опознать среди других текстов (ср.: «Под текстом понимается только такое сообщение, которое внутри данной культуры составлено по определенным порождающим правилам» [3. С. 512]). Эта система внешних сигналов сложилась рано, и в правовых документах XII–XIII вв., написанных на французском языке, она зафиксирована совершенно отчетливо. Так, «Уложение святого Людовика» состоит из двух книг (*livres*), разделенных соответственно на 168 и 42 статьи/главы (*chapitres*), различающиеся по объему.

Уложение начинается с формулы, в которой излагается, от имени кого составлен данный документ, его титул, кому он адресован, приветствие: *Loeys Roys de France par la grace de Dieu, à tous bons chrestiens habitans el royaume, et en la seignorie de France, et à tous autres qui y sont présents et à venir, salut en nostre Seingnieur*. Затем следует преамбула, в которой излагаются общие соображения, мотивы, послужившие причиной создания документа, а именно, плохие поступки людей, преступления против

воли Божьей, отсутствие страха перед страшным судом (...que les uns font souvent aux autres tort, ...et meffés en maintes manieres, contre la volenté et le commandement de Dieu, et n'ont li plusours **poor, ni espouvantement du cruel jugement Jésus-Christ**), и его цель: **чтобы подданные жили, опираясь на закон, мирно, опасаясь причинять зло другому из страха телесного наказания и потери имущества (...que le pueple qui est dessous nous, puisse vivre loyaument et en pés, et que li uns se garde de forfere à l'autre, pour la poor de la decepline du cors, et de perdre l'avoir)**. В конечной части преамбулы указывается, кто должен руководствоваться данными нормами при отправлении правосудия, во всем ли королевстве должны применяться эти нормы, как в случае данного документа (...nous volons que **len use és cours laies, par tout le reame, et la seigneurie de France**) [5. P. 362].

За преамбулой следуют статьи, каждая из которых имеет заголовок. В нем сжато формулируется, чему посвящена данная статья закона, например: De deffendre batailles, et d'amener prüeves; De quas de haute justice de baronnie; De fausser jugement. Кроме предлога de, в качестве слова-интродуктора темы могут использоваться относительные местоимения с предлогами, прилагательные и наречия: qui, quel, comment (Devant qui len püet pledier de son doüere; Quel assenement gentilhom doit fere à son fils, quand il le marie; Quiex li cas sont de haute justice de baronnie; Comment l'en doit appeler de murtre). Заголовок позволяет осуществить предварительную классификацию правового материала и его структурирование.

Что касается строения каждой отдельной статьи, в которой формулируется норма права, то считаем возможным рассматривать статью как отдельный завершённый эпизод, выделенный из правового континуума. В этом случае ее композиция отвечает канонической трехчастной схеме В. Лабова и Д. Валетского: ориентация – осложнение – решение. Эта схема реализуется в таких композиционных отрезках, как начало, медиальная часть и конец, что соответствует структурным элементам нормы права – гипотеза, предписание или диспозиция и санкция.

Начальная часть позволяет моделировать исходную правовую ситуацию, которая формулируется в виде гипотезы, предположения и часто оформляется в виде условного предположения или придаточного времени с союзом quand, за которым следует предписание: **Se au-**

cuns est qui n'ait riens, et soit en la ville sans riens gaigner, et il hante tavernes (гипотеза), la justice le doit prendre, et demander de quoy il vit, et se il entent qu'il mente, et que il soit de mauvaise vie... (диспозиция) – 'Если некто не имеет имущества и находится в городе, не зарабатывая себе на жизнь, и посещает таверны, лицо, обладающее правомочием, должно его схватить и спросить, чем он живет, и если будет замечено, что он лжет и что он ведет преступный образ жизни...'. Санкция завершает статью и вводит **наказание, исправляющее, корректирующее данную ситуацию: ...il le doit bien jeter hors de la ville; car ce appartient à l'office de prevost de netoyer la jurisdiction et sa province de mauvais hons et mauveses fames, selon droit escrit en Digeste De officio praesidis, en la loy qui commence, Congruit [5. I. P. 34] – 'его следует изгнать из города, так как обязанностью прево является очищение своего судебного округа и своей провинции от преступников, мужчин и женщин, согласно праву, записанному в Дигестах De officio praesidis, в законе, который начинается словом Congruit'**.

Эта схема служит прототипом, но она подвижна, подвержена вариациям. Так, диспозиция может быть весьма краткой и вклиниваться в санкцию: Se aucuns dit parole à autre sans fet, qui soit vilaine, et sans sanc, le plaintiff en a cinq sols se il est prouvé, que il ait ainsi dit, et cinq sols à la justice ; més la femme ne paye que demie amende de trois sols [5. II. P. 24]. – 'Если кто-либо скажет оскорбительные слова другому без побоев и без крови, то истец получит пять су, если будет доказано, что это было сказано, и пять су суду; но женщина заплатит только половину штрафа в три су'.

Статья может начинаться сразу с санкции, однако другие компоненты не игнорируются, они обязательны, поскольку в любом случае необходимо указать, какие действия (или бездействие) влекут за собой то или иное наказание: Li lierres est pendables qui emble cheval, ou jument, et qui art meson de nuiz, et cil pert les iex, qui **emble riens en monstier, et qui fait fausse monnoye**, et qui emble soc de charrue, et qui emble autres choses, robes ou deniers, ou autres menües choses, il doit perdre l'oreille, du premier meffet, et de l'autre larrecin il perd le pied, et au tiers larrecin il est pendable : car on ne vient pas du gros au petit, més du petit au grand [5. I. P. 29]. – 'Тот должен быть повешен, кто крадет жеребца или кобылу и кто поджигает дом ночью. Тому выколют глаза, кто украдет что-либо в соборе и

кто делает фальшивые монеты. А кто крадет лемех плуга и кто крадет другие вещи, одежду или деньги, или другие мелкие вещи, тот должен лишиться уха за первое преступление, а за вторую кражу он лишается ноги (стопы), а за третью кражу его следует повесить: так как идут не от большого к малому, а от малого к большому'.

Чаще всего наибольший объем в тексте, формулирующем норму права, занимают гипотеза и диспозиция, поскольку эта часть обосновывает и тяжесть санкции за совершенное правонарушение. Здесь описываются различные аспекты, связанные с этим нарушением (осложнения, в терминологии Лабова).

Детальное исследование лингвистических маркеров гипотезы, диспозиции и санкции в древних правовых текстах на французском языке даст возможность выявить границы композиционных отрезков текста статьи закона, а также их композиционно-стилистические особенности.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 57–59.

Список литературы

1. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. 325 с.
2. Лейчик, В. М. **Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP.** // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 29-32.
3. Лотман, Ю. М. **Тезисы к семиотическому изучению культур** // Лотман, Ю. М. **Семиосфера.** СПб., 2000. С. 504–525.
4. Лотман, Ю. М. **Текст и функция** // Лотман, Ю. М. **Семиосфера.** СПб., 2000. С. 434–442.
5. Les Etablissements de Saint Louis. // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. T. 2. (1270–1308). P., s.a. P. 361–643.

О. В. Магировская

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ

Рассматривается проблема терминологического определения антропоцентрической координаты субъекта познания. Выделяются и обосновываются ее основные характеристики, позволяющие говорить об особом категориальном статусе данной координаты, выявляются ее составляющие, находящие свою репрезентацию в языке.

Ключевые слова: *субъект познания, субъект эмпирического познания, субъект понятийного осмысления, субъект интерпретативно-оценочного осмысления.*

Введение новой координаты в научный терминологический обиход всегда связан с целым рядом трудностей и требует времени для принятия его научным сообществом. Очень часто данный процесс сопряжен с поиском другого, более точного и приемлемого варианта. В любом случае это положительный процесс, требующий более детального и системного исследования проблемы, стоящей за термином.

Своим появлением в лингвистической науке термин «субъект познания» обязан когнитивному направлению, позволившему рассматри-

вать антропоцентричность в языке не только в рамках процесса собственно речевой деятельности субъекта во всем множестве ее проявлений, но, прежде всего, в рамках деятельности мыслительной, когнитивной. Именно в рамках когнитивной лингвистики решается проблема языковой репрезентации мысли, исследования которой предполагают интеграцию знаний об основных процессах мыслительной деятельности и субъекте познания как активной антропоцентрической координате их активизации и осуществления.

Учет такой стороны речемыслительной деятельности, как деятельность мыслительная (собственно процесс познания), которая предшествует порождению речи и, следовательно, выступает в качестве ее необходимого звена, приводит к необходимости и доказательной обоснованности рассматривать человека в языке как сложное, многокоординатное целое. Оно обязательно интегрирует в себе говорящего (координату, лежащую на поверхности целостной речемыслительной деятельности) и субъекта познания (координату, с которой связаны другие функциональные действия человека, которые он производит до озвучивания высказывания). Учет данной координаты, как представляется, позволяет более достоверно и правильно рассматривать проблему представленности человека в языке, поскольку учитывает целый ряд других неотъемлемых характеристик. Это прежде всего определенный уровень познания, мышления, сознания, который проявляется в способности получать знания и отбирать их для выражения своих мыслей, а также в способности осознавать себя в качестве говорящей, познающей и мыслящей индивидуальности, находить свое место в окружающем мире и т. д.

Еще в середине прошлого века А. А. Потебня высказывал мысли о том, что язык (все его механизмы, единицы и правила употребления) не может быть отделен от познающего субъекта, так как служит отражению и познанию действительности, одновременно предоставляя материал для ее репрезентации и осуществляя процесс создания мысли о ней [4]. Возникшая гораздо позже когнитивная лингвистика также исходит из того, что, говоря о вещах, индивид фиксирует определенный объем знания о них, ту степень их понимания, в которой они достигли ментальной репрезентации [5]. Соответственно, субъект познания – это носитель определенного языкового сознания, «проецирующий» на язык особенности своего организма, специфику ассоциативного механизма, выбор ракурса рассмотрения осмысливаемого отрезка реальной действительности, культурную принадлежность и т. д.

Именно такой огромный спектр характеристик человека придает термину «субъект познания» обобщенный характер. Он достаточно удобен для указания на человека в языке в рамках всей палитры когнитивной деятельности. В свою очередь, когда речь идет об отдельных видах когнитивной деятельности в их

неразрывной связи с языковыми единицами и уровнями, данного термина становится недостаточным. В результате возникает насущная необходимость конкретизации термина.

В рамках лингвистической науки логично рассматривать основные функциональные проявления субъекта познания относительно основных языковых уровней. При этом мы исходим из того, что тесная взаимосвязь языка и сознания в рамках речемыслительной деятельности накладывает отпечаток на устройство языковой системы, и оно, в свою очередь, предполагает стремление к наиболее адекватной и полной репрезентации когнитивной деятельности субъекта познания. Это достигается за счет определенной корреляции уровней языковой категоризации и уровней когнитивной деятельности субъекта познания.

Структура языка, таким образом, отражает структуру внешней реальности опосредованно, а именно – через структуру деятельности познающего субъекта [1]. Опираясь на три основные модели категориального видения мира (термин Н. Н. Болдырева; см.: [3]), или типа категоризации (лексическую, грамматическую и модусную), представляется оправданным выделить три координаты функциональной представленности субъекта познания в языке. Это субъект эмпирического познания, субъект понятийного осмысления, субъект интерпретивно-оценочного осмысления. Они репрезентируют три основных уровня когнитивной активности субъекта познания: перцептивный (или эмпирическое познание), мыслительный (или понятийное осмысление) и интерпретивно-оценочный (или вторичное осмысление).

Деятельность субъекта эмпирического познания опирается на возможности физического контакта человека с миром. В результате формируются целостные представления о конкретных объектах и явлениях реальной действительности. Это зафиксировано в лексических единицах конкретно-предметной и конкретно-признаковой семантики. Кодирова концепт, первичное номинативное значение данных слов характеризуется способностью быстрой активизации его целостного образа. Оно тем самым выступает средством обобщения и аккумуляции всего эмпирического знания о данном концепте. Так, например, вопрос о том, ест ли человек сливу, активизирует определенные знания о вкусе, цвете, условиях произрастания данного фрукта и т. д. Отвечающий может даже вспомнить, когда он в последний раз ел

вишню, а также многое другое, что входит в его когнитивный опыт взаимодействия с миром вещей.

Деятельность субъекта понятийного осмысления предполагает концептуализацию и категоризацию знаний, сформированных на предыдущем когнитивном уровне, в рамках абстрактных концептуально-категориальных характеристик, выделяемых отдельной лингвокультурной общностью в качестве наиболее существенных. Данный важный аспект когнитивной деятельности фиксируется в грамматической системе языка как наиболее стабильной, целостной и системной. Являясь типичной и показательной для отдельной лингвокультурной общности, грамматическая система категоризации закрепляет в сознании наиболее общие и обычные для всех носителей языка отношения и процессы действительности [2]. В английском языке, например, морфологические формы артикля актуализируют такие универсальные когнитивные стратегии установления целостности предметного мира, как конкретизация (*This is the boy I told you about*), категориальное обобщение (*I saw a boy there*) и противопоставление (*Boys will be boys*).

В свою очередь, уровень когнитивной деятельности интерпретатора и субъекта оценки обеспечивает формирование субъективно-индивидуальной системы знаний. Здесь осуществляется интеграция двух предшествующих когнитивных уровней, что возможно благодаря действию различных ассоциативных механизмов.

Ассоциативная (интерпретативно-оценочная) переработка знаний проявляется, например, в возможности концептуализации и категоризации любой предметной сущности по определенной характеристике, которая хранится в сознании как концептуально доминирующая в конкретном концепте – чувственном образе, отличном от сущности, подлежащей концептуализации. Данный тип конфигурации функционален и находит свою репрезентацию в предложениях-высказываниях с указанием на четкий перцептивный образ, хранящийся в сознании конкретного индивида (субъекта вторичного осмысления) в качестве эталонно-

го для определенного признака (*the colour of a brownish-yellow bruise, the size of a grapefruit, the taste of a ripe plum*).

В таких случаях проявляется наиболее высокая ассоциативная активность субъекта познания, который оперирует конкретными эмпирическими концептами для индивидуально-образного осмысления мира.

Таким образом, сложная структурная организация когнитивной деятельности человека в языковой системе, предполагающая взаимосвязь и интеграцию всех выполняемых им функций в процессе познания, свидетельствует прежде всего о том, что термин «субъект познания» может рассматриваться в качестве номинирующего целостное категориальное пространство когнитивной активности человека в процессе речемыслительной деятельности. В тех случаях, когда в фокус исследовательского внимания попадают отдельные языковые единицы и уровни, представляется более оправданным и доказательным опираться на термины, выделяемые внутри этой категории в качестве составляющих.

Термины «субъект эмпирического познания», «субъект понятийного осмысления», «субъект интерпретативно-оценочного осмысления» репрезентируют иерархическую организацию рассматриваемой категории субъекта познания и еще раз подчеркивают сложность охватываемого ими категориального пространства.

Список литературы

1. Абдуразаков, М. А. Семантические типы субъектов. Ташкент, 1991. 103 с.
2. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. 238 с.
3. Болдырев, Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 16–39.
4. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968. 551 с.
5. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition*. Cambridge ; London, 1983. 283 p.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ДЕКОДИРОВАНИЮ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ И ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

В современной науке о языке можно говорить о парадоксе, когда объявляется абсолютная первичность разговорного языка, который концептуализируется с помощью теорий, более пригодных для определенных форм регламентированного, отчасти искусственного, письменного языка.

Ключевые слова: *письменный текст, декодирование текста, устный текст, коммуникация, когнитивная лингвистика.*

Поскольку диапазон вариативности звукового плана выражения неизмеримо шире инвентаря графических средств, которыми располагает письмо, стратегия поведения носителя языка в устной речи и письме принципиально иная. Графический знак, в отличие от звуковой материи, не расположен к передаче всего спектра чувств индивида, поскольку реализация эмотивной функции на письме жестко ограничена нормой. Письменная личность лишена индивидуальности, вследствие отсутствия возможностей невербальной коммуникации и построения собственных смыслов. Она связана с большим обдумыванием, осознанностью и намерением, то есть налицо мысленный черновик. Поэтому письменная речь является самой развернутой формой речи.

Устная речь, напротив, предполагает недосказанность, неполные высказывания, частичную мобилизацию ресурсов лексикона. Она предоставляет пользователям намного больше формальных ресурсов, чем предложения письменной речи. В устной речи мы, как правило, идем от наиболее устойчивой, константной зоны смысла, то есть от значения слова, к его более диффузным зонам, к его смыслу в целом.

Каноничность письма существенно снижает вариантность плана выражения, что, с одной стороны, делает процесс графического кодирования языка более универсальным, а с другой, — дает возможность языковой личности не раскрываться столь быстро и явно, как это случается в устной речи. Тем не менее, письменное поведение носителя языка, имеющее в своей основе регулятивную природу, не облечено в единую униформу: у каждой языковой личности есть возможность в выборе деталей языка, что и определяет авторский стиль. Письмо обладает высокой аутентичностью. Требование письменной фиксации возникает при желании

удостовериться в сказанном — написанному больше доверяют. Но для этого должна существовать сама возможность с помощью слов в застывшей форме письменного текста целиком сохранить смысл сказанного так, чтобы посредством текста сказанное могло вновь зазвучать. В принципе всегда есть возможность того, что оно во всей полноте своего смысла вновь обретет язык.

Исследования показывают, что первые варианты письменности долго сохраняли свою связь с традициями устного общения, поскольку навык оперирования такими абстракциями, как логические понятия, выражающие представление о целых классах предметов и явлений, формировался на основе создания неких обобщенных образов, определяющих направленность интеллектуальной деятельности в различных сферах человеческой практики [3. С. 342].

Следует заметить, что если письменная речь является полной противоположностью устной в смысле максимальной развернутости, то внутренняя речь также является полной противоположностью устной, но только в обратном отношении, поскольку в ней господствует полная предикативность. Устная речь, таким образом, занимает среднее место между письменной и внутренней речью. Во внутренней речи, наоборот, — то преобладание смысла над значением, которое мы видим в устной речи в отдельных случаях как более или менее выраженную тенденцию, доведено до предела и представлено в абсолютной форме. По Л. С. Выготскому, смыслы отдельных слов в контексте влияют друг на друга, как бы влияют друг в друга, расширяя свои значения. В результате слово внутренней речи становится значительно более нагруженным смыслом, чем слово внешней речи, преобразуясь как бы

в сгустки смысла. Такие смысловые изменения внутренней речи делают ее идиоматичной. Следовательно, понятийное мышление всегда идиоматично. Уникальные свойства речи проявляются в процессе устного перевода: любое слово порождает другое, каждое слово как бы «пробуждается» другим, вызывая к жизни новые слова и открывая путь речевому потоку.

Тем не менее, в современной лингвистике сложилась ситуация, когда объявляется абсолютная первичность разговорного языка с попытками построения на основе устного языка целого ряда вербализованных концептов с помощью теорий, более пригодных для определенных форм регламентированного, отчасти искусственного, письменного языка.

В этой связи П. Линелл вводит понятие «письменноречевая предвзятость» в отношении к исследованиям, связанным с языком, предполагая, что разговорный язык концептуализируется с помощью теорий, более пригодных для определенных форм письма и письменного языка, чем для разговорного, интерактивного языка. Подобная предвзятость присутствует практически везде в традиционной, структуральной и современной теоретической (например, генеративной) лингвистике [14].

Важнейшей проблемой современного состояния теории текста является особенность восприятия и передачи текста, то есть процессы кодирования и декодирования, что влечет за собой чтение текста. Современный когнитивный подход отвергает традиционное представление о том, что содержание «законсервировано» в готовом виде в текстах. Слова текста, как и весь текст, в действительности знаками не являются вне фокуса активного внимания читающего.

В самом деле, представление об отправителе и получателе сообщения, обладающих якобы одним кодом, не соответствует действительности. Это основано на том факте, что и отправитель, и получатель сообщения пользуются сложным набором кодов и субкодов, и любая реальная интерпретация с претензией на исчерпывающую полноту будет с большой вероятностью неадекватной. «Текст – всего лишь сложный букет неоформленных возможностей, стимулирующий интерпретативный дрейф своего читателя» [13. С. 52]; «Читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста». Автор утверждает, что «как семиотик я постоянно пытаюсь искать значение вещей, сокрытое в

подтексте, но я против раковой опухоли чрезмерной интерпретации, которой вы никак не можете удовлетвориться и продолжаете искать другие ответы» [13. С. 14, 41–42]. Действительно, читатель ограничен определенными интенциями автора.

О содержании знака и его форме писал также Б. Брехт. Он своими театральными постановками развенчал иллюзию о тождественности означаемого и означающего. В его теоретических работах появляются семиотические термины, аналогичные терминам «означаемое» – «означающее», применительно к актеру и его персонажу – «изображающий» – «изображаемый». Один из основных тезисов Б. Брехта гласит: «Не должно возникать иллюзии, будто бы изображающие тождественны изображаемому» [2].

Позже лингвисты и философы обратили внимание как на нетождественность означаемого и означающего в разных контекстных ситуациях, так и на динамизм этих двух составляющих. Так, Ж. Деррида говорит о динамизме знаков: «знак не может и не должен пониматься как жесткая связь одного означающего с определенным означаемым; знак – это движение – течение – от одного означающего к другому. Это движение во все стороны (*passé-partout*)». Семиозис – это, прежде всего, процесс, который нельзя помыслить в замкнутой логике. Слово и обозначаемое им понятие, то есть слово и мысль никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в самом знаке. Для автора процесс прочтения способствует дальнейшей интерпретации текста, невзирая на интенции его автора. Ж. Деррида предлагает отдаться «свободной игре», «активной интерпретации», открыть «бездну» возможных смысловых значений. Это и есть «нищенское утверждение – радостное утверждение свободной игры мира без истины и начала» [4. С. 264]. В этой связи можно заметить, что отождествление мысли и понятия, строго говоря, не совсем корректно, поскольку мысль – это процесс, а понятие – результат, точнее, отображенное в мышлении единство существенных свойств объекта.

Чтение произведения влечет за собой активную его интерпретацию со стороны читателя. Каждый читатель овладевает произведением по той или иной причине и налагает на него определенную схему смысла, следовательно, чтение не может быть объективным процессом

обнаружения смысла, но является вкладыванием его в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла.

Многие существующие теории по вопросам декодирования текстов основываются на идеях Ч. Пирса о неограниченном семиозисе. В рамках этого подхода семиозис – это динамический процесс интерпретации знака, единственно возможный способ его функционирования. Под неограниченным семиозисом понимается свободное прочтение, при котором интерпретатор (читатель) «обтесывает» текст в своих целях. Он считает, что если невозможно определить, какая именно интерпретация предпочтительнее, то можно хотя бы принять во внимание тот факт, что некоторые интерпретации контекстуально недопустимы. Следовательно, неограниченный семиозис, понимаемый как гипотетическая идея или абстракция, в реальности принимает форму ограниченных и весьма определенных интерпретаций, санкционированных данным сообществом.

Р. Барт также выступает против «единственности» прочтения текста и окончательности интерпретации его смысла. Текст, согласно его концепции, есть род удовольствия, а чтение – нечто вроде прогулки или даже сексуального удовлетворения (при этом он выделяет «текст-наслаждение» и «текст-удовольствие»). Восприятие текста определяется уровнем читателя и его подготовленностью к прочтению и интерпретации основных пяти кодов, сплетенных в ткани текста, – кода Эмпирии, кода Личности, кода Знания, кода Истины и кода Символа. «Прогулка по тексту осуществляется по мере прочтения основных единиц протяженности текста – лексий, которые могут быть разновеликими» [1]. К сожалению, в современной литературе, связанной с анализом текстов, зачастую можно встретить противоположное мнение: «Текст – это отчужденный от человеческого мозга и записанный специальным кодом “застывший” процесс мышления, который расшифровывается при чтении тем же кодом, содержащимся в мозгу читателя» [5. С. 111]. Можно согласиться с данным утверждением, уточнив, что текст нельзя назвать «застывшим процессом мышления», поскольку текст – это не процесс. Процессом является декодирование текста. Говоря о понимании содержания текста, мы должны помнить, что текст – это не более, чем конфигурация букв или звуков, которая может быть воспринята или не воспринята конкретным сознанием, а сам процесс

декодирования текста, говоря упрощенно, есть не более, чем догадка, особенно если речь идет о многоплановых смыслах и замыслах автора, характерных для художественных текстов.

Иными словами, читатель, взаимодействуя с текстом, не получает готовую информацию, а воспроизводит ее. Ранее формирование смыслов считалось прерогативой авторов, в то время как читатель пассивно воспринимал информацию. Современный подход к чтению текста предполагает свободу, активность и творчество читателя, который порождает смысл текста. Индивид осмысливает текст, а не извлекает содержание текста из значений слов [6; 7; 8; 10; 11]. При этом языковой знак не обладает какой-либо неизменной семиотической ценностью. Он становится знаком как только используется и осмысливается в качестве такового [9; 12]. Отсюда следует, что тексты – это артефакты, которые не вступают ни в какие отношения друг с другом. Менять и оценивать отношения как таковые может только человек. Высказывания типа «текст повествует нам...», «текст включает в себя...» и др. следует понимать как метафоры, с помощью которых описывается то, что происходит в сознании читающих, а не реальные явления действительности. В сознании автора и читателя одинаковому означаемому могут соответствовать разные означаемые.

Итак, вышеизложенное позволяет говорить о существовании парадокса в современной науке о языке: объявляется абсолютная первичность разговорного языка, но продолжается создание теорий и методов, которые основаны на представлениях и опыте, полученных при изучении регламентированного, отчасти искусственного языка, созданного в образовательных целях и покрытого слоем норм. Процесс семиозиса можно охарактеризовать в целом как динамический процесс ориентирования одного человека в его когнитивной области для получения той или иной реакции другим человеком за счет стимула, в роли которого выступает форма языкового знака. Форма и содержание разрывны, но в сознании индивида они представляют собой единое целое. Неразрывная связь между означаемым и означаемым – это не что иное, как иллюзия. Тексты не содержат и не передают «законсервированных мыслей», читатель генерирует содержание при соприкосновении с текстом. Слово текста на каком-то носителе в действительности знаком не является вне фокуса активного внима-

ния читающего, поэтому слово не содержит в себе, как в капсуле, единство означающего и означаемого, в слове нет мысли, так как мысль не может находиться внутри какого-либо материального предмета, кроме головы человека.

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. М., 1989. 616 с.
2. Брехт, Б. **Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания**: в 5 т. Т. 5/2. М., 1965. 566 с.
3. Гусев, С. С. **Метафизика текста. Коммуникативная логика**. СПб., 2008. 352 с.
- Деррида, Ж. **Голос и феномен и другие работы по теории знака** Гуссерля. СПб., 1999. 208 с.
- Кривоносов, А. Т. **К взаимоотношению языка и мышления (логическое умозаключение в естественном языке)** // *Обработка текста и когнитивные технологии* : сб. тр. Пушино, 1999. С. 92–119.
4. Песина, С. А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики на материале английских существительных: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 384 с.
5. Песина, С. А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики // *Вестн. Оренб. гос. ун-та*. 2005. Вып. 2 (40). С. 57–64.
6. Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте. СПб., 2005. 350 с.
7. Песина, С. А. Слово в когнитивном аспекте М., 2011. 344 с.
8. Песина, С. А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка // *Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2011. Вып. 4 (88). С. 13–18.
9. Песина, С. А. Функционирование слова в процессах мышления и коммуникации // *Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания*. М. ; Тамбов, 2011. С. 79–81.
10. Песина, С. А. **Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте**. М., 2012. 152 с.
11. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2007. 502 с.
12. Linell, P. *The Written Language Bias in Linguistics: It's nature, origins and transformations*. London, 2005. 256 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 63–66.

Р. В. Попов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЖАРГОНИЗМОВ В СУБСТАНДАРТНЫХ СЛОВАРЯХ

Рассматриваются проблемы неразличения профессиональных жаргонизмов и образованных на их базе других субстандартных единиц, прежде всего сленгизмов, в общих субстандартных словарях русского языка. В качестве иллюстрации приводятся конкретные случаи смешения профессионально-жаргонной и сленговой лексики и обсуждаются пути исправления словарных недоработок.

Ключевые слова: *субстандартная лексикография, профессиональный жаргон, общий сленг, социолингвистические и стилистические характеристики жаргонизмов и сленгизмов в социолектном словаре.*

В давней рецензии на «Словарь русского сленга» Игоря и Фриды Югановых [9] Э. Хан-Пира очень точно заметил, что «жаргоны, делегировавшие в так понимаемый сленг своих

представителей, не расстаются с ними» [7]. В качестве примера Э. Хан-Пира приводит, правда, только те попавшие в сленг жаргонизмы, которые получают иное значение, чем в жаргоне-ис-

точнике, например, *темнить* в тюремно-лагерном жаргоне – 1. ‘притворяться непомнящим, симулировать беспамятство’; 2. ‘хитрить на допросе’, а в сленге – ‘путать, обманывать’ [7].

Однако в узусе представлены и такие единицы, функционирующие как жаргонизмы и как сленгизмы, у которых объем семантических признаков не столь различен, а ряд из них и вовсе имеет одно и то же значение в жаргоне-источнике и в сленге. Но при этом субстандартизмы отличаются социолингвистическими параметрами, прежде всего связанными с характером коммуникации и типом носителя языка. Как следствие, такие единицы при общности семантики наделяются разными коннотациями.

Этот факт создает перед составителями словарей субстандарта большие трудности, так как они в лучшем случае отдают себе отчет в социальной и стилистической неоднозначности конкретных словоупотреблений и поставлены перед нерешенной проблемой, как их отражать в словаре. В худшем – авторы вообще не различают жаргонизмы и образованные на их базе сленгизмы, и в результате в общие субстандартные словари попадают, как правило, только обновленные, то есть сленговые слова и выражения, а «за бортом» лексикографии оказываются элементы профессиональных или корпоративных жаргонов.

Так, например, в рецензии на «Толковый словарь русского общего жаргона» [4] В. С. Елистратов удивляется тому, что слово *опер* характеризуется в нем как *пренебр.* (из уг. [оловного]), хотя ему «приходилось не раз слышать, как оно произносилось с неподдельным пиететом («*классный опер*»»)» [2]. К слову, в своем словаре В. С. Елистратов вообще не фиксирует *опер*, зато отмечает *оперсос*, причем только с одним значением – ‘оперативный сотрудник, уполномоченный, следователь’ (из уг.) [3], хотя в милицеском жаргоне *оперсос* (← *оперативный состав*) – это прежде всего ‘отдел уголовного розыска’, ср.: *Ну и где ваш оперсос? Как ни приедешь, все то в рейде, то в засаде.* Причем даже если считать, что *оперсос* – ‘оперативный сотрудник’, это слово все равно не может служить синонимом к *следователю*, так как данные единицы называют представителей разных подразделений, у которых отличаются функции и полномочия. Вероятно, *оперсос* – это все же профессиональный жаргонизм, который, попав в арго, приобрел в нем иную мотивировку, вызывая унижительные для

сотрудников правоохранительных органов ассоциации, ср.: *оперсос ... обсос* [1].

Возвращаясь к «уважительной» коннотации слова *опер*, отмечаемой В. С. Елистратовым, можно предположить, что он встречал такое словоупотребление именно в милицеской сфере, где положительные оценки профессиональной деятельности коллег за счет сочетаний «производственных» слов с экспрессивами типа *классный* вполне естественны. В этом случае речь идет именно о профессиональном жаргонизме *опер*. Авторы же «Толкового словаря русского общего жаргона» в соответствии с задачами словаря представляют *опер* как сленгизм, приписывая ему «общее» значение ‘оперуполномоченный или милиционер’ и включая в ряд синонимов *мент* – *мусор* – *опер*. Правда, такая интерпретация представляется небесспорной: если первые два слова действительно передают отрицательное отношение к сотрудникам милиции, распространенное в общем обиходе и основанное, вероятно, на их коррумпированности, непрофессионализме и др., то ни один из приведенных в ТСОЖ речевых примеров употребления слова *опер* не «оправдывает» такую коннотацию сленгизма, даже в этой цитате: *В Дальневосточном военном округе начальник особого отдела и старший «опер» «слиповали» дело (АиФ, 1993)* [4]. Поэтому неясно, за счет чего сленгизму в словаре приписывается отрицательная оценка и выставляется помета *пренебр.*; например, авторы «Словаря современного русского города» [6] сочли возможной другую помету – *фам.* («фамилярное»). Вызывает сомнение и версия только уголовного происхождения слова – как и *оперсос*, оно могло возникнуть в профессиональной сфере. Кроме того, в словарях [4; 6] не нашел отражения тот факт, что *опер* сейчас широко используется как элемент милицеского жаргона, ср. примеры из повестей известного петербургского писателя А. Кивинова, в прошлом сотрудника убойного отдела: *Врач не дал развиться моей дедушки: – Ваша фамилия? – Ларин. – Участковый? – Опер («Целую. Ларин»); – Понимаешь, мы, опера, – лица не процессуальные. Наша задача найти гада, поймать, расколоть и передать следователю. Дальше – его работа («Подставной»).*

В профессионально-милицеской сфере употребление *опер* является, как правило, нейтральным (так же, как и *мент*), поскольку слово широко задействовано в повседневной коммуникации сотрудников УВД. Кроме того, из

приведенных выше примеров видно, что, функционируя как профессиональный жаргонизм, *опер* имеет и более полный объем семантических признаков, чем это отражено, например, в ТСОЖ, и поэтому не может быть синонимом *менту*, *мусору*. Как указывалось, милицейским подразделениям свойственна четкая дифференциация сотрудников на оперуполномоченных (*оперов*), дознавателей (*дозиков*), следователей (*следаков*), участковых (*квартильных*, *околоточных*) и т. д. Между *опером* и *ментом*, скорее, гипо-гиперонимические отношения, в которых роль родового наименования принадлежит единице, обозначающей понятие более широкого объема, чаще встречающейся в общем обиходе, то есть слову *мент*.

Словарь В. В. Химика, как нам кажется, фиксирует именно такое, профессиональное словоупотребление *опер* с соответствующим полным набором различительных признаков, – отсюда его нейтральная коннотация, ср.: **Опер** (*жарг. мил.*) – ‘оперуполномоченный – работник милиции, занимающийся операциями по задержанию преступников и расследованию происшествий’ [8].

В субстандартных словарях, таким образом, во избежание недоразумений желательнее учитывать амбивалентность оценочных помет и дифференцировать профессиональные (и корпоративные) жаргонизмы, с одной стороны, и образованные на их основе сленгизмы с обновленными значениями и измененными коннотациями – с другой. Маркировать их можно, например, с помощью двойных помет, указывающих на «раздвинутые» границы применения субстандартной единицы, ср.: **Мент**, -а, м. (*мн. -ы, -ов*), *разг.-сниж. неодобр. и жарг.-милиц. нейтр.* Сотрудник милиции (сейчас полиции), а также вообще представитель закона (*из арго*). *Он в менты пошел. Ментов вызвали? Он честный мент, его этим не купишь.* В противном случае оценочные пометы экспрессивно-оценочного характера (даже при корректности функциональных помет) могут вызывать недоумение.

Другим серьезным недостатком при выставлении стилистических помет для профессиональных жаргонизмов является то, что авторы словарей – не носители жаргона часто решаются на самостоятельную интерпретацию коннотативных оттенков субстандартных единиц, игнорируя особенности реального функционирования слов в живой речи. Чаще всего составители решаются на этот эксперимент при

дефиците речевых оправдательных примеров. Типичный недостаток словарей жаргонов и сленга – отсутствие зоны примеров употребления единиц – ведет к невозможности адекватно и корректно отражать коннотации жаргонизмов. Составителю ничего не остается, как опираться на свое понимание того образа, на основе которого возник перенос наименования. Однако при этом авторы часто выдают свое языковое ощущение лингвиста за сознание носителей жаргона и сленга. Так, например, составители «Большого словаря русского жаргона» [5] В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина допускают двойную ошибку при интерпретации жаргонизма *ласточка*, ср.: (*жрр. ирон.*) ‘особый способ привязывания пьяных к кровати в вытрезвителях <...>’. Отнесение к сленгу (в терминологии авторов – «жаргонизированной разговорной речи») этого слова явно поспешно и не подтверждается фактами – оно остается элементом милицейского и уголовного жаргонов (*арго*). А то, что «комический», по словам этих лексикографов, образ жаргонизма заставил их оценить его употребление как «ироническое», явно резонирует с восприятием этого слова носителями соответствующего жаргона. Очевидно, что у нетрезвых и буйных задержанных такой способ их усмирения, когда им связывают за спиной руки и стягивают вместе ноги или привязывают таким образом ремнями к лежанке (топчану), едва ли вызывает столь мягкую оценку, как ирония. Для сотрудников же милиции слово скорее нейтрально, поскольку обозначаемый им способ усмирения – часть их профессиональной работы.

С другой стороны, в «Большом словаре русского жаргона» встречается немало лексем, которые уже на момент его выхода, безусловно, относились к сленгу – конкретной социально-профессиональной группе принадлежат лишь их денотаты, но не современное употребление, однако вместо общей пометы *жрр* для них выставлены частные пометы, ср.: *аквариум* (*мол.*) – ‘место в отделении милиции для задержанных’; *воронок* (*угол.*) – ‘автомобиль для перевозки заключенных’; *канарейка* (*угол.*) – ‘желтая милицеская машина’; *трезвяк* (*мол.*) – ‘медвытрезвитель’ и мн. др. Подобных неточностей, вызванных тем, что описываемые в словаре понятия не входят в круг интересов лексикографов, в общих субстандартных словарях традиционно много.

В заключение подчеркнем, что объективные трудности разграничения профессиональ-

ных (и корпоративных) жаргонизмов и образованных на их базе других субстандартных единиц, прежде всего сленгизмов, не являются основанием для их механического смешения в социолектном словаре.

Список литературы

1. Балдаев, Д. С. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графической портрет советской тюрьмы)* / Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М., 1992. 526 с.
2. Елистратов, В. С. *Как лингвисты жаргон опять по зонам рассадили* [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/7/nabl6.html>.
3. Елистратов, В. С. *Толковый словарь русского сленга*. М., 2010. 672 с.
4. Ермакова, О. П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского

общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. М., 1999. 320 с.

5. Мокиенко, В. М. *Большой словарь русского жаргона* / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. 2000. 720 с.

6. *Словарь современного русского города* / под ред. Б. И. Осипова. М., 2003. 565 с.

7. Хан-Пира, Э. Рец. на: Юганов И., Юганова Ф. *Словарь русского сленга: сленговые слова 60–90-х годов* [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/7/nabl6.html>.

8. Химик, В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. СПб., 2004. 768 с.

9. Юганов, И. *Словарь русского сленга: сленговые слова 60–90-х годов* / И. Юганов, Ф. Юганова. М., 1997. 320 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 66–69.

Т. С. Пристайко

О СЕМАНТИКЕ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СЛОВ-КОНКРЕТИЗАТОРОВ В ТЕКСТЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕФИНИЦИИ

Статья посвящена проблеме широкозначности некоторых слов-конкретизаторов в тексте дефиниций технических артефактов. Поставлен вопрос о способности таких слов однозначно выполнять первичную классифицирующую функцию отнесения термина-дефиниендума к той или иной лексико-семантической парадигме.

Ключевые слова: *терминологическая дефиниция, слово-конкретизатор, общетехническое слово, широкозначность.*

Проблематика, связанная с дефиницией термина, занимает особое место в современных теориях терминоведения и терминографии. Двойственная природа термина-знака, его соотнесенность одновременно с двумя системами: логической системой языка и терминологической системой, репрезентирующей систему специальных понятий, в известной степени предопределила и основное направление в исследовании дефиниции термина: начиная с первых обобщений в сборнике научных трудов «Проблематика определения термина в словарях разных типов» [10], в существующих сегодня монографических исследованиях

[2; 6; 7; 13; 16 и др.], и многочисленных статьях терминологическая дефиниция изучается не только как логико-смысловое построение, выраженное вполне определенными вербальными средствами, но и языковая форма репрезентации полученного знания, оформленного в виде определенных когнитивных структур. Наряду с решением задач построения и типологии словарных дефиниций, лингвистов-терминологов интересуют и вопросы привлечения словарных дефиниций в качестве источника информации о термине [5. С. 20]. В этом аспекте словарная дефиниция рассматривается как основа для проведения компонентного ана-

лиза, позволяющего выделить в исследуемой терминосистеме конкретные лексико-семантические группы и парадигмы [3], источник для выявления структуры терминопольа определенной терминологической системы [8] и т. д.

В русле этого прикладного направления выполнено и настоящее исследование, объектом которого стали тексты словарных дефиниций наименований технических артефактов. Не затрагивая дискуссионных моментов, связанных с толкованием понятия «дефиниция» разными научными школами (см. об этом: [12. С. 162–163; 13; 16 и др.]), в настоящей работе мы примем в качестве рабочего следующее определение научной дефиниции: «Дефиниция – это словесное выражение тех специфических особенностей, которые отличают данное понятие от смежных с ним, перечисление существенных признаков дефинируемого предмета, явления, которые репрезентируют понятие» [12. С. 162]. **Научная дефиниция рассматривается** как сложное синтаксическое построение, устанавливающее тождество между научным понятием и его наименованием в соответствующей терминосистеме и структурно распадающееся на две части: левую, содержащую определяемое понятие – *definiendum* (Dfd), и правую, включающую определяющее понятие – *definiens* (Dfn).

Целью настоящей работы является изучение семантики некоторых широкозначных слов-конкретизаторов, входящих в дефиниенс (Dfn), в плане их способности однозначно выполнять первичную классифицирующую функцию отнесения термина-дефиниендума к той или иной лексико-семантической парадигме.

Понятия о технических артефактах, принадлежащих к категории предметов, чаще всего репрезентируются с помощью классификационных и партитивных дефиниций. Слово-конкретизатор в Dfn классификационных дефиниций относит технический артефакт к определенной области предметов, из состава которой в соответствии с родовым признаком выделяется дефиниендум (например, *машина, механизм, устройство, аппарат, установка* и др.). Слова-конкретизаторы в составе партитивных дефиниций, служащих для раскрытия содержания понятий «часть целого» или «совокупность частей», называют часть (*деталь, узел, элемент, орган* и др.) и обязательно сочетаются с именами, обозначающими целое (*деталь машины, узел агрегата, элемент конструкции, исполнительный орган комбайна* и

т. д.). При этом понятие «целого» должно быть предварительно определено и терминовано [2. С. 55–56].

Зачастую при определении имен исходных понятий, репрезентирующих как «род предметов» или «целое», так и называющих «часть» в составе целого, возникают определенные затруднения, связанные с неоднозначностью таких слов, их способностью выражать разные по степени обобщенности значения. Прежде всего следует отметить, что анализируемые лексемы по своей функциональной принадлежности относятся к общетехническим словам, которые, в отличие от общетехнических терминов (типа *винт, конвейер, транспортер, манипулятор* и т. д.), «не называют конкретных реалий, а лишь обозначают широкие по семантическому объему родовые понятия о классе, совокупности объектов, их составе и структуре. В семантике общетехнического слова совмещаются денотативное (предметное) и сигнификативное (понятийное) значения, чего нет у чисто денотативных единиц терминологической лексики – общетехнических терминов-названий конкретных технических реалий и предметов. Именно поэтому смысл общетехнического слова невозможно передать рисунком или схемой. Можно нарисовать *болт* или *кран*, но нельзя изобразить *оборудование* или *деталь* вообще» [9. С. 55–56]. Степень обобщенности семантики некоторых общетехнических слов позволяет квалифицировать их как широкозначные. Как известно, широкозначными называют такие слова, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью. Н. Н. Амосова определяет широкое значение как «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющуюся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова. Интерпретация широкого значения возможна лишь в самой общей форме» [1. С. 114].

Понятие широкозначности пересекается с понятием эврисемии, под которой понимается способность слова относиться к неопределенному количеству денотатов [14. С. 347], что зачастую приводит к неоднозначной интерпретации таких слов в составе дефиниций, к полиморфизму последних (см. об этом: [16. С. 59–83]).

Широкозначность общетехнических слов способствует развитию синонимических отношений между ними, что существенно за-

трудняет использование их в качестве слов-классификаторов, позволяющих однозначно отнести определяемый термин к той или иной номинативной микросистеме в составе терминопоя. Ср., например: **Дробилка** – машина для дробления минерального сырья и других твердых материалов (ГЭ); **Дробилка валковая** – установка для дробления материалов (руд, строительного камня и т. п.) [4]. **Воздушный сепаратор** – аппарат, устройство для воздушной классификации [4]. **Фильтр** в обогащении полезных ископаемых – устройство (аппарат) для разделения, сгущения или осветления неоднородной системы, содержащей твердую и жидкую (газообразную) фазы, пропуская через пористую фильтровальную перегородку [4].

Синонимия анализируемых слов в составе дефиниций имен технических артефактов поддерживается их синонимичностью в общей системе языка, о чем свидетельствуют данные толковых словарей русского языка. Ср., например: **Аппарат** – 1. Прибор, техническое устройство, приспособление [15]; 1. Прибор, механическое устройство для выполнения какой-л. определенной работы [11, т. 1]. **Прибор** – 1. Приспособление, специальное устройство, аппарат для производства какой-либо работы, управления, регулирования, контроля, вычислений [15]. **Приспособление** – 2. Предмет, всякое устройство, при помощи или посредством которого производится какая-н. работа, действие; вообще – прибор, механизм [15]; 2. Сооружение, механизм, прибор и т. п. <...>; устройство [11, т. 3]. **Установка** – 2. Установленный, смонтированный где-н. механизм, приспособление или система механизмов, приспособлений [15]; 2. Устройство, механизм [11, т. 4]. **Устройство** – 4. Техническое сооружение, механизм, машина, прибор [15]; 4. Механизм, механическое приспособление, сооружение [11, т. 4].

Неоднозначность терминов, выступающих в функции слов-конкретизаторов, и порождаемые ею явления (полисемия, эврисемия, полиморфизм, амбисемия) приводят некоторых ученых к мысли о невозможности выработать абстрактные (общие) дефиниции основных понятий той или иной отрасли знания. В частности, по наблюдениям А. В. Суперанской и др., «почвоведы не могут дать общей дефиниции понятия *почвы*. У биологов свыше ста дефиниций основополагающего понятия *дифференциация клетки*. Комитеты стандартов в разных

странах пытаются определить понятия *машина, аппарат, аппаратура*». Это обусловлено, прежде всего, тем, что «понятия – это диалектические категории, развивающиеся исторически» [12. С. 162]. Понятия и термины разрабатываются применительно к отдельным теориям и школам и изменяются в соответствии с развитием науки и техники.

В то же время нельзя не признать, что широкозначность рассматриваемых слов-конкретизаторов в составе Dfn, порождающая полиморфизм и амбисемию терминов, требует сознательного отношения со стороны составителей терминологических словарей, основанного на четком ограничении и разграничении семантики таких слов хотя бы в пределах одной тематической области знания. Думается, что выявление критериев разграничения семантики общетехнических слов-конкретизаторов вполне может стать самостоятельной исследовательской задачей для дальнейшего изучения терминологических дефиниций.

Список литературы

1. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии. М., 1963. 130 с.
2. Волкова, И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии. М., 1984. 200 с.
3. Высоцкая, Т. Н. Процедура ступенчатой идентификации как инструмент выделения лексико-семантических групп наименований технических артефактов // *Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. Мовознавство*. 2010. Вип. 16. С. 79–85.
4. Горная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mining-enc.ru/rubrics/technology/>.
5. Дроздова, Т. В. Термин в системе языка и в коммуникативном аспекте // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 19–22.
6. Зарва, А. Н. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 156 с. URL: <http://www.disserscat.com/>.
7. Комарова, З. И. Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1991. 48 с.
8. Морозова, Л. В. Терминологический дефиниционный анализ // *Уч. зап. Калинин. госпед. ин-та*. 1970. Т. 83. С. 20–44.

9. Пристайко, Т. С. Лексико-номинативная организация специального текста. Дніпропетровськ, 1996. 200 с.

10. Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. 266 с.

11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1–4. М., 1980–1984.

12. Суперанская, А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М., 1989. 246 с.

13. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в идеографиче-

ских словарях [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2001. 288 с. URL: frgf.utmn.ru/last/diss/diss01.rtf

14. Татаринцов, В. А. **Общее терминоведение**: энцикл. слов. М., 2006. 528 с.

15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008. 1175 с.

16. Шелов, С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб., 1998. 236 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 69–72.

И. В. Сибиряков

ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА КОГНИЦИИ

В статье исследуются когнитивные процессы, функционирующие на всех уровнях ментальной активности: интуиции, сознания, мышления. Предлагается авторское логико-гносеологическое определение феномена когниции.

Ключевые слова: когниция, сознание, интуиция, мышление, определение.

В когнитивной науке давно не утихают споры вокруг определения понятия **когниции**. А. В. Кравченко, например, утверждает: «Когниция в общем смысле – это процедуры получения и использования на основе приобретаемого опыта, то есть через восприятие и научение, “предзнаний” <...>, тогда как познание в широком смысле складывается из познания *интуитивного, или когниции*, и познания рассудочного, или познания в узком смысле слова» (курсив наш. – И. С.) [4. С. 60]. Отчетливо видно, что А. В. Кравченко связывает когницию с *интуицией*.

А вот В.М. Лейчик настаивает, что «элементы языка (языков) лингвистики, как и любой <...> науки, формируются, осмысляются и вербализуются в процессе профессиональной коммуникации (совпадающей с процессами когниции – познания и дальнейшего углубления знания в соответствующей сфере)» (курсив наш. – И. С.) [6. С. 67]. В. М. Лейчик, в противовес А. В. Кравченко, когницию связывает уже не *синтуицией*, но с *научным познанием* и углублением знания.

Е. С. Кубрякова считает: «Язык помогает выйти человеку за границы его актуального опыта <...>, почерпнутого как в ходе когниции (получения информации обыденным сознанием), так и в ходе *научного познания и постижения мира* <...>» (курсив наш. – И. С.) [5. С. 30–31]. Очевидно, что под когницией автор приведенной цитаты понимает способ «получения информации обыденным сознанием» и четко отграничивает когницию от способа «научного познания и постижения мира».

Как видим, существуют различные точки зрения лингвистов на природу и сущность когниции. Это противоречие может быть преодолено с привлечением философии, и в частности логики, поскольку определение когниции сегодня стало затрагивать сферу интересов философов. **«КОГНИЦИЯ** (от лат. *cognitio*) – знание, познание, **когнитивный** – соответствующий когниции, или познанию, познаваемый» [14. С. 214], – указано в «Философском энциклопедическом словаре». Подобное определение когниции нарушает самые элементарные нормы логики: «Определение – это

логическая операция, состоящая в раскрытии содержания понятия (совокупности общих, основных, существенных признаков класса предметов, мыслимых в понятии)» (курсив наш. – И. С.) [12. С. 47], – пишет К. Н. Суханов. Иначе говоря, научным считается только родовидовое определение понятия. Однако этим требованиям не соответствует изложенное выше философское определение *когниции*: оно – всего лишь перевод на русский язык латинского термина *cognitio*. Попробуем выделить в рассмотренных выше точках зрения на природу *когниции* совокупность «общих, основных, существенных признаков класса предметов» и привести их в соответствие с нормами логики.

Под *когницией* в широком смысле слова принято понимать операции, процедуры по обработке поступающей информации. Операции эти Е. С. Кубрякова связывает с *обыденным сознанием*. А почему именно с *обыденным*, а не, например, с *общественным* сознанием? Но существуют еще другие виды сознания: *трансцендентальное, классовое, утопическое, инструментальное, действенно-историческое, чистое, соборное* и ряд других [13. С. 786]. Непроходимой грани между этими видами сознания не существует. Более того, сегодня в науке нет единой точки зрения на природу сознания, хотя любые когнитивные исследования упираются в эту проблему. Например, в IV томе третьего, стереотипного издания академического «Словаря русского языка» приводится пять дефиниций этого слова, из которых в качестве иллюстрации с одинаковым успехом можно выбрать любое: «СОЗНАНИЕ, -я, ср. 1. Восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку, способность осмысленно воспринимать окружающее» [11. С. 184]. Очевидно, что все приведенные выше характеристики сознания приписываются исключительно человеку, хотя современная наука не отрицает наличия сознания и у высших животных.

Более перспективное определение сознания предлагает Л. С. Выготский: «Сознание своих переживаний и означает не что иное, как имение их (переживаний. – И. С.) в качестве объекта (раздражителя) для других переживаний. Сознание есть переживание переживаний <...> Но именно способность рефлекса (переживания предмета) быть раздражителем (предметом переживания) для нового рефлекса – этот механизм сознательности и есть механизм передачи рефлексов из одной системы

в другую. <...> сознание есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов. Сознательно то, что передается в качестве раздражителя на другие системы и вызывает в них отклик. Сознание всегда эхо, ответный аппарат» [2. С. 88–89]. На этом уровне обработки информации *когниция* – это и есть факт *сознания* как «механизм передачи рефлексов из одной системы в другую»; в случае его нарушения перестает функционировать и сознание. Достаточно вспомнить факты нарушения сознания у людей в результате травм головы: целые дни, а то и годы исчезают из памяти таких индивидов. *Когниция* как «переживание переживаний» актуальна не только для людей, но и для более или менее высокоорганизованных животных. Можно указать на собак, месяцами ожидающих на обочинах дорог бросивших их хозяев. Здесь рефлекс на хозяина становится предметом для новых переживаний, то есть включается сознание как «переживание переживаний».

Если же исследовать *когницию* через призму «научного знания», как предлагает В. М. Лейчик, то и здесь нетрудно обнаружить механизм «переживания переживаний», то есть сознание. Но по сравнению с предыдущим уровнем *когниции* есть и существенное отличие: научное знание есть всегда знание теоретическое, следовательно, такое знание опосредуется с помощью понятий, суждений и умозаключений, то есть знаковых систем; такой уровень обработки информации принято называть мышлением [10. С. 85]. На роль знака в организации процессов мышления указывали многие ученые: «Мы мыслим только в знаках», – подчеркивал Ч. Пирс [8. С. 217]. На этом уровне *когниция* как механизм обработки информации функционирует на знаковом уровне, то есть *когниция* реализует себя в форме мышления. Знаковый уровень *когниции* доступен исключительно сознанию человека: попытки поисков мышления у животных неизбежно приводят к глубоко ошибочному утверждению, будто животные обладают культурой [9. С. 229].

Когниция может функционировать и на уровне интуиции, то есть на уровне «предзнаний», как на этом настаивает А. В. Кравченко. Проблема, однако, заключается в том, что существует два вида интуиции: *чувственная интуиция* (непосредственное знание) и *интеллектуальная интуиция* (рациональное знание). *Чувственная* интуиция воспринимается перцептуально и не требует доказательств: нет

необходимости, например, доказывать, что я воспринимаю что-то горячее или что эта стена белая и т. д. [1. С. 3]. Такое знание не требует опосредования с помощью знаков; оно одинаково как у человека, так и у животных. Именно этот тип интуиции А. В. Кравченко отождествляет с когницией. Но уже и на этом уровне встречается знание, опосредствованное знаками: дым в лесу, например, является знаком лесного пожара; такие знаки называют «естественными» и они, скорее всего, также доступны животным: ведь спасаются же они от пожара. А вот *интеллектуальная интуиция* уже требует доказательств: такая интуиция обязательно опосредуется с помощью целых знаковых систем. Теория *интеллектуальной интуиции* была разработана Дж. Локком и не потеряла своей актуальности до сих пор. Суть этого учения в том, что более простая *чувственная интуиция* связывает наше сознание с каким-либо единичным объектом; так устанавливается соответствие возникающей простой идеи с объектом познания. Но когда появляется необходимость связать в уме одновременно несколько простых идей, тогда одна идея интуитивно связывается с другой, другая с третьей и так далее, пока не появляется цепочка интуитивно связанных идей, образующих, по Дж. Локку, *рациональное познание*, или рассуждение [7. С. 165]. Если такая процедура повторяется многократно, она закрепляется в памяти. И когда возникает потребность первую идею связать сразу с пятой, благодаря памяти отпадает необходимость последовательно связывать первую идею со второй, вторую с третьей и т. д. Блестящий тому пример – таблица умножения: чтобы знать, сколько получится, если 5×5 , совершенно не нужно 5×1 , 5×2 и т. д.; мы, благодаря памяти, сразу же получаем ответ. Это и есть *интеллектуальная интуиция*; такая интуиция недоступна животным. Этот процесс был тщательно проанализирован Гегелем: «Мы <...> останавливаемся на том, что непосредственное знание должно брать как *факт*. Но тем самым рассмотрение переносится в область *опыта, психологического феномена*. В этом отношении мы должны указать как на самый общеизвестный опыт на то, что истины, относительно которых мы очень хорошо знаем, что они являются результатом в высшей степени сложных, в высшей степени опосредствованных размышлений, представляются непосредственными тому сознанию, для которого они сделались привычными» [3. С. 191].

Подводя итог, констатируем следующее: в зависимости от телеологической направленности познания феномен *когниции* реализует себя на всех уровнях психической активности: интуиции, сознания, мышления. Следовательно, *когниция есть категория для обозначения всей совокупности психической деятельности познающего субъекта по работе и репрезентации поступающей информации*. А поскольку *когниция* есть категория, следовательно, это – научная абстракция. В силу своей абстрактности понятие *когниции* относится не к какому-то конкретному факту или уровню познания, например, интуиции или мышления, а ко всему их множеству в целом. *Когниция* есть междисциплинарная категория, и в качестве таковой она должна являться предметом философского анализа: в этом проявляется интегративная функция философии, а также ее логико-гносеологическая сущность.

Список литературы

1. Асмус, В. Ф. **Проблема интуиции в философии и математике** : очерк истории XVII – начала XX в. 3-е изд., стр. М., 2004. 320 с.
2. Выготский, Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М., 1982. 488 с.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук / отв. ред. Е.П. Ситковский. М., 1974. Т. 1.: Наука логики. 452 с.
4. Кравченко, А. В. О профессиональной и языковой компетенции в журнальных публикациях по когнитивной лингвистике // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 59–63.
5. Кубрякова, Е. С. **Что может дать современная лингвистика исследованию сознания и разума человека** // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2006. С. 26–31.
6. Лейчик, В. М. Языки профессиональной коммуникации лингвистов // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 63–68.
7. Локк, Дж. Соч.: в 3 т. / пер. с англ. А. Н. Савина. М., 1985. Т. 1. 621 с.

8. Пирс, Ч. **Избр. философские произведения** / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М., 2000. 448 с.
9. Сибиряков, И. В. Знак в когнитивном процессе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 221–230.
10. Сибиряков, И. В. Знак в контексте когниции // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 83–86.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 4. 1988. 800 с.
12. Суханов, К. Н. Логика : учеб. пособие. Челябинск, 2004. 171 с.
13. Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М., 2006. 1072 с.
14. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М., 2009. 570 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Е. Н. Бекасова

ПРИРОДА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: КОНЦЕПЦИЯ К. С. АКСАКОВА

С современной точки зрения рассматривается концепция происхождения и развития русского литературного языка К. С. Аксакова и доказываемая концептуальная значимость изложенной картины формирования и эволюции русского литературного языка во взаимодействии с различными странами и церковнославянским языком.

Ключевые слова: *генезис русского литературного языка, концепция К. С. Аксакова, функциональная парадигма русского языка, церковнославянский язык.*

Первым научным исследованием, посвященным проблемам истории русского литературного языка, следует признать магистерскую диссертацию К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», которая, несмотря на достаточно суровую оценку со стороны профессиональных филологов [14. С. 21], повлияла на становление новой отрасли русистики [11]. В частности, В. В. Виноградов отметил отражение этого влияния в «Мыслях об истории русского языка» И. И. Срезневского [10] и особенно в грамматических исследованиях А. А. Потебни. На наш взгляд, некоторые положения диссертации К. С. Аксакова получили своеобразное преломление и в концепции самого В. В. Виноградова, который назвал ее «самым замечательным, до сих пор еще недостаточно оцененным исследованием Аксакова в области русского литературного языка» [12. С. 300].

Это свидетельствует о том, что представления К. С. Аксакова о формировании и развитии русского литературного языка, заслуживают более детального рассмотрения, тем более что по сложившейся традиции его относят к приверженцам церковнославянской языковой основы русского литературного языка [3; 7; 8]. Между тем внимательное изучение указанной работы показывает, что концепция К. С. Аксакова была лишена той односторонности, которая впоследствии ей приписывалась. И это несмотря на отсутствие в магистерской диссертации четкой хронологической определенности, общепринятой терминологии, конкретного анализа языковых фактов и доказательств, которых – справедливости ради отметим – не

было и нередко нет и у целого ряда исследователей, выстраивающих свои концепции в лучшем случае на интуитивном уровне или с соблюдением своеобразной, навязываемой языку логики, в худшем – с установкой на идеологические послылы.

По К. С. Аксакову, «первое выражение языка народного есть разговор», из которого постепенно выделяется «разговор в разговоре, оторванный от случайностей» [2. С. 61]. Если использовать термины современной лингвистики, то описываемый К. С. Аксаковым «разговор в разговоре» есть не что иное, как функциональные страты языка, обслуживающие «высшие» сферы коммуникации – устную поэзию и устное право, а просто «разговор» – диалект. При этом К. С. Аксаковым подмечен один из важнейших показателей диалекта – спонтанная речевая реализация. Также почти полностью совпадают признаки «разговора в разговоре» с выявленными в последнее время особенностями наддиалектных форм языка, в частности, весьма образно описывается их архаический характер, а постоянное подчеркивание «прочности речи», оторванной от «мира изустного слова», вполне укладывается в современные рамки термина *обработанность* [5].

Наряду с устными формами «язык народный» имеет письменные памятники (грамоты, договоры, законоположения, письма), то есть К. С. Аксаковым утверждается исконная основа памятников делового языка. Все остальные памятники Древней Руси писались или «на языке церковнославянском, т. е. когда он, собственно, как язык принимается за соразмерное выражение мысли – памятники духов-

ные; или же на языке, принявшем необходимое определение языка церковно-славянского, без присутствия самого этого языка, как самобытного, с собственными ему сродными оборотами, оттенками и так далее (курсив наш. – Е. Б.) – памятники, которые могут быть названы народными» [1. С. 63]. Таким образом, К. С. Аксаков, вслед за М. В. Ломоносовым, выделяет два языка. При этом следует подчеркнуть четкое понимание К. С. Аксаковым специфики церковнославянского языка, то есть языка сакрального, богослужебного, генетически восходящего к кирилло-мефодиевской традиции. «Собственно церковнославянский язык», как язык культовый, обслуживает религиозную жизнь общества; другой язык, «принявший определение церковнославянского языка» «без присутствия самого этого языка», обслуживает народную жизнь. При этом «собственно церковнославянский язык» не является основой данного языка, он лишь «налагает» на него «свои формы». Эти два языка, или, как уточняет сам К. С. Аксаков, «лучше два слога», «двойственный слог» [1. С. 66], активно взаимодействуют: «и если в некоторых грамотах и вообще в письменности простого языка (деловая письменность. – Е. Б.) встречаем мы выражения церковнославянские, то также и этот простой язык находим мы прорывающимся в сочинениях, писанных на языке церковнославянском», «эти два языка (церковнославянский и «принявший необходимое определение языка церковнославянского, без присутствия самого этого языка». – Е. Б.), или лучше два слога, смешивались иногда, когда смешивалось и само содержание, и производили новую пестроту» [1. С. 63].

Очевидно, что представленная К. С. Аксаковым языковая картина близка сегодняшнему пониманию языковой ситуации Древней Руси с признанием большинством исследователей двух литературных языков, один из которых имел исконную основу и формировался в результате взаимодействия наддиалектных форм языка, диалектов и церковнославянского языка [11]. При этом важным в теории К. С. Аксакова является положение о церковнославянском языке «как орудии истин религиозных», который «не имел и не мог иметь у нас развития» [4; 6; 12]. По мнению А. И. Горшкова, это «очевидное, но почему-то до сих пор не привлекающее к себе должного внимания положение, что церковнославянский язык в строгом смысле этого слова (т. е. язык канонических богослужебных

текстов, переписывавшихся на Руси) не мог иметь и не имел действительного развития, подлинной истории, – имеет важнейшее значение для истории русского литературного языка. Из этого положения вытекает, что церковнославянский язык мог иметь историю на русской почве только в том случае, если он не выступал как «иноземный» язык, которым пользовались русские, а «утрачивал свое иноземное обличье» и превращался, «претворялся» в русский литературный язык, что было со всей определенностью подчеркнуто Шахматовым» [13. С. 13].

Дальнейшее развитие языка, по представлению К. С. Аксакова, идет под влиянием ошибок, которые направлены «против языка церковно-славянского» и «составляют жизнь языка». «Живая цепь ошибок охватывает слог со всех сторон», усиливая в нем струю «самобытного законного употребления» [1. С. 64]. «Двойственный слог» разрушается уже при царе Алексее Михайловиче, и возникает «новый слог», в котором язык должен стать выражением общего». В целом это соответствует стремлению литературного языка начиная со второй половины XVII в., к максимальной поливалентности [9]. Становление «общего» проходит, как указывает К. С. Аксаков, через стадию «искажения», «странной, небывалой смеси слов церковнославянских и русских», потому что «граница, лежащая между двумя языками, нарушилась» [1. С. 67], но постепенно «язык развивается и наполняется общим содержанием, вполне сохраняя вместе с народом свою личность, самобытность», только «развертываясь в новой высшей, обширнейшей сфере» [1. С. 68]. Таким образом, К. С. Аксаков обосновывает непрерывность развития русского литературного языка.

В XVII–XVIII вв. язык «всколебался», и М. В. Ломоносов первым, как совершенно точно определил К. С. Аксаков, «оторвал русский язык от исключительной национальности и поставил существенные отношения между ним и церковнославянским языком, ввел язык в высшую сферу и дал ему там самобытное место, права гражданства» [1. С. 69].

Так в диссертации К. С. Аксакова, построенной в основном на впечатлениях и ощущениях автора, сложилась концептуальная картина формирования и эволюции восточнославянского и русского литературного языка в его взаимодействии с различными стратами и церковнославянским языком, подтвердившаяся в изысканиях современной науки.

Список литературы

1. Аксаков, К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1982. С. 30–89.
2. Аксаков, К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 2011. 368 с.
3. Бекасова, Е. Н. Еще раз «об актуальнейшем вопросе русской филологии» // Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2004. С. 23–26.
4. Бекасова, Е. Н. Древнерусский текст как феномен греко-славянского культурного мира // Вестн. ОГПУ. 2012. Вып. 2 (2). С. 42–48.
5. Бекасова, Е. Н. Генезис текста // Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста : структуры, смыслы, генезис. М., 2013. С. 150–208.
6. Бекасова, Е. Н. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург, 2010. 208 с.
7. Бекасова, Е. Н. К. С. Аксаков как историк языка // Традиции славянской письменности и культуры в Оренбуржье : сб. материалов. Оренбург, 2007. Вып. 20. С. 111–115.
8. Бекасова, Е. Н. Камень преткновения славистики : природа русского литературного языка // Языки профессиональной коммуникации : материалы Третьей междунар. науч. конф. Челябинск, 2007. Ч. I. С. 108–110.
9. Бекасова, Е. Н. Механизмы генетической организации системы русского литературного языка // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Междунар. конгр. исследователей рус. яз. : тр. и материалы. М., 2007. С. 41–42.
10. Бекасова, Е. Н. Парадоксы интерпретации языковой ситуации Древней Руси : провидение И. И. Срезневского // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. 6. Філологія. 2012. Вип. 66, № 1021. С. 8–12.
11. Бекасова, Е. Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций. Оренбург, 2008. 100 с.
12. Виноградов, В. В. Русская наука о русском литературном языке // История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 277–336.
13. Горшков, А. И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 7–30.
14. Соболевский, А. И. Лекции по истории русского литературного языка. Л., 1980. 196 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 75–78.

Я. Л. Березовская

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «PR-ТЕКСТ» И «РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ» (на примере русских и китайских текстов агентств недвижимости)

Рассматривается соотношение понятий «PR-текст» и «рекламный текст» на материале русских и китайских текстов агентств недвижимости. Утверждается, что главным отличием PR-текста является создание и пропаганда положительного имиджа компании. Для сферы недвижимости в большей степени характерны рекламные тексты, представляющие конкретные жилые комплексы.

Ключевые слова: *PR-текст, рекламный текст, имидж организации, корпоративная культура.*

Для современной лингвистики значимым является вопрос разграничения понятий «PR-текст» и «рекламный текст». По замечанию О. В. Шефер, «рекламный текст побуждает к действию, к совершению покупки. PR-текст описывает новостные события в жизни субъекта и порождает благоприятные контексты» [2. С. 65].

Вслед за А. Д. Кривоносовым, под PR-информацией мы понимаем «тип социальной информации, которая производится в процессе деятельности социального субъекта (фирмы, организации, персоны) – базисного субъекта PR, распространяется по его же инициативе, отражает в оптимизированном виде значимые факты деятельности субъекта, предназначена для определенного сегмента общественности и служит целям формирования эффективной коммуникационной среды данного социального субъекта» [1. С. 35].

Существенным для PR-текста является тип авторства. PR-текст является отражением корпоративной точки зрения. Для общественности важно то, что данный текст исходит от самой организации, а не от конкретного ее представителя [1. С. 56]. В соответствии с этим под PR-текстом мы понимаем такой текст, который создается представителями организации, отражает основные принципы маркетинговой политики компании и служит целям создания ее эффективного позитивного имиджа.

На наш взгляд, принципиальным отличием PR-текста от рекламного является создание и пропаганда положительного имиджа компании, а не только реклама определенного товара или услуги. Главная цель PR-текста – показать высокую конкурентоспособность организации, востребованность предлагаемых ею товаров и услуг.

Нами были рассмотрены и сопоставлены рекламные и PR-тексты китайских (г. Чжэнчжоу) и российских (г. Челябинск) агентств недвижимости.

Активно развивающийся рынок жилья, наличие большого количества строительных компаний обусловило жесткую конкуренцию агентств между собой, и как следствие, широкое распространение рекламных и PR-текстов.

Структура большинства комбинированных русских PR-текстов представлена следующими компонентами: краткое описание истории компании, миссия, контакты. При этом отметим, что в PR- и рекламных текстах семантически значимыми оказываются такие лексемы, как уютный, красивый, комфортный. Например: *И вот в октябре 2008 года открылся по-настоящему комфортный, красивый, уютный «супермаркет» недвижимости по адресу: Каслинская, 5.* Однако для сферы недвижимости в большей степени характерно распространение рекламных текстов, что обусловлено продвижением конкретных объектов – жилых комплексов.

Обратимся к сопоставительному анализу рекламы российских и китайских агентств недвижимости.

В текстах на русском языке довольно часто используется цифровая маркировка, например: *5 неоспоримых преимуществ.* В одном из текстов с помощью цифр обозначены «правила клуба»: *1. Быть в центре внимания (расположение комплекса). 2. Жить на высоте (архитектура застройки). 3. Смотреть на все 4 стороны (планировка квартир).* Описание так называемых «правил клуба» в образной форме представляет основные критерии оценки любого комплекса.

В китайских рекламных текстах также используется цифровая маркировка. Приведем заголовок одного из текстов, представляющих новый объект недвижимости: *五大珍稀价值, 领袖上层生活 (5 ценностей, позволяющих вести роскошную жизнь).* Далее в тексте раскрываются эти преимущества:

园林之奢—都市中难得的静谧之地, 景观设计充分考虑土地, 建筑, 居者三者的动态平衡, 中心景观楼下盘旋, 更有雾森系统为人们制造负离子的同时, 在景观设计, 保湿, 防尘以及夏日消暑降温的功能赋予其特殊的魅力, 营造了繁华都市里的奢适之地. – Роскошный сад. В городе трудно найти такое тихое место; все продумано до мелочей: найден баланс между природой и архитектурой комплекса. Функции увлажнения воздуха, пылезащиты придают проекту особое очарование, делают это место уютным в современном городе. Хорошие опции: установленный в стене сейф, безопасный лифт. В зале и спальне установлены тревожные кнопки, чтобы жители безопасно и удобно себя чувствовали.

В приведенном рекламном тексте представлены все значимые преимущества жизни в комплексе. В частности, такая актуальная для Китая характеристика, как увлажнение и пылезащита.

Отметим, что в русских рекламных текстах также значим акцент на экологической обстановке района, шумо- и пылеизоляции квартир: *Территория комплекса получилась уютной и закрытой от ветра и шума.* Как и в китайских текстах, в рекламной продукции российских агентств недвижимости особое внимание уделяется описанию ландшафтного дизайна, подчеркивается наличие парков и других мест проведения досуга: *В скором времени по соседству появится первый парк культуры и отдыха Ленинского района.*

В рекламном тексте китайского жилого комплекса используются лексемы, акцентирующие внимание на возможности идеального (по мнению автора – *роскошного*) проживания в данном районе: *уютный, центр*. В тексте подчеркивается, что новый объект недвижимости располагается на водном канале, а потому предназначен для *уютного проживания*. Важными и актуальными признаются такие параметры, как *литературный центр, использование высоких технологий, расположение большого количества университетов*. Подчеркнуты условия *совершенной жизни: «шикарный» зал, панорамные окна (270 градусов), большое расстояние между зданиями (57-120 метров)*. В качестве бонуса данного жилья автор текста отмечает *наличие чердака*. Акцентируется внимание на том, что новых жителей порадует *современная эстетика; жить в таком комплексе будет престижно и почетно*. Делается резюме, что комплекс представляет собой *область проживания с прекрасным пейзажем*.

郑西核心, 打造宜居新标杆, 运河上城, 以战略眼光抢驻政府规划 “中原宜居商贸城” 核心板块, 毗邻未来市府文化中心, 坐享高新科技产业园, 高新区大学城等诸多利好, 以旖旎水岸生活打造郑西宜居新标杆. 细节为王. 完美品质, 构筑都市生活翘楚. 殿堂式苑区大门, 奢华挑高酒店级入户大堂, 270°全景观转角窗, 57-120米超宽楼间距, 毛坯房精修标准, 更有超值附赠空中花园... 这是一次生活与时代美学结合, 使品味. 更是尊贵.

В русских текстах отмечается частотное использование лексем *живой, уютный, центр*. Например: «Ленинские высотки» – это целый *живой квартал, расположенный в уютном месте в самом центре Ленинского района*. Полагаем, что употребление эпитета *живой* в подобных рекламных текстах является спорным: несмотря на то что авторы стремятся сделать акцент на прекрасном ландшафте и чистом воздухе, у реципиента может возникнуть мысль о перегруженности района транспортом или, что еще хуже, по ассоциации с антонимом появится стойкая негативная реакция, как, например, в следующем случае: «Просторы» - город *живых*.

В китайской рекламе важным критерием является престиж района, близость метро: *комплекс находится недалеко от улицы Zhengshang, рядом с 1-й линией метро*. Часто говорится о перспективах развития жилого района (в 2016 году будет построен новый культурный центр. В этом случае центр города будет рядом с Вами). Приведем подобный текст

полностью: *站生活 区域级商圈配套, 尽享便捷幸福人居. 项目咫尺郑上路, 紧邻地铁1号线, 周边大学城, 省市重点中学教育资源丰富, 依托锦艺国际轻纺城综合配套, 酒店及商业综合体, 风情商业街, 企业总部写字楼一应俱全. 2016年, 郑州新行政文化中心更将再次落成, 市中心就在您身边.*

В русских рекламных текстах также уделяется внимание престижности жилого комплекса. Так, яркую панорамную фотографию может сопровождать комментарий: *Я вижу это каждый вечер, Я здесь живу*. Характерным является описание удачного транспортного месторасположения: *Комплекс из 7 многоквартирных домов разместился в Ленинском районе всего в 10 минутах езды от автомобильного моста.*

Примечательно, что один из новых жилых комплексов в Челябинске назван *Манхэттен*. Такая номинация апеллирует к положительному образу роскошного проживания за рубежом.

Актуальным для жителей Китая, помимо парков и факта озеленения рекламируемого района, является наличие развитой инфраструктуры (в том числе разнообразных торговых площадей):

出则奢享金一环纯熟配置, 三商圈交汇, 繁华都市零距离; 碧沙岗公园环抱, 纯生态气候大成; 入则专享都市中心的绿洲, 摒弃掉大面积的商业规划 康桥绿卡因地制宜营造繁华都市里的浪漫桃花源品质居所, 优越生活. – *Выйдя из нашего комплекса, Вы попадаете в торговую галерею. Со всех сторон жилой комплекс окружает парк, природный климат. Только для Вас наш жилой комплекс – оазис в центре города с прекрасной площадью торгового плана. Мы построим уютный жилой комплекс в соответствии со всеми условиями.*

Последний критерий выступает одним из основополагающих и в русских рекламных текстах: *Жители нового жилого комплекса в полной мере смогут пользоваться развитой инфраструктурой: в шаговой доступности находится развлекательный комплекс «Аврора», гипермаркет «Молния», средняя общеобразовательная школа № 51 и 2 детских сада».*

Важным для российской рекламы объектов жилой недвижимости – в отличие от китайской – является наличие благоустроенных детских площадок: *Во дворе будет установлена высококачественная детская площадка для ребятшек всех возрастов, организована зона для активных игр.*

Таким образом, в ходе исследования удалось разграничить понятия «рекламный текст» и «PR-текст». Анализ показал, что для сферы недвижимости наиболее характерны рекламные тексты, представляющие преимущества конкретного жилого объекта, а не PR-тексты, создающие положительный образ фирмы.

Список литературы

1. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. 2-е изд., доп. СПб., 2002. 288 с.
2. Шефер, О. В. Отражение корпоративной культуры вуза в имиджевом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 163 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 78–80.

В. Г. Будыкина

ЛОЖНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КАК ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИИ (на примере терминологии высшего образования)

В статье рассматривается лингвокультурный феномен, известный в российской лингвистике как «ложные друзья переводчика». Автор обосновывает адекватность использования термина «ложные лексические параллели», предложенного В. В. Дубичинским, и анализирует соответствующую лексикографическую проблему на примере терминологии высшего образования и сопряженной с ней лексики.

Ключевые слова: *лексические параллели, ложные друзья переводчика, терминология высшего образования, интерлекса, идиолекса, лексикография.*

В настоящее время, связи с резким увеличением числа международных контактов, в том числе в результате глобализационных процессов, возрос интерес к переводческой деятельности и гармонизации терминологий на государственном и международном уровне. Среди проблем теории и практики перевода все более актуальным становится вопрос об эквивалентном переводе лексических единиц двух (или более) языков, которые совпадают в формальном плане, но не всегда совпадают по содержанию.

Речь идет о таком лингвокультурном феномене, который в работах российских и зарубежных ученых получил различные наименования: *ложные vs. подлинные друзья переводчика, ложные (неполные) vs. полные лексические параллели, интеронимы, интернационализмы, межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы, cognates (false-cognates/non-cognates), faux amis du traducteur* и т. д. Этот языковой феномен вызывает значительный интерес лексикографов.

В отечественной лингвистике серьезный интерес к данной проблеме возник во второй

половине XX в. Разработкой проблемы занимались такие ученые, как В. В. Акуленко, К. Готлиб, В. Л. Муравьев и т. д. В настоящий момент ведущим специалистом в данной области является доктор филологических наук, профессор В. В. Дубичинский.

Существует ряд лексикографических разработок в данной области, в большинстве которых используется термин «ложные друзья переводчика». Однако В. В. Дубичинский считает, что от этого традиционного термина необходимо отказаться «из-за его графической громоздкости и несомненной метафоричности, что зачастую нежелательно для терминологической лексики» [4]. Вслед за ученым, будем использовать термин «лексические параллели» для обозначения внешнесходных, но различных по значениям или совокупности значений лексических пар двух и более синхронически сопоставляемых языков.

Существует несколько классификаций данного языкового феномена. Так, К. Готлиб в своих работах использует термин «междужычные аналогизмы» и предлагает следующую

классификацию: 1) полные междуязычные аналогизмы – слова, звуко-буквенный состав которых различается только некоторыми артикуляционно-произносительными и графическими особенностями, специфическими для каждого из сравниваемых языков; 2) неполные междуязычные аналогизмы – слова, в корневой морфеме которых большинство элементов звуко-буквенного состава аналогично.

При лексико-семантическом анализе ученый выделяет: 1) случайные междуязычные аналогизмы – слова, внешнее сходство которых является чисто случайным явлением; 2) этимологически связанные междуязычные аналогизмы – слова с общим этимологом. Последние подразделяются им в зависимости от степени различия смысловой структуры на *абсолютные* (пары слов, полностью различающиеся по значению), *частичные* (пары слов, характеризующиеся наличием как общих, так и различных элементов смысловой структуры) и *оттеночные* (пары слов с одинаковой или очень близкой логико-предметной отнесенностью, но с некоторым ограничением объема понятия) [цит. по: 3. С. 98-99].

Р. А. Будагов в своих работах выделил восемь типов несоответствий между параллельными лексемами в разных языках [1. С. 142–145]. Однако наиболее подробная классификация, по нашему мнению, предложена В. В. Дубичинским. Исследователь рассматривает уровни эквивалентности языковых единиц в сопоставляемых языках, описывая примеры полной, частичной и ложной эквивалентности. Под полной эквивалентностью В. В. Дубичинский понимает такую ситуацию, когда «лексемы сравниваемых или контактирующих языков при сходстве внешних форм семантически полностью совпадают» [2. С. 101]. Покажем особенности полной эквивалентности на примере терминов высшего образования и сопряженной лексики. Лексема *элементарный* в русском языке означает «относящийся к элементам; начальный, относящийся к основам чего-либо; простейший; упрощенный, поверхностный». Переводным эквивалентом данной лексемы в английском языке является лексема *elementary*: элементарный, простой, простейший, первичный, первоначальный, начальный. Стоит отметить, что данные лексемы, являющиеся переводными эквивалентами друг друга, в редких случаях могут переводиться другими способами. Так, начальная ступень школьного образования в Великобритании на-

зывается *elementary school*, что переводится на русский не *элементарная школа*, а *начальная школа*. Другим примером полной эквивалентности в русском и английском языках могут служить лексемы *метод* и *method*, обозначающие в обоих языках «способ, метод, систему».

В случае, если совпадают лишь некоторые значения внешне сходных лексем, речь идет о неполных лексических параллелях. Примером частичной эквивалентности являются слова *студент* и его эквивалент в английском языке *student*. В русском языке студентом называют обучающихся в высших учебных заведениях (реже – в техникумах), при этом *student* в английском – это не только студент вуза, но и учащийся старших классов средней школы, а также любой человек, изучающий что-либо.

Описывая неполные лексические параллели, В. В. Дубичинский выделяет интерлексмы (интернациональные ЛСВ лексем) и идиолексы (идиосемемы) (специфические ЛСВ, которые отражают национально-культурные особенности лексем), которые в свою очередь делятся на исконные и приобретенные [2, с. 102].

Опираясь на данную классификацию, рассмотрим примеры лексических параллелей в терминологии высшего профессионального образования. Для проведения исследования было отобрано несколько пар лексем из английского и русского языков: «академик – academic», «артикуль – article», «кабинет – cabinet», «каникулы – canicular», «класс – class», «курс/курсы – course», «кредит – credit», «диссертация – dissertation», «факультет – faculty», «проспект – prospect», «ректор – rector», «школяр – scholar», «стипендия – stipend», «тезис – thesis» и т.д. Проанализируем некоторые из них с целью выявления полных или ложных лексических параллелей.

Лексема *академик* имеет в русском языке следующие значения: 1. член высшего научного или художественного заведения; 2. тот, кто окончил курс академии (название некоторых высших учебных заведений) или ее слушатель.

В английском языке лексема *academic* является прилагательным и означает: 1. университетский, академический; 2. теоретический, оторванный от практики; 3. канонический, традиционный; 4. платонический, относящийся к учению Платона.

Таким образом, данные лексемы являются ложными лексическими параллелями. При полном внешнем сходстве, данные слова не только отличаются по значению, но и являются разными

ми частями речи. Возможность того, что сходные внешне лексемы могут являться разными частями речи, как нам кажется, не была описана в указанных ранее классификациях. Таким образом, мы предлагаем учитывать частеречную принадлежность при разграничении полных и ложных лексических параллелей.

В следующей паре «артиклъ – *article*» лексема артиклъ, означающая грамматическую категорию определенности/неопределенности из семи значений слова, указанных в одном из переводных словарей имеет одно полностью эквивалентное значение артикля, однако лексема *article* может также иметь следующие значения, которые иллюстрируют тот факт, что данные лексемы в подавляющем количестве случаев являются ложными лексическими параллелями: I. сущ.: 1. предмет, вещь; 2. статья (в печатном издании); 3. пункт, параграф, статья; 4. договор, соглашение; II. глаг.: 1. предъявлять пункты обвинения (кому-либо); 2. *ист.* поступить или принять на работу в качестве стажера. Отметим также, что данная лексема в значении грамматической категории является интерлексой.

В связи с ограниченным объемом статьи мы рассмотрели лишь некоторые примеры лексических параллелей из числа терминов высшего профессионального образования и сопряжен-

ной лексики. Среди описанных нами примеров представлены как полные, так и неполные лексические параллели, ложные и имеющие общие этимологические корни. Полагаем, что учет частеречной принадлежности рассматриваемых параллелей при и классификации сходных по внешнему облику лексических единиц, а также включение соответствующих помет в словари будет способствовать более глубокому их анализу и правильному использованию в речи.

Список литературы

1. Будагов, Р. А. Человек и его язык. М., 1974. 263 с.
2. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка : учеб. пособие. М., 2008. 432 с.
3. Дубичинский, В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1995. 311 с.
4. Дубичинский, В. В., Шайхиева Т. Н. Лексикографическое описание русско-испанских лексических параллелей [Электронный ресурс] / В. В. Дубичинский, Т. Н. Шайхиева. URL: <http://ojs.library.spbu.ru/index.php/SPL/article/download/18/18>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 80–82.

В. А. Генералов

АНАЛИЗ МЕЖКОМПОНЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ В СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКИХ КОМПОЗИТНЫХ ТЕРМИНОВ (когнитивно-семиотический аспект)

Рассматриваются различные типы межкомпонентных связей в структуре композитных терминов.

Ключевые слова: *внешняя структура; внутренняя структура; унитарные термины; композитные термины; термины-компактивы; многокомпонентность; модификаторы; премодификаторы; связи; стыки; генезис.*

В исследованиях, посвященных английским многокомпонентным терминам, как правило, не дается четкого определения многокомпонентности. При этом во многих работах не различаются определительные и модифицирующие компоненты несколькихсловных терминов

(последние могут быть представлены в составе термина как отдельной лексемой, так и целой цепочкой лексем).

Как указывает Т. А. Кудинова, «многокомпонентное терминологическое сочетание исследовалось во многих терминосистемах:

биологии [Осолихина 1985], ботаники [Рябко 1988], молекулярной физики [Дорош 1987], производства искусственного холода [Дроздова 1989], радиоспорта и коротковолновой связи [Кушнерук 1986], военной терминологии [Егоршина 1995], терминологии сети Интернет [Кудрявцева 2010] и т. д. Несмотря на большое количество исследований, <...> ни в одном из них мы не находим четкого определения многокомпонентного термина» [3. С. 62].

Под композитными в данной работе подразумеваются термины, в структуре которых представлен исходный элемент (ономасиологический базис) и минимально один определительный элемент. Несмотря на то что некоторые исследователи интерпретируют многокомпонентность как коллокацию «более чем двух компонентов», нам представляется более продуктивным придерживаться принципа «более одного компонента» (**the principle of more-than-oneness**). Для обозначения сочетания двух композитных терминов с двумя центрами номинации или сочетания свободного определения композита (см. примеры ниже) мы предлагаем название *компактивный*.

Интерпретация композитов представляет собой большие трудности, поскольку виды внутрисконструктурных связей в них чрезвычайно разнообразны – атрибутивная, комплетивная, субъектно-объектная, аппозитивная, агентивная, локативная и т. д. Композитам и компактивам (в нашей терминологии) противопоставляются унитарные термины, или унитармы.

В данной работе мы анализируем межкомпонентные связи и стыки во внутренней структуре композита как *релятивные знаки*. Нам это представляется важным, поскольку «семантический аспект раскрывает специфику семантики (означивания языковых единиц), т. е. когнитивных и языковых механизмов формирования языковых значений и смыслов на системном и функциональном уровнях соответственно. Различные способы и механизмы интерпретации знаний о мире с помощью языка раскрывают суть **интерпретационного аспекта** языкового оперирования знанием». [1. С. 6]

При декодировании композитных терминов английского языка большое значение приобретают аспекты сегментации определительных цепочек. Исследователь должен, по нашему мнению, переходить с поверхностного на глубокий уровень анализа. Мы считаем, что структура законченного, оформленного композитного термина на поверхностном уровне

представляет собой коллокацию элементов, которые только условно можно назвать словами, хотя они и обладают своей семантикой: сложно-оформленный термин является единицей лексики, а не синтаксиса. При этом мы исходим здесь из той пресуппозиции, что связи между этими элементами являются однородными и чисто структурными. Можно лишь с оговоркой приписывать отдельные элементы к определенным частям речи и трактовать связи между элементами. При переходе на глубокий анализ определительного набора композитного термина исследователь, по нашему мнению, анализирует *семантически значимые* модификаторы, которые различным образом ассоциируются между собой и с ономасиологическим базисом. В этом случае структура термина исследуется в генезисе, и межкомпонентные связи приобретают релятивное значение и различный статус. Мы также исходим из того, что сами стыки между компонентами демонстрируют релятивные знаковые значения.

Нами выделяются девять типов связей в составе композитных терминов и компактивов:

1. Ассоциативная связь между модификатором и базисом в композите (ассоциация: **modifier-to-basis association link**): *rotary plough*.

2. Субъектно-объектная связь между модификатором и базисом в композите (когезия: **modifier-to-basis cohesion link**): *school teacher* (трансформа: → a teacher WORKING AT a school (здесь налицо цепочка S-V-O, в которой предикат представлен в импликации)).

3. Ассоциативная связь между модификаторами в композите (ассоциация: **modifier-to-modifier association link**): *universal mobile typewriter*.

4. Субъектно-объектная связь между модификаторами в композите (когезия: **modifier-to-modifier cohesion link**): *land property tax bureau* (модификаторы 'land', 'property' и 'tax' образуют цепочки S-V-O между собой: → a bureau CHARGING taxes IMPOSED ON property RELATING TO land, причем предикаты представлены в импликации).

5. Определительная связь в составе модификатора в композите (премодификация модификатора: **premodification link**): *outside storage bin* (cf.: *storage bin*).

6. Сочинительная связь в составе модификатора в композите (агрегатирование: **attachment link**): *jolt roll-over pattern-draw molding machine*; *water-cooled, four-stroke, four-cylin-*

der, direct-injection turbocharged engine (определяющие компоненты **'jolt', 'roll-over', 'pattern-draw'** представляют собой три фазы единой технологической операции, выполняемой формовочной машиной); определяющие компоненты **'water-cooled', 'four-stroke', 'four-cylinder', 'direct injection'** представляют собой характеристику данного типа двигателя внутреннего сгорания в составе единого модифицирующего комплекса).

7. Предложная связь в составе модификатора в композите (предложная связь: **preposition-based link**): *Port of London authorities; Bank of England officials*.

8. Связь между свободным определителем и композитом в составе компактива (ассоциация: **free component-to-composite link**): *new plough speed adjustment screw; modernised deep soil tillage tool* (определители **'new'** и **'modernised'** не входят в состав композитов *'plough speed adjustment screw'* и *'deep soil tillage tool'*, но образуют с ними компактивы).

9. Связь базиса с премодификатором в компактиве с двумя центрами номинации (премодификация базиса: **premodifier-to-basis link**): *Scottish Milk Board Milk Bulletin; valve spool dirt-excluding rubber washer steel spacer* (**'Board'** и **'Bulletin'** представляют собой два центра номинации, что демонстрируется с помощью трансформы: → *'a Bulletin ISSUED BY Scottish Milk Board'* и *'a Bulletin RELATING TO milk products'*. Здесь прослеживаются два плана номинации, а также активный и пассивный аспекты).

Определение типа и места межкомпонентного стыка может иметь принципиальное значение при переводе английских терминов, на-

пример, термин радиолокации **rotating loop antenna** переводится как «вращающаяся рамочная антенна» (**rotating | loop antenna**). Однако английский термин означает «антенна с вращающейся рамкой» (**rotating loop | antenna**), поскольку для англоязычного реципиента рамка – это только *часть* антенны, без *несущей опоры*. Это связано с различиями в картинах мира разноязычных реципиентов. Как отмечает Е. И. Голованова, «языковая картина мира «картирует» прежде всего отдельные единицы номинации как точки номинативного пространства» [2. С. 19].

Таким образом, в процессе интерпретации внутренней структуры композитных терминов необходимо учитывать различные типы межкомпонентных и внутрикомпонентных связей (**links**) и стыков (**junctions**). При анализе композитов, как показало проведенное нами исследование, конструктивным является применение дихотомий «внешняя структура – внутренняя структура», «композитный термин – унитарный термин», а также принципа «more-than-oneness».

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопр. когнитив. лингвистики. 2013. № 1. С. 5–13.
2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
3. Кудинова, Т. А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подязыка биотехнологий) // Вестн. Перм. ун-та. 2011. Вып. 2 (14). С. 58–62.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 82–85.

Л. Н. Давлеткулова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ТОПОНИМОВ (на примере урбанонимов Оксфорда)

Статья посвящена рассмотрению топонимов с лингвокультурологической точки зрения. В центре внимания автора – урбанонимы Оксфорда, которые анализируются на основе семантического, структурного и географического принципов. Утверждается, что наименования внутригородских объектов тесно связаны с историческим прошлым и сохраняют ценности культурного наследия.

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, лингвокультурология, Оксфордшир.*

Урбанонимы представляют собой наименования искусственно созданных внутригородских объектов и сочетают в себе все топонимические типы. Названия водных ресурсов, наименования разнообразных типов рельефа, населенных пунктов и многие другие составляют основу городской топонимии. Данный класс названий является наиболее семантически мотивированным, что определяет его уникальность в отражении лингвокультурологической информации.

В отличие от других разновидностей топонимов, урбанонимы характеризуются более частой сменяемостью, их система подвижна и относительно быстро реагирует на политические, социальные изменения, отражая тенденции исторического развития. Кроме того, названиям искусственно возведенных объектов, как правило, присуща полиязычность.

В данной статье отражены результаты анализа около 450 номинаций городских объектов Оксфорда по семантическому, структурному и географическому принципам. Изучение лингвокультурных особенностей урбанонимов этого города обусловлено его статусом культурного центра Англии. Здесь, в столице графства Оксфордшир, находится один из старейших университетов в Европе – Оксфордский университет.

Наименование города впервые было упомянуто в «Англосаксонских хрониках» в 912 году. Первоначально Оксфорд имел значение форта. В X веке главный город графства назывался *Oxnaforda*, а в 1086 году был видоизменен в *Oxeneford* [1. С. 107]. Выбор в качестве наименования сочетания «бычий брод» объясняется длительной традицией перехода животных через эту местность. Постепенно город рос и становился крупным промышленным и культурным центром.

Географически Оксфорд делится на север, соединяющий город с другими населенными пунктами Оксфордшира, юг, характеризующийся как промышленный район, восток, выступающий меккой научных исследований, и запад, который вместе с центром составляет торговую, академическую и культурную часть города. Все это отражено в топонимике.

Сердцем Оксфорда является Сити центр (*City Centre*), где располагаются колледжи Оксфордского университета, магазины, рестораны и многие культурные достопримечательности. Например, историческая башня Карфакс (*Carfax Tower*), которая получила

свое название от старинного скрещения дорог *Carfax* (от фр. *Quatre Voies* – четыре дороги). Здесь пересекаются четыре главные «артерии» города: *Cornmarket*, *High Street*, *Queen Street* и *St.Aldate's*.

К универсальным номинациям городских объектов относятся описательные названия, которые указывают на местоположение объекта, его размер или значимость. К их числу принадлежит наименование *High Street* «главная улица», являющееся самым распространенным в Англии наряду с *Queen Street* «королевская, важная улица» города и *Broad Street* «широкая улица». Характерное для Англии название *New Road* «новая дорога» указывает на расширение территории города, его выход за известные пределы. К данной группе наименований можно отнести также названия пешеходных тропинок *Broad Walk* «широкая аллея» и *The New Walk* «новая аллея». Подобные номинации являются географическими указателями, подчеркивающими границы исторического центра Оксфорда.

Характер средневековых ремесел и промыслов определил появление целого ряда названий в историческом Сити центре, например: *Cornmarket Street* – главный торговый ряд и пешеходная улица Оксфорда; *Slaughter Lane* «аллея, ведущая к бойне» (в XVIII веке была переименована в *Brewer Street* – от названия располагавшегося на этой улице пивоваренного цеха); *Butcher Row* «улица, где проживали мясники»; *Beef Lane* «переулок, где можно приобрести говядину»; *Fisher Row* «улица, на которой живут рыбаки»; *Market Street* «улица, ведущая к рыночной площади»; *Drapery Lane* «переулок, ведущий к магазинам тканей»; *Shoe Lane* «улочка, ведущая к обувной лавке».

В Англии сообщение между населенными пунктами играло значительную роль в торговле и общественной жизни горожан, что нашло отражение в урбанонимах. Две главные и несколько второстепенных улиц в северной части Оксфорда получили свои наименования по названиям населенных пунктов, расположенных в графстве и за его пределами. Наиболее известная из них – *Banbury Road* (букв. «дорога, ведущая в Банбери»), Банбери был и остается важным центром торговли в графстве. *Charlbury Road* «дорога ведущая в Чарлбери», где Чарлбери – англо-саксонское поселение, которое является административным районом долины Эвенлоуд в Оксфордшире. К данной группе наименований относятся

также *Bardwell Road, Chadlington Road, Kingston Road, Northmoor Road, Warnborough Road, Woodstock Road*. Таким образом, дороги четко отделяют пригороды от города и характеризуют соседние с Оксфордом территории.

Современный Оксфорд немалозначим без университета. Однако история его основания не совпадает с историей города. Со дня возникновения Оксфордский университет находился в центре религиозных и политических конфликтов.

В состав Оксфордского университета входит 38 колледжей, разбросанных по всему городу, но связанных общей историей, традициями, что определило появление локального компонента *college* «колледж» в урбанонимии города. Большинство учебных заведений (19 колледжей) сгруппировано в Сити центре. Об этом можно судить по таким топонимам, как *New College Lane* – улица, названная в честь одного из старейших колледжей в Оксфорде с ироничным наименованием Новый колледж Святой Марии (*New College of St. Mary*). Урбаноним *Mansfield Road* связан с *Mansfield College*; *Oriel Square* и *Oriel Street* происходят от колледжа с французским наименованием *La Oriole*; *Pembroke Square, Pembroke Street* восходят к названию *Pembroke College*; *Queen's Lane* ведет к *Queen's College*.

Как известно, христианство и англиканство являются основными религиями Англии, наложившими отпечаток на быт, нравы и культуру англосаксонского общества, что своеобразно отразилось в топонимике страны. Церкви и монастыри, бывшие центрами образования и культуры в средние века, дали свои названия, а также имена некоторых святых многим оксфордским улицам: *St. Aldate's Street, St. Ebbe's Street, St. Giles Street, St. Michael's Street, Magdalen Street, Friar's Entry*. К примеру, улица *Gloucester Green* происходит от бенедиктинского монастыря – Аббатства Глостер. Сегодня практически у каждого колледжа есть своя часовня. Судя по всему, церковь по-прежнему играет важную роль в городской жизни, благодаря чему сохранилась не только величественная архитектура монастырей Оксфорда, но и их номинации. Таким образом, данная группа наименований является характерной для всех районов города, хотя большая их часть сосредоточена в центре.

Наряду с церквями и монастырями, многочисленные оксфордские пабы традиционно являются значимыми социокультурными элементами. Практически у каждого колледжа

есть свой паб – центр повседневного общения. Названия наиболее известных из них отражены в урбанонимах: *Bear Lane* – от названия *Bear Inn*; *Hollybush Row* происходит от одноименного наименования трактира; *Blue Boar Street* связан с названием ранее существовавшего паба *Blue Boar*; переулок *Magpie Lane* получил наименование вслед за пивной.

Оксфорд является не только университетским городом, но и индустриальным центром графства. Массовое строительство заводов, начавшееся в XIX в., привлекло сюда множество рабочих, которые селились со своими семьями в южном квартале Коули (*Cowley*), где находится машиностроительная компания *Morris Motors Cars*. В связи с масштабным развитием промышленности университет начал скупать свободные участки, чтобы не допустить дальнейшей индустриализации Оксфорда. В урбанонимии Коули часто встречается существительное *road*. Номинации этого района в большинстве своем содержат информацию о положении объекта, его размере и назначении: *Between Towns Road* «дорога между городами», *Crescent Road* «дугообразная дорога», *Hollow Way* «дорога, пролегающая по низине», *Horsepath Road* «дорога, по которой проходят лошади», *Pony Road* «дорога, по которой проходят пони», *Transport Way* «дорога для транспорта», *White Road* «дорога, проходящая по меловой земле». Поскольку Коули – один из старинных районов Оксфорда, в нем находится улица *Roman Road*, ранее являвшаяся частью одной из пяти римских дорог, связывающей два бывших форта Дорчестер и Алчестер.

На северной окраине Оксфорда выделяется район Парк Таун (*Park Town*), где расположены университетские сады и парки *Oxford University Parks*. В местных урбанонимах широко представлены названия «парк», «сад», «пустошь»: *Parks Road* «аллея, ведущая в парк»; *Park Town Street* «дорога, ведущая к городскому парку»; *South Parks Road* «южная дорога, ведущая к парку»; *Norham Gardens* «аллея, ведущая к садам Норам»; *Fyfield Road* «дорога, пролегающая у пятиполюя»; *Northmoor Road* «дорога, проходящая по торфянистой местности на север».

Северо-западный район Иерихон (*Jericho*) у Оксфордского канала (*Oxford Canal*) является одним из самых фешенебельных в городе. Наименования географических объектов включают: пролегающую вдоль канала улицу *Canal Street*; уходящую в гору *Mount Street*; ведущую мимо посадок дорогу *Plantation Road*; дорогу,

проходящую по торфянистой местности на юг *Southmoor Road*. К этой группе также относятся наименования: *Forest Road* «аллея, ведущая в лес»; *Hill Top Road* «путь, пролегающий по холму»; *Meadow Lane* «дорожка, проходящая через луг»; *the Slade* (букв. «прогалина») – дорога, где ранее проходила низкая, болотистая полоса земли.

Антропонимы выступают важной составляющей оксфордской урбанонимии. Данный класс номинаций представлен в названиях по всей территории города. В топонимах отражены имена: 1) военных – *Nelson Street*; 2) политиков – *Churchill Drive*, *Marlborough Road*; 3) членов королевской семьи – *Albert Street*, *George Street*, *Victoria Road*, *William Street*; 4) выдающихся деятелей искусства – *Percy Street* (названа в честь Перси Биши Шелли); *Great Clarendon Street* и *Little Clarendon Street* (имеют не прямое отношение к лорду Кларендону, историку, в честь которого получило свое название издательство Кларендон Пресс и впоследствии эти два урбанонима); 5) в отдельных случаях имена простых оксфордцев – *Jowett Walk*.

В западном районе Хэдингтон (Headington), расположенном на холме **Headington Hill**, сосредоточены медицинские (John Radcliffe and Churchill hospitals; Nuffield Orthopaedic Centre), научные и исследовательские центры (Oxford Brookes University, the Ruskin House campus of Ruskin College), окруженные рощами, лесами и заповедниками. В связи с этим встречается много названий, отражающих флору и фауну Оксфорда (названия лесов, деревьев, растений): *Ash Grove* «ясенник»; *Elms Drive* «дорога, проходящая через вязовый лес»; *Lime Walk* «тропа, ведущая по липовой роще»; *Oak Ave* «дубовая аллея»; *Rose Lane* «тропинка идущая через розарий»; *Squitchey Lane* «узкая дорожка,

вдоль которой растет мятлик»; *Tree Lane* «тропинка, ведущая через лес», *Pheasant Walk* «аллея, на которой можно увидеть фазанов», *Woodlands Road* «дорогая проходящая по лесистой местности».

В структурном отношении урбанонимы представлены одно-, двух- и, реже, трехкомпонентными наименованиями. Среди двусловных названий можно выделить простые (*Orchard Way*), производные (*Oakley Road*) и сложные обозначения (*Netherwoods Road*).

Проанализированный материал позволяет судить о том, что топонимическая лексика Оксфорда (более 50% наименований) преимущественно репрезентирует пространственное восприятие города. Дороги отделяют границы Оксфорда от границ пригородов. Особое место в номинации внутригородских объектов занимают имена собственные (30%). Ведущую роль в урбанонимии Оксфорда играет универсальный для всех районов принцип именования объектов по отношению к церквям и монастырям (8%).

В целом система внутригородской номинации носит традиционный характер. Оксфордские урбанонимы тесно связаны с историческим прошлым страны, отражают культурное наследие и сохраняют в себе важнейшие ценности. Именно поэтому в историческом центре города названия остаются неизменными на протяжении веков.

Список литературы

1. Smith, A. P. Oxfordshire Place-Names. Chalford ; Stroud, Gloucestershire, 2009. 160 p.
2. Whittaker, D. Oxfordshire Place-Names: a concise dictionary. Eynsham, Oxon, 2006. 64 p.
3. Yurdan, M. The Street Names of Oxford. Stroud, Gloucestershire, 2009. 128 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 85–87.

О. А. Доржеева

ТЕЗАУРУСНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА

На примере строительной терминологии рассматривается метод тезаурусного моделирования как средство познания и систематизации языка.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, терминология, тезаурусный подход, тезаурусная модель.

Терминология, как один из пластов лексики, составляет ядро профессиональной коммуникации. В осмыслении термина как специфического языкового знака мы исходим из того, что «термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации» [1. С. 58]. Как отмечает Е. И. Голованова, «и по семиозису, и по функционированию термины связаны с профессиональным характером деятельности» [2. С. 24].

Обзор современных терминологических исследований показал, что особый интерес вызывают активно развивающиеся терминологии, которые постоянно поставляют обширный материал для терминологического исследования и поэтому нуждаются в упорядочении и стандартизации [3]. Нам представляется, что терминология строительной индустрии выступает именно такой динамично развивающейся совокупностью единиц.

Одним из средств познания и систематизации специального языка какой-либо предметной области является *тезаурусный подход*, а точнее – *метод тезаурусного моделирования терминологии*.

Системный и ориентирующий характер тезауруса [4] лег в основу его применения при описании различных лексических пластов. Такие свойства терминологических единиц, как системность, устойчивость и регулярность связей, отсутствие экспрессии, точность, установка на объективность описания, делают возможным тезаурусное моделирование терминосистемы.

Термин, являясь двусторонней знаковой единицей, неразрывно связан с мышлением, которое отражает динамический процесс познания человеком действительности и формирует знание человека. В плане выражения термин имеет звуковую оболочку, в плане содержания – обозначает понятие. Для того чтобы объединить эти две стороны знака и благодаря этому прояснить действительность, репрезентированную в языке, нам необходимо выявить структуру терминологии через ее идеографическое описание.

Идеографическое описание позволяет продемонстрировать логические связи между понятиями и терминами исследуемой предметной области. По мнению многих лингвистов, основным типом понятийных связей терминов

является иерархический (например, род – вид, часть – целое и др.). Родовидовые отношения могут охватывать значительные группы терминов. При этом каждая такая система состоит из нескольких микросистем – минимальных совокупностей терминов, объединенных родовым термином.

Классификация терминов, основанная на отношениях «род – вид», позволяет, на наш взгляд, объективно выделить базовые понятия в каждой предметной области, сгруппировать вокруг них подчиненные понятия и создать общую классификационную схему понятий.

Семантическое пространство строительных терминов представляет собой достаточно сложную иерархическую структуру, элементы которой (семантические области, поля) связаны гиперо-гипонимическими, синонимическими и антонимическими отношениями.

Тезаурусную модель русскоязычной строительной лексики можно представить в виде схемы с вершиной «Строительство» (отрасль материально-технического производства), распадающейся на шесть основных тематических групп (терминополей): «Виды строительства», «Этапы строительства», «Объекты строительства», «Субъекты строительства», «Строительные материалы», «Строительные специальности и профессии».

Терминополе «Виды строительства» включает в себя шесть элементов: «Гражданское строительство», «Промышленное строительство», «Военное строительство», «Транспортное строительство», «Гидротехническое строительство» и «Гидромелиоративное строительство». Соответствующие термины являются гипонимами по отношению к гиперониму «Строительство».

Терминополе «Этапы строительства» содержит три тематические подгруппы: «Проектирование», «Строительство (строительно-монтажные работы)» и «Эксплуатация зданий и сооружений». Каждая из перечисленных групп терминов имеет свои собственные гиперо-гипонимические отношения или отношения «часть – целое». Так, меронимом термина *проектирование* является термин *проект здания*. В свою очередь, этот термин будет выступать голонимом для обозначений *чертеж*, *расчетно-пояснительная записка*, *смета*.

Наиболее многоплановым является термин *строительство*, называющий процесс возведения зданий и сооружений, который включает в себя комплекс собственно строительных,

монтажных, транспортных, вспомогательных и других работ. Данный процесс может быть представлен терминами: *монтаж* (ант. *демонтаж*), *опалубка* (ант. *распалубка*), *армирование*, *бетонирование*, *изоляционные работы*, *отделочные работы*.

Терминопле «Объекты строительства» включает, по нашему мнению, два элемента: «Здания» и «Инженерные сооружения», в то время как термин *здания* может выступать гиперонимом для терминов *здания массового строительства*, *уникальные здания*. В отношении «часть – целое» в качестве основных меронимов термина *здание* (исходя из составляющих его частей, имеющих определенное назначение) вступают такие наименования, как *фундамент*, *стены*, *опоры*, *перекрытия*, *крыши* или *покрытия*, *лестницы*, *перегородки*, *окна* и *двери*. Каждый из перечисленных терминов имеет свои гиперо-гипонимические отношения.

Среди основных элементов терминопле «Субъекты строительства» мы выделяем понятия *инвесторы*, *застройщики*, *заказчики*, *подрядчики*.

Термин «Строительные материалы» характеризуется развитой гиперо-гипонимической связью. Исходя из классификации строительных материалов по их назначению, в родовидовые отношения в качестве основных гипонимов термина *строительные материалы* изначально входят такие терминосочетания, как *вяжущие строительные материалы*, *стеновые материалы*, *отделочные*, *теплоизоляционные*, *гидроизоляционные* и *кровельные материалы*.

Названные термины характеризуются своими гиперо-гипонимическими отношениями. Так, гипонимами термина *вяжущие строительные материалы* являются *воздушные вяжущие материалы* и *гидравлические вяжущие материалы*, которые, в свою очередь, являются гиперонимами для терминов *гипс*, *воздушная известь*, *гидравлическая известь*, *портландцемент* и др.

Входной вокабулой терминопле «Строительные специальности и профессии» будет термин *строитель*. Многообразие гипонимов данного термина нам представляется целесообразным классифицировать согласно этапам строительства. Так, на этапе проектирования гипонимами термина *строитель* будут термины *проектировщик*, *инженер-проектировщик*, *архитектор*, *чертежник*, *сметчик*.

На этапе строительного-монтажных работ

можно выделить следующие термины: *бетонщик*, *монтажник*, *арматурщик*, *столяр строительный*, *плотник*, *отделочник*, *облицовщик*, *стекольщик*, *маляр*, *штукатур*, *жестяник*, *кровельщик*, *укладчик*, *плиточник*, *лакировщик*, *оформитель*, которые в свою очередь являются гиперонимами для терминов, обозначающих узкие специальности: *монтажник-высотник*, *монтажник железобетонных конструкций*, *монтажник металлоконструкций*, *монтажник гипсокартонных плит*, *монтажник сэндвич-панелей*, *окон*, *потолков*, *монтажник вентиляционного оборудования*, *монтажник систем отопления*; *плотник-бетонщик*, *столяр-плотник*, *сварщик арматурных сеток и каркасов*, *формовщик железобетонных изделий* и *конструкций*, *штукатур-маляр*.

Таким образом, исследуемая терминология имеет сложную иерархическую структуру, отражающую систему строительных понятий и отношений между ними. Ключевые понятия строительства представлены совокупностями основополагающих терминов, объединенных между собой отношениями синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии, часть – целое. Завершающим этапом подобного структурирования выступает тезаурусная модель русскоязычной терминологии строительства с вершиной «Строительство» и конечными элементами – терминами-вербализаторами научной (строительной) картины мира. Отметим также, что детальное исследование отдельных строительных терминопле подтвердило правильность выбора тезаурусного метода при описании терминологии.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
2. Голованова, Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 33. С. 18–25.
3. Гуреева, А. М. Вариативные модели терминологии международного бакалавриата (на материале английского и русского языков) : автореф. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 19 с.
4. Луков, В.А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках [Электронный ресурс] / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Lukovs/11.pdf.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИОННОМ АСПЕКТЕ ЯЗЫКА

Наименования лиц по профессии рассматриваются в статье через анализ интерпретационного аспекта языка. Опираясь на типы интерпретации, предложенные в работах ведущих лингвистов-когнитологов, автор устанавливает специфику отбора, классификации и оценки профессиональных обозначений.

Ключевые слова: *наименования лиц по профессии, коммуникативная функция языка, когнитивная функция языка, интерпретирующая функция языка, концептуализация, репрезентация.*

По мнению Н. Н. Болдырева, каждое языковое явление следует рассматривать и анализировать с позиций реализации языком его основных функций, т. е. учитывать, как язык передает знания о мире, как эти знания обеспечивают процессы общения и взаимопонимания людей [1. С. 5].

К основным функциям языка относятся коммуникативная, когнитивная, номинативная, аккумулятивная. Остановимся более подробно на первых двух. Коммуникативная функция языка связана прежде всего с тем, что язык является средством передачи информации. Он позволяет одному индивиду (говорящему) выражать свои мысли, а другому (воспринимающему) понимать и воспринимать их, проявлять какое-либо отношение относительно услышанного и реагировать на него своим поведением. Осуществление коммуникативной функции обеспечивается, в свою очередь, семиотической природой языка.

Коммуникативная функция тесно связана с познавательной (когнитивной) функцией языка, поскольку информация и опыт, который закреплен каждым языковым знаком, является отражением сознания индивида, результатом мыслительных операций. Язык и мышление неразрывно связаны друг с другом. Любые образы нашего сознания репрезентируются в виде закрепленных в языке знаков.

Н. Н. Болдырев выделяет три главных аспекта языка: репрезентативный, который связан с языковыми формами представления знаний в процессах концептуализации и категоризации мира; семиотический, который обуславливает специфику когнитивных и языковых механизмов формирования языковых значений и смыслов на системном и функциональном уровнях, и интерпретационный аспект, который раскрывает различные способы и механизмы ин-

терпретации мира и вторичной интерпретации знаний о мире с помощью языка [1. С. 6].

Репрезентативный и семиотический аспекты языка соотносятся с коммуникативной и когнитивной функциями (соответственно).

На современном этапе развития языкознания ученые обращают внимание на способность языка выполнять ориентирующую и «миросозидающую» функцию [4]. Ориентирующая функция является постоянным фактором лингвокреативного процесса, то есть выступает неким стимулом, мотивацией для создания новых единиц. Другими словами, номинативная функция, отвечающая за словопроизводство, «называние» предметов и явлений, носит ориентирующий характер, который в свою очередь является сложным и многоступенчатым механизмом. Процесс номинации осуществляется благодаря когнитивному и коммуникативному взаимодействию.

Ориентирующую функцию и ряд других дополнительных функций языка Н. Н. Болдырев относит к языковой интерпретации и реинтерпретации мира и знаний о мире, выделяя при этом в качестве важнейшей функции языка (наряду с когнитивной и коммуникативной) интерпретирующую [1. С. 6]. Именно эта функция раскрывает специфику выделенного Н. Н. Болдыревым интерпретационного аспекта языка.

Интерпретирующая функция языка позволяет каждому индивиду глубже раскрывать сущность объектов и явлений, добавляя субъективное понимание объекту интерпретации. Интерпретирующая база представляет собой опытное знание – знание, вытекающее из нашего чувственного, телесного опыта взаимодействия с окружающей средой [2. С. 7].

Процесс интерпретации основан на **выборе признака, выступающего в качестве ин-**

терперирующего знания. Выбор признака определяется его онтологией или форматом, который характеризуется антропоцентрической релевантностью (выделено нами. – А. Е.) [2. С. 6–7]. В качестве примера можно привести формат функции (утилитарное и прагматическое назначение природных объектов: природные вещества и материалы, объекты растительного мира; функции частей (органов) тела человека и животных; функции артефактов), формат перцепции (форма, размер, цвет, консистенция, пространственная ориентация, формат экспериенциальных эффектов, основанный на знании человека о внешнем воздействии на него окружающей среды) [Там же]. В интерпретации человека по роду профессиональной деятельности весьма значимым выступает социальный признак.

На примере термина *ресепшионист* (Middle English *receptio*; from Anglo-French or Latin *reception*) (от лат. *receptio* — принятие, прием) представляется возможным проследить закономерности выделения релевантного признака в процессе интерпретации. В сущности, в данном случае происходит метафорический перенос перцептивных функций на содержание понятия, вербализованного языковой единицей. Такие признаки, как РЕАКЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, СОЗЕРЦАНИЕ, УЯСНЕНИЕ, ВОСПРИЯТИЕ, ОТВЕТ, ВОЗДЕЙСТВИЕ, а также РЕЦЕПЦИЯ и ПЕРЦЕПЦИЯ, выступают составляющими этого понятия.

Для наименований, которые составляют терминологическое поле профессиональной деятельности, интерпретирующая функция, включающая в себя оценку, отрицание, приближение к ориентиру, экспрессивность, эвиденциальность, тональность и т. п. является особенно важной. Значимым является и то, как оцениваются специалиста, в каких формах репрезентируется знание о нем в процессе концептуализации.

Связь интерпретации с репрезентацией и коммуникацией обеспечивается тем, что языковая интерпретация может проявляться в трех основных типах, которые реализуют соответственно три ее главных целевых функции: селекции, классификации и оценки [1. С. 11].

Селективная функция способствует концептуализации окружающего мира и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов. Этот тип языковой интерпретации, по мнению Н. Н. Болдырева, представляет собой часть познания мира, которое приводит к образованию новых концептуальных систем

[Там же]. Структура и содержание способов репрезентации мира профессий зависят от базовых ориентиров концептуальной системы, от меняющейся среды обитания людей и уровня их жизни. Так, на смену прежде актуальным терминам, обозначающим лиц по профессии (*дежурный, вахтер, швейцар* и др.), приходят более соответствующие новым реалиям постиндустриальной эпохи – *ресепшионист, консьерж, портье*; вместо наименований *уборщица, техничка, домработница* используются *специалист по клинингу, клинер, хаускипер*; обозначение *массовик затейник* заменяется названием *аниматор* и т. п.

Концептуальная система, вербализованная термином *ресепшионист*, отличается по своему объему и содержанию от концептуальной системы *вахтера, дежурного*, и включает такие ключевые понятия, как ПРИЕМ, ВСТРЕЧА, ПОЛУЧЕНИЕ, РЕГИСТРАЦИЯ. Каждое из них включает в себя информацию о цепочке некоторых операций, ряде последовательных действий.

Название *ресепшионист* в соответствии с определенными оценочными шкалами характеризует специалиста более высокой квалификации, связанного с системой информационного обеспечения. В отличие от других работников, относящихся к категории технических исполнителей (*вахтер, швейцар, дежурный, приемщик* и др.), *ресепшионист* знаком с современными средствами передачи и хранения информации, знает структуру управления учреждения, владеет основами делового этикета, стандартами делопроизводства, одним или несколькими иностранными языками и т. д.

Подобная интеллектуализация наименования субъекта профессиональной деятельности (термин Е. И. Головановой) возводит его в ранг социально значимых, востребованных профессий, повышает статус и оценку социумом соответствующей категории лиц. В дальнейшем наименования с положительной социальной оценкой оказывают влияние на самопрезентацию и самоидентификацию индивидов.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2013. № 1 (034). С. 5–13.
2. Болдырев, Н. Н., Панасенко, Л. А. Когнитивная основа лексических категорий и их ин-

терпретирующий потенциал / Н. Н. Болдырев, Л. А. Панасенко // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2013. № 2 (035). С. 5–12.

3. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М., 2008. 304 с.

4. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // *Когнитивные исследования языка*. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллект. моногр. М. ; Тамбов, 2009. С. 11–24.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).
Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 90–92.

И. Н. Ивашкевич

СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ КАК СХЕМАТИЗАЦИЯ ОПЫТА В ЯЗЫКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Статья посвящена изучению проблемы эффективного преподавания языка специальности в сфере международного права. Особый акцент в работе сделан на исследовании различных структур представления знаний, в частности, фрейма как одной из когнитивных структур схематизации опыта.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, язык специальности, репрезентация знания, схематизация опыта, фрейм.

В современных условиях качество подготовки специалиста определяется целым рядом факторов, среди которых важнейшими являются готовность к эффективной профессиональной деятельности, свободное владение профессиональными навыками, умение использовать полученные знания при решении практических задач, то есть речь идет о формировании профессиональной коммуникативной компетенции будущих специалистов. Данная задача выдвигает на первый план изучение возможностей эффективного применения новых принципов, подходов и использования инновационных методических приемов в обучении языку специальности. Решение проблемы видится в активном применении результатов **когнитивных исследований**, которые обладают широким аппликативным потенциалом в обучении иностранным языкам вообще и языку специальности в частности, что влечет за собой дальнейшее совершенствование образовательной парадигмы.

Отличительной чертой когнитивной науки на современном этапе ее развития является стремление создать единую исследовательскую программу, направленную на изучение сознания и интеллекта человека, и установление структур знания, которыми оперирует че-

ловек в своей профессиональной и повседневной деятельности. В интерпретации Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика по определению участвует в познании человеческого разума и интеллекта, не мыслимых без языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Уже это значит, что без когнитивизма (в разных его версиях и проявлениях) и без когнитивной лингвистики, составляющей вместе с когнитивной психологией и когнитивной социологией ядро когнитивной науки, сегодня не может быть ответа на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, каким он его видит и осмысляет и какие сведения становятся **знаниями** и формируют **основы разнообразных наук** [5. С. 34]. Именно поэтому использование основных результатов когнитивной лингвистики в процессе обучения языку специальности представляется оправданным в силу самой цели когнитивной науки – определить, как осуществляются когнитивные процессы восприятия и категоризации мира и как происходит вербализация полученных знаний в языке.

В фокусе повышенного внимания когнитивной лингвистики находится проблема категоризации, типологии и различных способов

репрезентации знаний на концептуальном и языковом уровнях. С точки зрения Н. Н. Болдырева, главное отличие современного этапа в разработке данной проблематики заключается в том, что на смену собственно лингвистическому моделированию <...> приходят методы когнитивного моделирования лексикона в виде фреймов и других концептуальных структур, концептуальных таксономий и категорий: фреймовый, прототипический, концептуально-таксономический, когнитивно-матричный анализ и т. д. [1. С. 97].

Данные методы и приемы новой парадигмы научного знания, которые позволяют описать современное видение терминосистемы конкретной области знания и деятельности человека, активно используются в когнитивном терминоведении. Ведущий специалист в данной области В. М. Лейчик, анализируя когнитивное терминоведение как ведущую научную дисциплину рубежа XX–XXI вв., постулирует, что необходимо дополнить известные определения термина (лингвистические, логические, информационные и собственно терминоведческие) положением о том, что **термин – это квант когниции**, что это единица специального знания, функционирующая в рамках определенного фрагмента научной картины мира. При этом, связывая сразу сущность (природу) термина с выполняемыми им функциями, ученый подчеркивает, что главной функцией термина, вопреки распространенному мнению, является не номинативная и не информационная, а **когнитивная**, то есть функция познания, и лишь потом функция фиксации знаний [4. С. 124].

Язык международного права мы рассматриваем как особое когнитивно-коммуникативное пространство (термин Е. И. Головановой), в основе организации которого лежит комплекс значимых концептов, категорий и субкатегорий. Поскольку юридические термины (которые составляют ядро системы данной терминологической отрасли) являются главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве языка права, то они должны быть представлены как определенные когнитивные структуры, то есть конкретные структуры **специального знания**.

Наиболее значимыми представляются следующие когнитивные характеристики термина как специфического языкового знака: 1) термин является вербализованным результатом профессионального мышления; 2) термин – это значимое лингвокогнитивное средство ориен-

тации в профессиональной сфере и важнейший элемент профессиональной коммуникации; 3) в термине реализуются механизмы познания той или иной области знаний или деятельности, в нем репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалистов [2. С. 25].

Профессиональная компетенция будущих юристов-международников предполагает владение обширными знаниями в области зарубежного и международного права для успешного выполнения их профессиональной деятельности. При этом формирование профессиональной коммуникативной компетенции на материале языка специальности будет эффективным, если преподаватель умеет четко дозировать и структурировать предъявляемый материал. Следует подчеркнуть, что в преподавании языка специальности существуют определенные приемы и методы, которые позволяют предъявлять терминологические системы определенной области знания наиболее успешно. Это, в первую очередь, такие ментальные репрезентации, как образные схемы, пропозиции, сети, когнитивные/ментальные модели, кинематические модели, фреймы, пространственные модели, сценарии, матрицы, скрипты, ментальные пространства и т. д., которые, по мнению специалистов, способны по-разному отражать познаваемую ситуацию, и представляют собой некое обусловленное культурным опытом обобщение, схематизацию ситуаций, дающую ключ к их пониманию и осознанию ролей их участников.

В обучении языку специальности эффективным является использование ФРЕЙМА как структуры, имеющей ядро, относительно которого на равном расстоянии расположены слоты фрейма, репрезентирующие те концепты определенной концептосферы знания, совокупность которых и создает образ концепта, представленного ядром фрейма. По Т. В. Дроздовой [3. С. 204], эта структура фрейма кажется нам наиболее приемлемой, поскольку мы исходим из того, что концепты-признаки, формирующие понятия, изначально равнозначны, и лишь человеческая мысль при создании имени концепта выбирает из них те, которые считает существенными в определенный момент и в определенном контексте.

Фреймы, как определенным образом структурированные лексические системы и под-

системы, позволяют представить конкретную схематизацию профессионального опыта в виде совокупности иерархически расположенных элементов. Так, например, суперфрейм 'Family law' включает в себя такие фреймы, как 1) Marriage & Marital Relationships; 2) Dissolving the Family: Divorce; 3) Financial Obligations; 4) Alimony; 5) Equitable Distribution of Property; 6) Child support 7) Child custody etc. В свою очередь, каждый фрейм содержит определенный блок информации, так называемый подфрейм. Например, фрейм 'Dissolving the Family: Divorce' включает следующую типологию знания или подфреймы: 1) Fault-Based Divorce; 2) No-Fault Divorce; 3) Prenuptial Agreements & Divorce 4) Jurisdiction for Divorce etc. Далее каждый подфрейм можно разбить на мини-фреймы. Так, подфрейм 'Fault-Based Divorce' включает такие мини-фреймы, как 'Grounds for divorce' и 'Defenses to Fault Based Divorce' и т. д.

Подобная «структурированная информация» (суперфрейм – фрейм – подфрейм – мини-фрейм) позволяет полученным знаниям прочно храниться в долговременной памяти, что делает возможным их последующее повторное использование в профессиональной деятельности. По утверждению Р. Солсо [6. С. 256], материал, организованный каким-либо способом – визуально, семантически или путем классификации – запоминается лучше, чем неорганизованный материал. Именно **фреймо-**

вая структура представления различных профессиональных знаний, с нашей точки зрения, будет способствовать оптимальной организации учебной деятельности будущих специалистов, ориентированной на рациональное преобразование учебной информации в прочные знания.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М., 2007. С. 95–109.
2. Голованова, Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 33. С. 18–25.
3. Дроздова, Т. В. Проблемы понимания научного текста. Астрахань, 2003. 224 с.
4. Лейчик, В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. М. ; Рязань, 2007. Вып. 5. С. 121–133.
5. Кубрякова, Е. С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Семантика и структура художественного текста. М., 1999. С. 186–197.
6. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология : пер. с англ. М., 1996. 598 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 92–95.

Е. М. Какзанова

ТЕРМИНЫ-ЭПОНИМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ МОРЯКОВ (по повести В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками»)

Рассматриваются термины-эпонимы подязыка военно-морского дела, представленные в автобиографической повести В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками». Делается вывод о том, что художественная литература может участвовать в формировании научной картины мира.

Ключевые слова: термины-эпонимы, подязык военно-морского дела, художественный текст.

«В целях создания кадров будущих специалистов флота высокой квалификации, требующих длительного обучения и практического

плавания на кораблях Военно-Морского флота, приказываю: к 1 августа 1942 года сформировать при учебном отряде Северного флота

школу юнг ВМФ со штатной численностью переменного состава 1500 человек с дислокацией на Соловецких островах. Плановые занятия начать с 1 сентября 1942 г. Адмирал Н. Г. Кузнецов».

25 мая 1942 г. народным комиссаром Военно-Морского Флота СССР адмиралом Николаем Герасимовичем Кузнецовым (1904–1974) был издан приказ № 108 по управлению подготовкой и комплектованием ВМФ [8]. В нем приводился перечень специальностей, по которым следовало вести подготовку юнг. Школа готовила боцманов, рулевых, радистов, артиллерийских электриков, мотористов, морских саперов и др. [4]. Рулевые и сигнальщики, радисты и гидроакустики, комендоры и минеры, мотористы и электрики – любое дело было юнгам по плечу. Причем большинство из них смогли освоить две, а то и три-четыре специальности [6].

Один из известных выпускников этой школы – лауреат Государственной премии в области литературы Валентин Пикуль. Летом 1941 г. будущий писатель гостил у бабушки в Ленинграде. Из-за начавшейся войны вернуться домой в Молотовск ему не удалось, поэтому пришлось пережить первую блокадную зиму в Ленинграде. В 1942 г. Валентину с матерью удалось выехать по «дороге жизни» в Молотовск. Оттуда он бежал в Соловецкую школу юнг и в числе учащихся первого набора окончил ее в 1943 г. по специальности «рулевой-сигнальщик».

В предисловии к повести В. С. Пикуль пишет: «Технические и специальные термины я умышленно упростил, дабы не утомлять моего читателя» [5. С. 3]. Тем не менее мы нашли в повести довольно большое количество узкопрофессиональных морских терминов-эпонимов, являющихся частью специального подъязыка военно-морского дела.

Эпоним служит обозначением разновидности терминов, содержащих в своем составе имя собственное (антропоним, топоним или мифоним) и имя нарицательное (*теорема Бернулли*). Термин-эпоним может быть также образован от собственного имени (антропонима, топонима или мифонима) путем метонимического переноса (*Ампер*). Третью группу составляют аффиксальные производные от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) (*якобиан, улесит*). В настоящей статье будут рассмотрены термины-эпонимы, относящиеся к первой группе.

Подъязык военно-морского дела – это профессиональный язык военно-морских специалистов, который служит средством их общения при наличии единого и сходного понимания реальности [3. С. 38].

Традиционно считается, что специальные языки могут быть реализованы только в трех функциональных стилях: научном, производственно-техническом и официально-деловом. Как видим, художественная литература также может внести вклад в формирование научной картины мира, чаще всего в том случае, если автор художественного произведения является специалистом в какой-либо области знания. В. М. Лейчик утверждает, что тексты, в которых используются термины, делятся на три группы: терминопользующие, терминофиксирующие и терминосоздающие. К первой группе относится значительное количество текстов разных жанров, куда термины входят, будучи заранее закрепленными, уже известными получателю текста [2. С. 146–147]. Конечно, формирующие научную картину мира произведения художественной литературы являются терминопользующими текстами.

Важнейшим условием овладения профессией является усвоение определенного количества информации о присущих данной области предметах, процессах и отношениях [1. С. 74], в том числе через освоение терминологии.

Прием в школу юнг Савки Огурцова, под именем которого выступает сам В. С. Пикуль, начался с узкоспециальных вопросов о системах якорей. Савка стал перечислять: «Болда, Гаукиса, Денна, Инглефильда, Марелля...» (здесь и далее сохраняется авторская орфография). На вопрос, какой якорь был принят на флоте, Савка ответил: «Холла. Самый надежный. С поворотными лапами» [5. С. 11]. Якорь Холла изобретен в 1885 г. бывшим капитаном, англичанином Холлом. Хотя устройство якоря остается классическим, сама конструкция за более чем сто лет сильно устарела. Мнение об этом якорю как идеальном в настоящее время подвергается серьезным сомнениям. В начале 20-х гг. XX в. появилась более удачная конструкция, принадлежащая немецкому инженеру из Бремена Генриху Хейну. Он пришел к ней после проведения модельных и натурных исследований якоря Холла (на свое изобретение Хейн получил патент) [7].

Спустя почти два десятилетия американский инженер Ричард Дэнфорт предложил но-

вую, усовершенствованную конструкцию якоря. Дэнфорт убедился, что холловский принцип вообще не годится для создания якоря повышенной держашей силы, рассчитанного на большие корабли. Вчитываясь в патент Дэнфорта, невольно вспоминаешь основные положения Хейна, хотя американец ни разу не ссылается на труд немецкого коллеги. Да и сама конструкция Дэнфорта в принципе сходна с конструкцией Хейна [7]. Несколько якорей повышенной держашей силы запатентовано и в нашей стране. Самая оригинальная и наиболее широко распространенная из них – литая конструкция, созданная в 1946 г. советским инженером И. Матросовым. Заслуживают внимания две конструкции якорей повышенной держашей силы другого советского изобретателя – инженера Ф. Шедлинга. В 1950-е гг. в Швеции инженер Бекер запатентовал якорь, который почти не уступает по величине держашей силы якорю Дэнфорта [7]. Все перечисленные якоря носят имена своих создателей – *якорь Холла, якорь Хейна, якорь Дэнфорта, якорь Матросова, якорь Шедлинга, якорь Бекера, якорь Болдта, якорь Гаукинса, якорь Денна, якорь Инглефильда, якорь Марреля*.

Говоря о морзянке в классах радистов, В. С. Пикуль упоминает о ее проникновении в классы роты рулевых. «Только здесь она беззвучно билась в пучках света. Старшина отщелкивал ее на клавишах Ратьера, и рулевые по проблескам фонаря читали слова, а потом и целые фразы» [5. С. 115]. Создается впечатление, что автор некорректно употребляет термин-эпоним – клавиши Ратьера. Речь идет о светильнике дневной и ночной сигнализации, предназначенном для дальней дневной и ночной сигнализации между судами или судами и береговыми объектами. Называется такой сигнальный прожектор «*лампа Ратьера*» в честь изобретателя. Сигнализация производится направленными световыми сигналами, азбукой Морзе. Кстати, *азбука Морзе* – это тоже термин-эпоним, созданный в память об американском изобретателе и художнике Сэмюэле Финли Бриза Морзе (1791–1872).

Рассказывая об изучении предмета «Устройство рулей, поворотливость и маневренность корабля при эволюциях», автор упоминает термин-эпоним *рулевой привод Дэвиса*. Ручной поперечно-румпельный с винтовым механизмом перекладки руля привод Дэвиса получил широкое применение на судах. Назван он в честь американского инженера Фрэнсиса У.

Дэвиса, который представил первую модель привода в 1926 г.

При описании свойств гироскопа (быстро вращающегося твердого тела, ось вращения которого может изменять свое направление в пространстве) мичман в повести В. С. Пикуля употребил два термина-эпонима – кардановы кольца и прибор Обри.

Кардановы кольца по-научному называются *карданный подвес*. Он представляет собой универсальную шарнирную опору, позволяющую закрепленному в ней объекту вращаться одновременно в нескольких плоскостях. Главным свойством карданова подвеса является то, что при закреплении в него вращающегося тела оно будет сохранять направление оси вращения независимо от ориентации самого подвеса. Это свойство нашло применение в гироскопах. Подвес получил свое название по имени итальянского математика, инженера, философа, медика и астролога Джероламо Кардано (1501–1576), который не только не изобрел его, но даже и не претендовал на авторство: он просто описал подвес в своей книге «Хитроумное устройство вещей».

Прибор Обри – это устройство, служащее для удержания торпеды на заданном курсе, основанное на свойствах гироскопа. Прибор назван по имени изобретателя, инженера, лейтенанта австрийского флота Людвиг Обри, который разработал принципиальную схему гироскопа в 1886 г.

«Гироскоп превратился в гирокомпас. <...> Две различные системы гирокомпасов – Сперри и Аншютца – вошли в научный обиход под именами их создателей» [5. С. 152]. В 1903 г. немецкий инженер Герман Аншютц-Кемпфе (1872–1931) сконструировал работающий гирокомпас и получил патент на его изобретение. В 1908 г. Аншютц-Кемпфе и американский изобретатель Элмер Амброуз Сперри (1860–1930) патентуют гироскоп в Германии и в США.

И. П. Массалина и В. Ф. Новодранова отмечают, что ограниченность языка для специальных целей связана с групповой посвященностью в него узкого круга специалистов на основе общего опыта [3. С. 38].

Любая терминология, в том числе терминология военно-морского дела, отражает прежде всего сложившиеся в обществе научные представления о мире и имеет дело с понятиями, т. е. с логически осмысленными концептами, возникающими на основе выделения существенных характеристик предметов и явлений

с отвлечением от второстепенных признаков [З. С. 79]. Рассмотренные в статье термины-эпонимы можно отнести к концептуальному полю «Средства военно-морской деятельности».

По мнению И. П. Массалиной и В. Ф. Новодрановой, процесс восприятия научного текста протекает обычно на уровне контекста. Контекстом выступает, в частности, и словосочетание [З. С. 124]. Таким образом, неотъемлемой лингвистической составляющей военно-морского текста, даже художественного, являются термины-эпонимы, обозначающие специальные научные понятия/концепты.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Теоретические аспекты интерпретации термина как языкового знака // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр. Посвящается юбилею В. М. Лейчика. М. ; Рязань, 2003. С. 73–79.

2. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2009. 256 с.

3. Массалина, И. П. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела / И. П. Массалина, В. Ф. Новодранова. Калининград, 2009. 276 с.

4. Никитина, Е. В. Соловки: Соловецкая школа юнг [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/n/nikitina_e_w/ssoolloovvkkii.shtml

5. Пикуль, В. С. Мальчики с бантиками. М., 1989. 272 с.

6. Сирий, А. Незабываемый подвиг юных. Адмирал В. М. Гришанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nvnu.ru>

7. Скрягин, Л. Н. Книга о якорях [Электронный ресурс]. М., 1973. URL: <http://www.argolis-yacht.ru>

8. Усенко, Н. В. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне / Н. В. Усенко, Н. И. Бородин. Т. 21 (10). М., 1996. 424 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 95–97.

В. В. Катермина

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале английских неологизмов)

Статья посвящена рассмотрению семантики профессиональных номинаций человека на материале английских неологизмов. В тексте производится анализ лексем в рамках подгрупп, связанных с местом работы, бизнес-специализацией и функциональной характеристикой. Подчеркивается, что выделение коннотативно окрашенных элементов дефиниций является одним из способов изучения особенностей наименования лиц в сфере бизнеса.

Ключевые слова: профессиональная номинация, семантика, неологизм.

Слова несут на себе печать времени, и лексические новообразования демонстрируют это особенно ярко. Даже очень недолго живущие номинации динамично характеризуют тот или иной период в истории языка и общества. Изучение новых слов находится в кругу важнейших вопросов современной лингвистики, поскольку исследование состава новообразований, их структурных особенностей, функционального предназначения способствует решению многих проблем лек-

сикологии, словообразования, грамматики, стилистики.

Анализ английских лексикографических источников позволил выявить достаточно большой пласт неологизмов, обозначающих профессиональную принадлежность человека (110 единиц). В рамках статьи будет рассмотрена группа профессиональных номинаций деловых людей.

В ходе исследования были выделены подгруппы наименований в зависимости от места

работы, бизнес-специализации и выполняемых функций.

Номинация в первой подгруппе осуществляется на основе оценки. Оценка как специфический компонент познания получает отражение в языке, в частности в слове. При этом на формирование оценки в речи воздействуют не только непосредственно выражающие ее операторы, но и многие другие факторы: культурно-социальное видение мира, знание языка, истории, привычки и взгляды отправителя информации [1].

Так, в изучаемом материале пейоративная оценка **формируется отрицательно оценочными** семами: *illegal – not allowed by the law, corrupt – willing to use their power to do dishonest or illegal things in return for money or to get an advantage, criminal – connected with or involving crime, seedy – dirty and unpleasant, possibly connected with immoral or illegal activities, inept – acting or done with no skill*, а также при помощи *отрицательного образа: dirty-white-collar* (ср. *white collar – working in an office, rather than in a factory, etc; connected with work in offices*), а также лексем *bozo* (*bozo – a stupid person*) и *explosion* (*explosion – the sudden violent bursting and loud noise of something such as a bomb exploding*).

Поскольку объем статьи не позволяет привести все примеры, ограничимся следующим замечанием: негативная оценка может включать в себя как отрицательные профессиональные характеристики человека, так и качества, которые по своей природе ближе к личностным (умственным), но тем не менее отрицательно влияют на восприятие профессионализма.

Мелиоративная оценка по профессионально-личностным параметрам получает языковое оформление с помощью следующих средств:

1) аффиксация (*-less* [clockless worler], *-aholic* [engaged workaholic], *up-* [upshifter]). В анализируемых примерах сочетание данных аффиксов с оценочной лексикой выражает положительную оценку;

2) образный компонент (*pot* [в данном контексте являющийся синонимом слова money]): *hi-pot – a young executive who is deemed by the company to have high potential for rapid movement up the corporate ladder*.

В рамках подгруппы наименований, связанных с местом работы, необходимо выделить характерную для сегодняшнего делового мира тенденцию работать дома (*work from home*), что зафиксировано в следующих номинантах:

open-collar worker – a person who works at home; modem cowboy/cowgirl – a person who lives and works out of a home located in the country.

Обратим внимание на семантику единиц, выраженных при помощи образных компонентов: *open-collar* (ср. единицы с компонентом *collar – white collar worker, blue collar, pink collar*, где цвет обозначает специализацию работы человека; лексема *open* подчеркивает неофициальную рабочую атмосферу, присущую «домашнему» стилю) и *modem* (лексема *modem* указывает на характер связи между офисом и домом). Во второй единице представлена дополнительная сема “in the country”, что подтверждается образной лексемой “cowboy/cowgirl” (отметим принцип политкорректности, использованный здесь: в номинанте есть четкое гендерное указание – boy/girl).

Неудивителен и тот факт, что в нашем материале зафиксированы единицы, номинирующие *фрилансеров* (*free agent – a person who works for him- or herself and is not a permanent employee of a corporation*), *людей с гибким рабочим графиком* (*flexexecutive – an executive or professional whose hours and place of work are flexible*), а также *профессионалов, работающих во многих компаниях* (*portfolio worker – a worker who holds multiple jobs or contracts in multiple fields with multiple companies*). Ключевыми компонентами единиц номинации выступают в данном случае слова *free, flexible, portfolio*. Во всех трех единицах внутренняя форма является прозрачной и четко указывает на характер работы делового человека.

Процесс глобализации отразился и на месте работы, способствуя появлению такой единицы, как *labor tourist – a person who lives in one country and works in another*. В современном мире становится возможным жить в одной стране, а работать в другой. Компонент *tourist* придает номинанту слегка иронический характер (ср. *tourist – a person who is travelling or visiting a place for pleasure*).

Следует отметить также влияние политических процессов на язык: после трагических событий 11 сентября 2001 г. в языке появилось следующая номинация: *post-traumatic job switcher – a person who changed jobs as a result of stress or anxiety caused by the terrorist attacks of September 11, 2001* (человек, который поменял место работы в результате стресса или тревоги, вызванных терактами 11 сентября 2001 г.).

В подгруппе обозначений специализации деловых людей можно выделить два блока: но-

минации бизнесменов, специализирующихся на создании новых сфер бизнеса, и номинации специалистов, создающих разнообразные компании или владеющих ими.

К первой группе можно отнести неологизмы *startup artist – a person who specializes in creating new businesses* и *serial entrepreneur – an entrepreneur who creates a series of new companies*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в данных единицах присутствуют следующие лексемы: *artist – a person who creates works of art, especially paintings or drawings; a professional entertainer such as a singer, a dancer or an actor; entrepreneur – a person who makes money by starting or running businesses, especially when this involves taking financial risks*. Если в первом слове подчеркивается связь с созданием чего-то прекрасного (в 1 значении) или делается указание на род профессиональной деятельности, не относящийся к бизнесу (во 2 значении), что придает экспрессивную окраску неологизму, то вторая лексема *entrepreneur* используется в своем первичном значении, вовлекая в понимание всего неологизма финансовые риски.

Вторая подгруппа охватывает номинацию людей, специализирующихся в следующих видах бизнеса: *domain name speculation* (*domainer – a person who makes a living from domain name speculation or by purchasing popular domain names and filling the sites with advertising*); *home-based business* (*homepreneur – an entrepreneur who creates and manages a home-based business*); *technology company* (*yettie – a young person who owns or runs a technology company*).

Номинации офисных работников по выполняемым ими функциям включают в себя единицы, обозначающие людей, занятых в организации самого бизнеса (*chief privacy officer – a corporate executive in charge of maintaining the privacy of company and customer data*; *chief risk officer – a corporate executive in charge of assessing and planning for potential risks such as hacker attacks and lawsuits*) и людей, непосредственно работающих со служащими фирмы (*chief learning officer – a corporate executive in charge of employee training and education*; *ethics officer – a corporate official who monitors the ethical conduct of employees*).

Прозрачность внутренней формы данных неологизмов позволяет нам в дальнейшем не говорить о выполняемых функциях служащих. Хотелось бы тем не менее обратить особое внимание на следующие единицы: *seagull manager – a manager who only interacts with employees to criticize their work or when a problem arises*; *virtual manager – a manager who directs employees from a remote location such as home or a central office*.

С нашей точки зрения данные номинанты наглядно отражают тенденции, существующие в деловом мире: в первом случае номинируются люди, чья роль в фирме состоит лишь в критике работы служащих или решении возникшей проблемы; во втором случае отражается тенденция современного мира управлять процессами виртуально, что и подтверждается лексемой *virtual*.

Следует отметить также наличие в двух последних номинантах лексемы *manager* в отличие от наименований предыдущей группы, в которых основным компонентом выступало слово *officer*. Словарные дефиниции этих лексем (*manager – a person who is in charge of running a business, a shop/store or a similar organization or part of one*; *officer – a person who is in a position of authority in the government or a large organization*) подчеркивают ответственность первых и власть над другими вторых.

Таким образом, номинация деловых людей в английском языке представлена в подгруппах, обозначающих их профессионально-личностную характеристику по месту работы, бизнес-специализации, выполняемым функциям, и отражена при помощи оценочного и образного компонентов. Выделение коннотативно окрашенных элементов дефиниций является одним из способов изучения особенностей наименования представителей сферы бизнеса.

Список литературы

1. Катермина, В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). Краснодар, 2004. 281 с.

СТРУКТУРА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ О ВЕЩИ

Статья посвящена проблеме соотношения терминосистемы и знания, неоднократно рассматривавшейся в трудах В. М. Лейчика и других отечественных терминоведов.

Ключевые слова: терминологическая лексикография, археологическое знание, идеографический словарь.

Как отмечал в своих работах В. М. Лейчик, если «система понятий <...> представляет собой логическую модель знаний или деятельности, то терминосистема – ее лингвистическую модель» [7. С. 20]. Знание, с философской точки зрения, – это «проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» [12. С. 192]. В когнитивной науке знание рассматривается как «охватывающее значительный спектр представлений, относящихся к итогам деятельности человека и результатам осмысленного им предметного опыта» [5. С. 28], оно исследуется в разных аспектах существования и функционирования [5. С. 29].

Основным источником информации о древнейшем прошлом человечества являются прежде всего вещи, обнаруживаемые при раскопках. Можно предложить такое определение: «вещь (в археологии) – это материальный объект, изготовленный или использованный в археологическую эпоху (начиная с появления человека до XVII в. н. э.)».

Изучением древних вещей занимается такая область археологического знания, как археологическое вещеведение. Археология как наука и вещеведение как один из ее подразделов вполне соответствуют определению области специального знания. Значительно более сложной выглядит проблема выбора специальных языковых средств. Дело в том, что археология в целом и археологическое вещеведение в частности используют слова естественного языка, которые становятся терминами только в терминосистеме археологии, и уже – археологического вещеведения.

Говоря о структуре каждой отдельной терминосистемы, следует учитывать, что она «репрезентирует собой «профессиональную картину мира», то есть профилированный об-

раз составляющих профессиональной сферы в единстве их связей и отношений. Пространственная ориентация такой модели знаний о мире проявляется в наличии иерархических отношений между элементами терминосистемы, а также в разграничении ее ядра и периферии» [4. С. 131]. Структура терминосистемы археологии также является иерархической, в ней выделяются тематический, базовый и субординатный уровни. Значительную роль в построении терминосистемы археологии играет процесс терминологизации, поэтому велико число слов естественного языка, ставших терминами. Таковы термины тематического уровня – *оружие, конское снаряжение, украшения, сосуды, постройки*; базового уровня – *мечи, удила, браслеты, горшки, дома* и др. Собственно археологическими терминами являются, как правило, термины-словосочетания субординатного уровня – *мечи-акинаки, стремечковидные удила, ладьевидные браслеты, славянские горшки, «длинные дома»* и др.

В науке существуют различные классификации словарей, в том числе терминологических [3; 6; 10]. По принципу расположения слов словари можно разделить на алфавитные и идеографические [8. С. 6]. Примером последнего можно назвать параллельный латышско-русско-англо-немецкий «Словарь археологических терминов», созданный Й. Граудонисом [13]. Он построен по логико-понятийному принципу, термины сгруппированы в соответствии с названиями предметов одинакового назначения – *оружие, сосуды, украшения* и т. п. Каждый такой раздел содержит терминологические гнезда по алфавиту названий вещей, а внутри них даны термины, обозначающие конструктивные элементы вещи, и названия некоторых разновидностей форм этих элементов, например: *сосуд – верхняя часть сосуда – оформление верхнего края – расширенная верхняя часть, профилированная верхняя часть, суженная верхняя часть; конская*

упряжь – шпора – дужка – зев дужки, – шип, петля. Автор не только собрал значительный материал, но и систематизировал его, разделил вещи на конструктивные элементы, поэтому словарь представляет собой вариант терминосистемы археологического вещеведения. В настоящее время отсутствует отечественный научный словарь археологической лексики на русском языке. Ученые-археологи вынуждены пользоваться переводным с английского языка словарем, дополненным отдельными статьями российских исследователей [1]. Остальные словари предназначены для школьников или студентов.

Предлагая концепцию собственного «Словаря археологического вещеведения», мы столкнулись с необходимостью решения вопроса о том, включать ли в него слова, пришедшие в археологическую лексику из естественного языка. Значение термина как «места» в теории, как имени элемента знания проявляется в совокупности всех его системных связей с другими терминами, выясняемых на основе употребления термина в научных текстах [9. С. 29]. Данный словарь строится на основе конструктивно-морфологического подхода к изучению вещей, в рамках которого для обозначения формы различных элементов вещи используются не только отдельные термины, но и целые терминосистемы других наук, в частности геометрии, биологии, семиотики, искусствоведения. Эти слова становятся полноценными терминами археологического вещеведения.

Спецификой археологического знания является его территориально-культурная ограниченность, что сказывается и на археологической терминологии: если термины, составляющие базовый уровень концептуальной области археологии, имеют соответствия в иностранных языках, то для терминов, находящихся на субординатном уровне, это практически невозможно, так как они обозначают культурно-хронологические реалии, свойственные данной территории. Регионально-хронологическая специфика археологического знания проявляется в том, что в его терминологии существуют как бы «микротерминосистемы»: в археологическом оружиеведении раннего железного века используют терминосистемы, предложенные А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирновым, в оружиеведении Древней Руси – А. Н. Кирпичниковым, в оружиеведении Сибири – Ю. С. Худяковым и т. п. Исследователи, которые ставят своей целью описание находок, относящихся к

названным периодам, как правило, пользуются терминологией, разработанной названными авторами.

Как нам представляется, адекватным отражением археологического знания является словарь, ориентированный на структуру терминосистемы археологии и такой ее области, как археологическое вещеведение. Например, словарь терминов древних *сосудов* начинается с определения этой категории, находящейся на тематическом уровне. Далее следуют дефиниции понятий конструктивных элементов сосудов – *венчик, носик, горло, тулово, дно, ручка, ножка, поддон*. Суперординатный уровень составляют термины, обозначающие формы сосудов (*сосуд открытый, сосуд закрытый, сосуд остродонный, сосуд круглодонный, сосуд плоскодонный, сосуд яйцевидный, сосуд шаровидный*), поэтому они расположены в первой части словаря. Термины, уточняющие форму сосудов, следуют за дефинициями, открывающими то или иное гнездо. Так, за термином *сосуд шаровидный* следует *сосуд шаровидный уплощенный*, за термином *сосуд высокошейный* – *сосуд высокошейный крынкообразный* и др.

Затем приводятся термины, располагающиеся на базовом уровне и обозначающие разные виды сосудов, – *горшок, дурилаг, кубок, кувшин, лампа, миска* и др. Гнезда, в начале которых находятся эти термины, невелики по объему и состоят из 1–2 определений, например: за термином *ваза* следуют дефиниции понятий *ваза кыргызская, ваза черняховская*, за термином *горшок* – *горшок тюльпановидный*, за термином *кувшин* – *кувшин чайникообразный* и т. п.

Установкой данного словаря является наличие графической иллюстрации у каждой статьи. Если для нетерминологических словарей такие иллюстрации являются факультативным параметром [11. С. 44], то для терминологического словаря археологического вещеведения они играют весьма важную роль: поскольку объектом вещеведения выступает древний вещный мир, пользователь словаря должен увидеть терминируемую реалию.

Общеизвестна дидактическая функция словаря [11. С. 8]. Введя понятие «терминологической информации», М. Н. Володина отметила, что данный вид информации является динамическим, способствующим развитию творческой мысли и преобразующей деятельности человека [2. С. 65]. Именно такую функцию призван выполнять археологический терминологический словарь.

логический словарь, организованный по идеографическому принципу.

Список литературы

1. Брей, У. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. М., 1990. 368 с.
2. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации. М., 1997. 180 с.
3. Герд, А. С. Терминологический словарь среди других типов словарей // Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981. С. 106–112.
4. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение. Челябинск, 2008. 180 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.
6. Лейчик, В. М. Опыт построения классификации терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии. М., 1988. С. 41–46.
7. Лейчик, В. М. Применение системного подхода для анализа терминосистем // Терминоведение и профессиональная лингводидактика. М., 1993. С. 19–30.
8. Морковкин, В. В. Идеографические словари. М., 1970. 69 с.
9. Никитина, С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М., 2010. 146 с.
10. Перерва, В. М. О принципах и проблемах отбора терминов и составления словника терминологических словарей // Проблематика определения термина в словарях различных типов. Л., 1976. С. 190–204.
11. Сороколетов, Ф. П. Общая и учебная лексикография. Л., 1985. 67 с.
12. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1983. 840 с.
13. Graudonis, J. Arheologijas terminu vardnīca. Rīga, 1994. 450 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 100–102.

М. В. Костромичева

ЭКСТРЕМИЗМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

Поднимается вопрос об отсутствии единого определения понятия «экстремизм» в современном российском законодательстве и о необходимости введения такого определения.

Ключевые слова: *экстремизм, понятие, дискурс, язык права.*

Проблеме экстремизма посвящено значительное количество трудов в самых разных областях науки, однако говорить о выстроенной системе знаний об экстремизме преждевременно. Прежде всего следует обратить внимание на отсутствие единого правового определения понятия «экстремизм». Как следствие, нет единства в понимании сути данного явления, а в правоприменении – не выработано единого подхода к оценке того или иного деяния как экстремистского.

В современном русском языке экстремизм (от лат. *extremus* – «крайний») определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [4. С. 949]. Расплывча-

тость определения очевидна: «Не совсем ясно, какие взгляды следует признавать «крайними», а какие – нет, и кто будет это определять. Под «взглядами» с определенным приближением можно понимать идеологию, идейные убеждения, не всегда связанные с какими-либо практическими, тем более противоправными действиями. А меры, в свою очередь, предусматривают совершение каких-либо конкретных действий, в том числе насильственных, направленных на свержение конституционного строя или дестабилизацию ситуации в стране» [1].

Законодательное определение экстремизма содержится в статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии

экстремистской деятельности», где само понятие «экстремизм» приравнивается к понятию «экстремистская деятельность» и трактуется как реализация следующих видов деяний:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную долж-

ность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Как видим, по сути, следует говорить не об определении понятия «экстремизм», а о перечне деяний, имеющих экстремистскую направленность, являющихся формами проявления экстремизма. Но и отдельные деяния, включенные в данный перечень, также требуют детализированного описания. Так, «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» может иметь самые различные проявления и выражаться, например, в призывах к насильственным действиям против лиц определенной национальности, в распространении сведений о якобы незаконных действиях лиц определенной национальности, совершении ими преступлений (краж, грабежей, изнасилований, убийств), в заявлениях об отсталости национальности от цивилизованного развития общества, в заявлениях о присущих национальности отрицательных моральных и физических качествах, в заявлениях о склонности представителей национальности к совершению преступления, в пропаганде исключительности нации посредством распространения идей о якобы особых дарованиях, присущих лицам определенной национальности, в пропаганде исключительности религии посредством распространения идеи о признании ее единственно правильной, тогда как все другие религии являются ложными (поэтому их последователи – ущербные люди) и пр. (см.: [5. С. 783–784]). Необходимость такой детализации проистекает из того, что само деяние определяется посредством оценочных понятий («возбуждение», «рознь», см. также «ненависть», «вражда» в другом пункте), что категорически неприемлемо в тексте юридического документа (подробнее см. [3]).

Трудность правоприменения в области противодействия экстремизму обуславливается

не только отсутствием единого определения экстремизма в современном правовом дискурсе, неопределенностью и / или оценочностью понятий, используемых при описании деяний экстремистской направленности, но и целым рядом иных факторов, таких, в частности, как разнообразие форм самого экстремизма (политический, этнический, конфессиональный, экономический, социальный, экологический), его частного проявления – национализма (бытовой, личный, инациональный, институциональный, клерикальный и др. [2]), идеологических установок (крайне левых, крайне правых, сепаратистских, великодержавных и др.), даже типов личности экстремиста (см., например, типы личности экстремиста: идейно-самостоятельный и зависимый («экстремист за компанию») и подтипы: экстремист-хулиган, корыстный экстремист, простой экстремист [б. С. 20–22]).

В связи с вышесказанным представляются справедливыми предложения введения единого, обобщающего для всех видов деяний экстремистской направленности определения. Так, например, Р. М. Узденов вместо закрепления перечня экстремистских деяний с целью решения проблем, связанных с формированием соответствующего понятийного аппарата, предлагает определить экстремизм как «социальное, негативное явление, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний, совершаемых в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок в которой отрицается экстремистами» [б. С. 16–17]. Такое определение дает общее представление о любом деянии экстремистской направленности как противоправном (общественно опасном), выделяет мотив и цель такого деяния. Список же самих деяний, представленных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», фактически представляет собой отсылку к соответствующим статьям администра-

тивного и уголовного кодексов. Эффективное правоприменение в области противодействия экстремизму будет возможно только тогда, когда будут даны официальные разъяснения по спорным вопросам правоприменения данных норм, основанные как на анализе имеющейся практики, так и на переосмыслении и корректировке ряда понятий, входящих в диспозиции соответствующих статей закона.

Россия – многонациональное государство, в котором национальная и религиозная терпимость, интернационализм – не просто дань традиции, а насущная необходимость. То, что на современном этапе российское общество нуждается в срочном «лечении» от экстремизма, – общепризнанный факт. Однако несовершенство антиэкстремистского законодательства, во многом основанное на неопределенности самого понятия «экстремизм», ведет к ошибкам в правоприменении, что, в свою очередь, порождает неприятие самого противодействия экстремизму частью общества.

Список литературы

1. Бирюков, В. В. Еще раз об экстремизме [Электронный ресурс] // Адвокат. 2006. № 12. / Справочно-правовая система Консультант Плюс.
2. Джунусов, М. С. Национализм: словарь-справочник. М., 1998. 286 с.
3. Костромичева, М. В. Оценочные понятия в юридическом тексте: ст. 282 УК РФ // Формирование языковой личности специалиста средствами родного, иностранных и русского языков: сб. материалов межвуз. «круглого стола» / под ред. Л. И. Анохиной. Орел, 2012. С. 46–50.
4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. ; М., 2008. 960 с.
5. Уголовное право России : учебник : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2: Особенная часть. М., 2005. 944 с.
6. Узденов, Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.

МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

На основе анализа общей типологии переводов в статье представлена соотнесенность терминосистемы с остальными компонентами переводческой деятельности.

Ключевые слова: перевод, переводческая деятельность, термин, терминосистема, лингво-когнитивные характеристики, концепт, фрейм.

Важным этапом анализа любой отраслевой терминосистемы является выявление концептуально-языковой структуры терминов, фиксирующей положение именуемых концептов специальной области деятельности (в данном случае – сферы перевода) во фреймовой структуре, в которой концепты, называемые рядом авторов «ядром терминосистемы», становятся ее центральной частью.

Актуальность нашей работы обусловлена рядом объективных факторов:

во-первых, выявление специфики терминосистемы каждой отдельной области знаний приобретает важное теоретическое и практическое значение для дальнейшего изучения механизмов формирования и функционирования развивающихся терминосистем;

во-вторых, системный анализ формирования новой терминосистемы позволяет детально исследовать такой тонкий механизм образования терминов и их сочетаний, как организация фреймовой структуры;

в-третьих, изучаемая терминосистема французского языка затрагивает интересы широкого круга субъектов деятельности.

Теоретической базой исследования послужили работы Л. В. Ивиной, Ч. У. Филлмора, Ю. Э. Уткиной, А. В. Суперанской, Е. В. Александровой и др.

Проводимое исследование направлено на моделирование французской языковой терминосистемы, представленной в словаре переводческих терминов Сесиль Деньяр.

На I этапе нами был рассмотрен лингво-когнитивный подход к изучению научных терминосистем, проанализированы основные принципы когнитивной лингвистики, их роль в исследовании терминообразования, формирования терминосистем. Были осмыслены различные подходы к интерпретации понятий «термин» и «терминосистема», сформулированы рабочие определения данных понятий, дано теоретическое обоснова-

ние когнитивной модели, раскрыто понятие «фрейм».

На II этапе исследования нами установлены и описаны лингво-когнитивные характеристики переводческой терминосистемы французского языка, представленной в словаре переводческих терминов Сесиль Деньяр:

1) основные экстралингвистические характеристики: доступность профессионально занятым людям, формальная понятность широкой аудитории, содержательная недоступность широкой аудитории;

2) основные синтагматические характеристики: мезосистемность, словообразовательная неоднородность, бинарность (в большинстве случаев);

3) основные парадигматические характеристики: консерватизм терминологии, синонимичность;

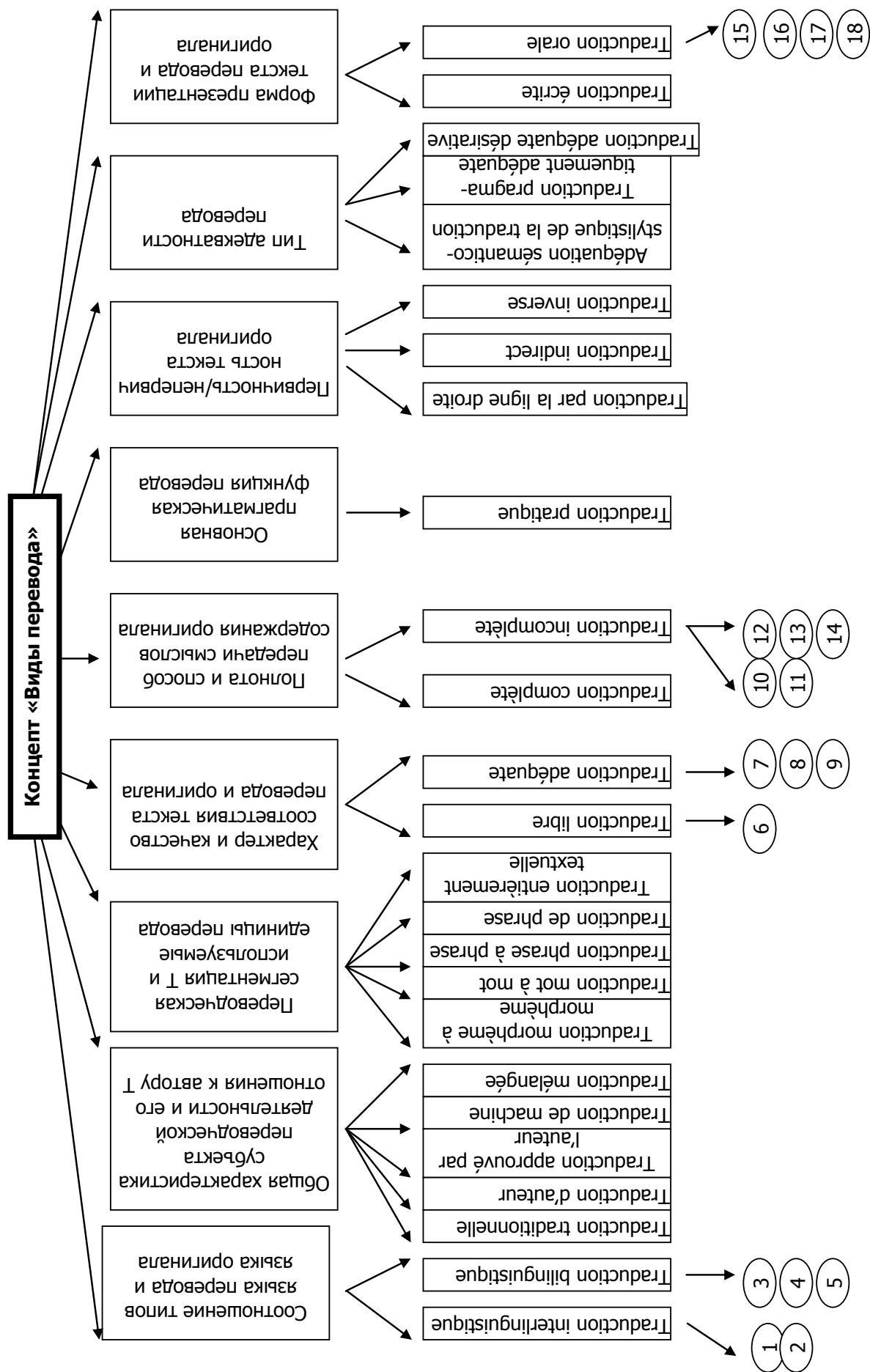
4) основные прагматические характеристики: самостоятельность, целостность, полнота.

Данные характеристики свидетельствуют о том, что анализируемая терминосистема является сложным образованием, находящимся в процессе формирования.

На III этапе осуществлялось построение модели терминосистемы, был сконструирован фрейм.

На основе восьми выделенных базовых концептов весь терминологический состав был классифицирован и разделен на субконцепты, слоты и скрипты. Базовыми концептами явились следующие: *способы описания процесса перевода; виды перевода; виды текстов перевода; нормативные аспекты перевода; приемы перевода; виды контекста перевода; требования к переводу; научное обоснование.*

Каждый концепт был проанализирован и схематично представлен. Таким образом, мы получили восемь подфреймов (или вложенных фреймов), из которых в дальнейшем была составлена общая лингво-когнитивная модель переводческой терминосистемы.

Рассмотрим для примера один из концептов – «Виды перевода».

Все термины, относящиеся к данному компоненту фрейма «Перевод», распределены в связи с 9 детализирующими субконцептами, 25 слотами и 18 скриптами (см. схему).

В процессе изучения словаря переводческих терминов Сесиль Денъяр было установлено, что существует единая типология переводов, обобщающая различные стороны подготовки, выполнения, презентации и функционирования переводов и соотнесенности их с другими основными компонентами переводческой деятельности. Нами были установлены следующие типы переводов:

- по соотношению типов языка перевода и языка оригинала:
 - traduction interlinguistique (traduction diachronique (1)), transposition (2));
 - traduction bilinguistique (traduction binaire (3)), traduction intérsémiotique (4), transmutation (5);
 - по общей характеристике субъекта переводческой деятельности и по его отношению к автору переводимого текста:
 - traduction traditionnelle;
 - traduction d’auteur;
 - traduction approuvé par l’auteur;
 - traduction de machine (automatique);
 - traduction mélangée;
 - по типу переводческой сегментации текста и по используемым единицам перевода:
 - traduction morphème à morphème;
 - traduction mot à mot;
 - traduction phrase à phrase;
 - traduction de phrase;
 - traduction entièrement textuelle;
 - по признаку характера и качества соответствия текста перевода и оригинала:
 - traduction libre (interprétation (6));
 - traduction adéquate (traduction précise (7), traduction authentique (8), traduction assurée (sertifiée) (9));
 - по признакам полноты и способа передачи смыслового содержания оригинала:
 - traduction complète;
 - traduction incomplète (traduction réduite (10), traduction fragmentaire (11), traduction

d’annotation (12), traduction d’aspect (13), traduction d’exposé (14);

- по признаку основной прагматической функции:
 - traduction pratique;
 - по признаку первичности (непервичности) текста:
 - traduction par la ligne droite (primaire, direct);
 - traduction indirect (secondaire);
 - traduction inverse;
 - по типу адекватности:
 - adéquation sémantico-stylistique de la traduction;
 - traduction pragmatiquement (fonctionnellement) adéquate;
 - traduction adéquate désirative;
 - по признаку формы презентации текста перевода и текста оригинала:
 - traduction orale (interprétation simultanée (15), traduction successive (16), traduction unilatérale (17), traduction bilatérale (18);
 - traduction écrite.

Аналогично были охарактеризованы и остальные 7 основных концептов фрейма «Перевод».

В итоге лингво-когнитивная модель переводческой терминосистемы французского языка, отраженная в словаре переводческих терминов Сесиль Денъяр, получила следующее наглядное представление (цифры в скобках соответствуют номерам видов переводов в описанной выше типологии).

Список литературы

1. Александрова, Е. М. Языковая игра. Механизмы создания и способы перевода. М., 2012. 124 с.
2. Новодранова, В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. М., 2008. 322 с.
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. М., 2009. 370 с.
4. Филлмор, Ч. У. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 74–122.

ТЕРМИН И ПОНЯТИЕ «АКТУАЛЬНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВА» В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НЕОЛОГИИ

Рассматривается содержание понятия *актуальная сочетаемость слова*. Отмечается место этого понятия в системе других понятий и терминов, именующих объекты изучения неологии (*ключевые слова, модные слова, актуальные неологизмы*). Обосновывается целесообразность введения термина *актуальная сочетаемость слова* в научный обиход.

Ключевые слова: *термин, понятие, терминологическая система, неология, актуальная сочетаемость слова.*

Терминологическая система неологии как науки о новых словах находится на стадии формирования, поскольку сама эта научная отрасль в отечественной лингвистике относительно молодая (время формирования – 50–60-е гг. XX в.). Основным понятием неологии является понятие *неологизма*. Многочисленны термины, обозначающие выделенные по разным признакам типы неологизмов: *узурпаторский неологизм – окказиональный неологизм, потенциальные слова – собственно окказионализмы, новообразования – вхождения, словообразовательный неологизм, семантический неологизм, иноязычный неологизм* и т. п. [3]. Эта совокупность терминообозначений составляет ядро терминологической системы неологии.

Следует отметить и периферийные участки, или зоны, указанной терминосистемы. К одной из таких зон, на наш взгляд, относятся термины, обозначающие сами неологические процессы в лексике, и шире – в языке (I); тенденции развития языка на текущем временном срезе (II), а также отдельные лексические явления, характеризующие современный этап функционирования языка (III). Например: I. *деидеологизация, детерминологизация, деэжотизация, интернационализация, переконнотирование, ревитализация* и т. п.; II. *демократизация, интеллектуализация* (термин В. М. Лейчика [2]); III. *ключевые слова текущего момента / эпохи* (Т. В. Шмелёва, Е. А. Земская, Е. В. Какорина), *модные слова* (Вл. Новиков, О. П. Ермакова), *актуальные неологизмы* (Л. П. Крысин, Е. В. Маринова). Представляется необходимым для описания таких языковых новаций, которые отражают важные, значимые изменения в жизни общества, ввести в научный обиход термин и понятие *актуальная сочетаемость слова*.

Предложенный нами термин вписывается в ряд соотносительных по значению терминов (см. примеры III) и хорошо коррелирует с

термином *актуальные неологизмы*. Понятийное содержание термина *актуальная сочетаемость* мы определяем следующим образом: новая (или относительно новая) сочетаемость слова, нарушающая его привычные синтагматические связи и отражающая некоторые изменения в духовной, нравственной сфере современного человека.

В качестве примера самого явления, обозначенного термином *актуальная сочетаемость слова*, можно привести многочисленные атрибутивные сочетания, построенные по следующим моделям:

- прилагательное *здоровый* + отвлеченное существительное с негативной семантикой;
- прилагательное *нездоровый* + отвлеченное существительное с негативной семантикой;
- прилагательное *нездоровый* + отвлеченное существительное с позитивной семантикой.

Рассмотрим сочетания, реализующие первую модель. См.: *здоровые амбиции, здоровый апломб, здоровое властолюбие, здоровое зазнайство, здоровая самонадеянность, здоровая самоуверенность, здоровое тщеславие, здоровое честолюбие, здоровое высокомерие, здоровое самомнение, здоровый снобизм, здоровая самовлюбленность, здоровый нарциссизм, здоровая самоуверенность, здоровая самонадеянность* и др. – примеры извлечены из интернет-поисковых материалов и представляют собой сегменты как официального (массмедийного, научного), так и неофициального дискурса. Общее в семантике существительных, употребленных в данных примерах, – их пейоративность (все они являются обозначениями человеческих недостатков или пороков), поэтому сами сочетания воспринимаются скорее как оксюморонные. Прилагательное *здоровый* в таких сочетаниях обнаруживает не отмеченный современными толковыми словарями оттенок – ‘такой, который не причиняет

вреда окружающим; безопасный и в то же время полезный для самого носителя качества'. Подчеркнем, что **новым** является не только оттенок слова *здоровый*, но и его широкая сочетаемость со словами негативной семантики (самыми неожиданными являются, на наш взгляд – к сожалению, не редкие – *здоровый цинизм, здоровая агрессия, здоровая агрессивность, здоровая ревность*).

В словосочетаниях, реализующих вторую модель, прилагательное *нездоровый* так же, как и слово *здоровый*, обозначает конкретизирующий признак отрицательного качества человека (*нездоровый апломб, нездоровый цинизм, нездоровый снобизм, нездоровый гонор, нездоровый эгоизм, нездоровое тщеславие, нездоровое самомнение, нездоровое честолюбие, нездоровая ревность, нездоровая самонадеянность, нездоровая спесь, нездоровая спесивость, нездоровые амбиции*). Однако и эти словосочетания, как и приведенные выше, с точки зрения логики ущербны – плеонастичны.

Аномальными являются и сочетания, строящиеся по третьей модели, – «прилагательное *нездоровый* + отвлеченное существительное с позитивной семантикой». Например: *нездоровая скромность, нездоровая целеустремленность, нездоровая гордость, нездоровая аккуратность, нездоровая честность (!)* и даже *нездоровая доброта*. Отметим, что в «Словаре эпитетов русского языка» К. С. Горбачевича слово *нездоровый* в качестве эпитета к наименованиям личностных качеств человека зафиксировано лишь в сочетании *нездоровое любопытство* [1].

МАС содержит толкование двух переносных значений прилагательного *нездоровый*: «приносящий вред, ущерб в моральном или общественном отношении»; «свидетельствующий о ненормальном, неблагоприятном состоянии кого-, чего-л.» [5]. Как видим, эти значения (особенно первое) соотносятся с тем значением, которое реализует прилагательное *здоровый* в сочетаниях типа *здоровый цинизм* ('не причиняющий вреда окружающим; безопасный').

Таким образом, актуальная сочетаемость слова проявляется в том, что на определенном этапе в функционировании слова происходят семантические изменения: либо появляется новое значение или оттенок значения (как в случае со словом *здоровый*), либо актуализируется одно из периферийных значений слова (см. *нездоровый*), что отражается на новом, непривычном круге лексем, с которыми слово начинает сочетаться. Однако, на наш взгляд,

это не просто новая сочетаемость слова как результат универсального и вечного процесса обновления языка. Это индикатор нового, нетрадиционного отношения говорящих к понятиям духовного, нравственного порядка. Сочетаемость слов *здоровый, нездоровый* демонстрирует смешение этических оценок (с минуса на плюс и наоборот) основных нравственных категорий личности, смену (замену) полярных точек зрения на духовные ценности.

В связи с этим следует отметить такой факт: в анализируемых контекстах, откуда извлекались сочетания с прилагательными *здоровый, нездоровый*, нам не встретилось ни одного случая рефлексии говорящего по поводу непривычного словесного окружения прилагательных, т. е. метатекстовых вставок (рефлексивов) типа *если можно так сказать, как сейчас модно говорить* и т. п. Правда, в устной речи, в диалоге, мы зафиксировали, пожалуй, единственный случай рефлексии, о котором мы пишем в статье «Могут ли амбиции быть здоровыми?» [4].

Можно предположить, что отсутствие метатекстовых замечаний по поводу некоторой аномальности анализируемых сочетаний говорит о том, что явление пустило корни: тот период, когда сочетания типа *здоровый цинизм, нездоровая честность* и т. п. казались говорящим действительно новыми, непривычными, по-видимому, прошел.

В продолжение данного исследования предлагаем провести наблюдения над сдвигами в сочетаемости этих прилагательных (и их синонимов) в текстах современной художественной литературы.

Список литературы

1. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского языка. СПб., 2000. 223 с.
2. Лейчик, В. М. Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского литературного языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы Международ. науч. конф. М., 2003. С. 420–423.
3. Маринова, Е. В. Проблемы отечественной неологии : материалы к спецкурсу. Н. Новгород, 2003. 70 с.
4. Маринова, Е. В. Могут ли амбиции быть здоровыми // Рус. речь. 2012. № 5. С. 57–63.
5. МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЯЗЫКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕГУСТАТОРОВ (на материале немецкого языка)

Анализируются механизмы репрезентации перцептивной информации в сфере дегустации вина. В центре внимания автора находятся особенности концептуализации и категоризации объектов профессиональной деятельности дегустатора.

Ключевые слова: профессиональный язык дегустаторов, профессиональная языковая личность, вербализация неявного знания, опорное знание.

Современный этап развития лингвистики характеризуется поиском новых решений центральных проблем организации языка и его функционирования в контексте постоянно пополняющихся знаний о его ментальной основе, о языке как когнитивной способности, о специфике человеческого мозга и познавательных процессов, об отличительных особенностях языковой картины мира и языкового сознания. В разработке этих вопросов лингвисты опираются на теоретические положения и практические результаты, полученные в смежных областях знания – психологии, философии, медицине и др. Вклад самой лингвистики в данную проблематику связан с анализом конкретных форм представления знаний в языке, выявлением языковых средств и способов осмысления явлений окружающей действительности.

Дегустатор оценивает качество вина на вкус, а также с помощью обоняния и зрения. Он должен обладать хорошей органолептической чувствительностью, сенсорной памятью, профессиональными знаниями технолога-винодела, соответствующей физической и моральной подготовкой.

В момент первого контакта с вином дегустатор устанавливает особенности его внешнего вида. Визуальное знакомство с вином дает специалисту необходимую информацию о возрасте и условиях хранения продукта, после чего отмечаются нюансы цвета напитка. Анализ внешнего вида вина завершается оценкой насыщенности цвета.

Ольфакторная (обонятельная) оценка – это второй этап дегустации вина. Качество вина напрямую связано с интенсивностью и сложностью его аромата. После того как вино успешно прошло две оценки – внешнего вида и ольфакторную (обонятельную), следу-

ет последняя – вкусовая. Именно во рту проявляется сбалансированность, гармоничность или, наоборот, плохая конструкция вина. После вкусового анализа вино проглатывают. В этот момент дегустатор обращает внимание на длительность ароматических ощущений – «послевкусие». Чем длиннее послевкусие, тем больше ценится вино.

Характерной особенностью профессиональной дегустации вина выступает меньшая, по сравнению с научным познанием, доля эксплицитности данных, слабая структурированность и недостаточная разработанность специального языка для описания и объяснения того или иного образа. Природа этой информации часто носит подсознательный характер.

Рассмотрим когнитивные механизмы обработки информации специалистом-дегустатором. Наибольший интерес для нас представляет вербализация перцептивного знания, которое мы квалифицируем как неявное. Под последним понимается такой вид знания, который не может быть легко передан другим участникам коммуникации, полностью или частично не поддается экспликации (см. об этом: [1]). Явное и неявное знание – категориальная оппозиция, часто встречающаяся в научных трудах по философии науки.

Явное знание выражается вербально и в логически эксплицируемых формах, имеющих, как правило, объективный, нейтральный характер. Иными словами, явное знание не отражает особенностей субъективного восприятия. Эта информация воспринимается и осознается одинаково всеми субъектами, знакомыми с конвенциональными условиями ее получения и преобразования. Средствами трансляции явного знания выступают стандартные и воспроизводимые каналы информации: печатные

издания, таблицы, диаграммы, компьютерные программы и т. п. В отличие от явного, неявное знание не может быть полностью вербализовано, не допускает полной экстерииоризации и не всегда осознанно. Неявное знание используется человеком не только в практике повседневной жизни, где оно выступает в виде навыков, умений, профессиональных автоматизмов, но и в научно-исследовательской деятельности. Неявное знание во многом носит личностный характер, зависит от эмоций, пристрастий, предпочтений субъекта [4].

Примечательным является тот факт, что люди не могут охарактеризовать запах, не называя вещества или предмета, которому он свойственен. В то время как в области вкуса существует представление о сладком, горьком, кислом, соленом, а в области цвета можно выделить основные цвета спектра, представления о запахе являются чисто предметными. Следовательно, информация об исследуемом фрагменте действительности реконструируется путем сравнения с освоенным ранее знанием. Человек, характеризуя запах объекта, постоянно делает отсылку к предшествующему опыту, то есть осмысление вновь познаваемой действительности происходит за счет обращения к уже освоенному ранее, через уподобление нового категории опорного знания.

Одной из функций, которую знание может выполнять, является роль опоры в процессе осмысления новых впечатлений. Общеизвестно, что воспринимаемая информация интегрируется с ранее известными фактами [3. С. 113]. Для осмысления и передачи впечатления от окружающего мира, то есть нового знания, человеку необходимо сравнить его с чем-то хорошо известным, опереться на уже освоенное. Такое знание В. Б. Гольдберг называет «опорным». Опорное знание – это как бы «намек» на известную информацию, которая помогает осмыслить нечто новое [2. С. 151–173].

В качестве опорного привлекаются разные типы коллективного знания: универсальное, культурно обусловленное или более узкое – социально ограниченное, известное какой-либо социальной группе. Реже в качестве опорного знания привлекается индивидуальное знание. Таким образом, опорное знание представляет собой знание об окружающем мире, освоенное данной культурой, или субъективное знание, имеющееся у отдельного индивида.

Представляется, что процесс активизации фрагмента фонового знания проходит несколь-

ко стадий: 1) выбор точки отсчета; 2) формирование когнитивной опоры.

На первой стадии продуцент, а вслед за ним и реципиент, соотносят новое знание с когнитивной точкой референции (точкой отсчета), то есть осуществляется поиск ориентира, на фоне которого предполагается осмыслить новый объект познания.

Материал исследования позволил представить концептосферы (совокупности взаимосвязанных концептов), наиболее значимые для профессиональных дегустаторов в качестве точек опоры. Специалист оценивает их как вехи в своем личном пространстве, которые важны для него лично, для социума и культуры в целом. Пространство природы демонстрирует большую степень актуальности для ориентации индивида в пространстве. В текстах дегустаторов и экспертов в качестве своеобразных ориентиров выступают такие объекты живой и неживой природы, как цветы, фрукты, ягоды, пряности, минералы и т. п. Сравните:

Viele Röstnoten entströmen dem Glas, dazu Leder und eine reife Frucht ... (Spätburgunder „Blauschiefer“ 2009 trocken);

Die Aromen sind fast orientalisches, exotische Früchte und Gewürze wie Kardamon und Kreuzkümmel ... (Weißwein – Cuvee „Malterer“ 2008 trocken);

Der Wein ist wie eine Reise in die Tropen, er hat opulente exotische Früchte – Khaki, Kakteenfrüchte, Mango, Kiwi. Sogar Aloe vera ist zu riechen ... (Weißer Burgunder & Chardonnay 2009);

Edelsüße Weine sind atemberaubend und wirken wie flüssige Diamanten ... (Bopparder Hamm Feuerlay Riesling Kabinett fruchtsüß).

В этнокультурном пространстве точками отсчета выступают ритуальные и мифологические образы, артефакты и натурфакты, освоенные определенной культурой, прецедентные имена, тексты и другие феномены. В качестве примера приведем наиболее яркие употребления:

Mit diesem Wein feiert man die unerträgliche Leichtigkeit des Seins ... (Lauer Gut Alsenhof Pinot Noir Barrique 2008 trocken) (роман М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия». – Т. М.);

Der Wein duftet fein nach Kirschen und Vanille, aber auch gleichzeitig zartrauchig nach Pflaumen und Zimt, er zeigt seinen hochmittelalterlichen Charakter des Fürsten Parzivals ... (Frühburgunder „C“ 2008 trocken) (героический эпос «Парцифаль» В. фон Эшенбах. – Т. М.);

*Kein Wein für einen **One-Night-Stand**, sondern für eine lange Beziehung...* (Riesling „Vom blauen Schiefer“ halbtrocken) (секс со случайным партнером, букв. «гастроль на одну ночь». – Т. М.);

*Der Wein ist wie ein Sprung in **die kühle Saar** an einem warmen Sommermorgen ...* (Riesling „Scivaro“ 2009 trocken) (Заар – река в Германии. – Т. М.);

*Der „Mineral“ ist sehr barock und verspielt, wie **eine Sonate von Bach** ...* (Untertürkheimer Herzogenberg Riesling „Mineral“ 2009 trocken) (И. С. Бах – великий немецкий композитор. – Т. М.).

В профессиональном пространстве специалисты обращаются к наименованиям профессий и их атрибутов, а также к техническому оснащению общества, ср.: *Man trinkt am besten den ST 5 im **5er BMW**...* (Muskatsilvaner & Muskatteller „Dinarazade“ ST 5 2009 trocken) (автомобиль BMW X5. – Т. М.)

В социальном пространстве ориентирами являются образы представителей возрастных групп, участников общественных противостояний:

*Der Wein ist für **ältere** Weingenießer mit Stil und Manier ...* (Deutzenhof Chardonnay trocken);

*Der Wein ist **in reifen Jahren** mit viel Alkohol ...* (Frühburgunder „C“ trocken);

*Es ist ein Sissi-Wein für **Prinzessinnen** ...* (Neuweier Mauerberg Riesling „Mauer-Wein“ „Großes Gewächs“ 2009 trocken);

*Der Wein ist **unglaublich schlank und tief wie ein Brunnen. Mitglied des Königshauses!*** (Maximin Grünhaus Abtsberg „Alte Reben“ riesling Spätlese trocken).

Выделенные в данных областях точки опоры или кванты знаний, привлекаемые в качестве ориентиров на первой стадии активизации фрагмента фонового знания, еще не показывают, как осмысливается объект познания окончательно. На второй стадии актуализированный квант фонового знания начинает выполнять функцию когнитивной опоры. Функционирование когнитивной опоры при вербализации перцептивной информации наталкивается на определенные трудности, что объясняется,

по-видимому, малой вероятностью построения фреймовой категориальной структуры, так как объекты, входящие в состав признаковых категорий, настолько многочисленны, что говорить о конечном их числе не представляется возможным. Это подтверждает мысль о меньшей степени выделенности и актуальности перцептивных категорий в процессе познания по сравнению с рационально-логическими. Наиболее вероятной моделью функционирования когнитивной опоры при вербализации перцептивного знания, по нашему мнению, выступает сравнение как один из универсальных механизмов категоризации.

Таким образом, результатом первой стадии активизации фрагмента фонового знания, стоящего за репрезентирующей его языковой единицей, является выбор точки отсчета. Результат второй стадии – формирование и функционирование когнитивной опоры. Изучение когнитивных механизмов категоризации и концептуализации выступает перспективой дальнейшего развития плодотворной идеи современной лингвистики об ориентирующей функции языка.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Устная профессиональная лексика как концептуализация неявного знания // Когнитивные исследования языка. Вып. VI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. М. ; Тамбов, 2010. С. 532–534.
2. Гольдберг, В. Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Концептуализация мира в языке. М. ; Тамбов, 2012. С. 151–173.
3. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования // Слово. Текст: Избр. труды. М., 2005. 543 с.
4. Касавин, И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1998. 408 с.
5. Henn, C. 111 **deutsche Weine, die man getrunken haben muss**. Goch, 2011. 272 s.

Н. В. Никулина

НОМЕН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале транспортной терминосистемы)

Рассматривается номен как вторая по значимости разновидность специальных лексических единиц в терминосистеме. Ставится проблема выделения номенов из общего массива терминологической лексики и их использования в профессиональной коммуникации транспортников.

Ключевые слова: номен, номенклатура, термин, терминоведение.

В истории современного терминоведения номен (номенклатурный знак, номенклатурное обозначение) нечасто становился объектом исследования, отдельные вопросы его функционирования продолжают вызывать интерес и требуют специального изучения как важного средства коммуникации представителей разных профессий. Вопросы классификации и употребления транспортных номенов в комплексном формате вообще не рассматривались ни в украинском, ни в зарубежном терминоведении.

Актуальность исследования определяется тем, что терминологические процессы в настоящее время требуют постоянного мониторинга, особенно на уровне номенклатурной номинации. Если термин и профессионализм постоянно находятся в центре внимания лингвистов, то номенклатурный знак до сих пор недостаточно изучен и требует пристального внимания в связи с отсутствием унифицированных способов формирования и специальных работ об особенностях его функционирования в профессиональной среде.

Целью статьи является исследование номинативной функции транспортных номенов с фамильным компонентом.

В терминоведении уже стало традицией обращение при изучении теоретических аспектов номенклатурных знаков к трудам Владимира Моисеевича Лейчика, который дополнил характеристику номена следующими положениями: 1) номенклатурным именем может быть выражено не любое понятие, а только то, которое входит в систему определенного рода; 2) существование единичного номенклатурного знака невозможно, потому что номенклатурная единица всегда является членом системы – номенклатуры; 3) номенклатурные знаки, как и термины, генетически могут быть именами собственными. И в конечном итоге ученый де-

лает вывод, что «номенклатурой может быть названа система обозначений классов предметов, входящих в один однородный ряд на основе сознательно выбранных внешних признаков этих предметов. Планом содержания номенклатурных единиц, как и терминов, являются общие понятия; планом выражения, как и имен собственных, служат частные признаки. В этом смысле можно сказать, что номенклатура является промежуточным, соединительным звеном в ряде назывательных единиц – между терминами и именами собственными» [4. С. 24].

Дискуссия о номенклатурных знаках получила свое продолжение в трудах многих языковедов, в частности в научных статьях Р. Е. Березниковой, А. В. Бурмистровой, С. В. Гринева-Гриневича, В. А. Татарина, С. Д. Шелова. Характеризуя номены, лингвисты используют различные критерии и способы для их унификации, зачастую сравнивая номенклатурные обозначения с терминами или ставя их в оппозицию к терминам.

В нашем исследовании остановимся на наименее дискутируемой функции номенов – номинативной. По мнению С. В. Гринева-Гриневича, для номенклатурной единицы номинативная функция является основной и именно в этой функции номен приближается к именам собственным [2. С. 38].

Аналогичное мнение высказывает А. В. Бурмистрова, приводя в своей диссертации таблицу частотности употребления номенклатурных единиц и акцентируя внимание на «сближении функции номенов с функцией имен собственных – названия единичных понятий» [1. С. 15].

Среди исследуемых нами транспортных номенов существуют разные типы наименований. В настоящей статье рассмотрим незначительную группу, которую составляют номенклатурные наименования антропонимического вида, в

которых используется фамильный компонент, без указания на технические параметры, но с информативно-популяризационной функцией. К таким номенклатурным образованиям относим транспортные железнодорожные номены: *фирменный поезд № 91/92 «Георгий Береговой»*; *фирменный поезд № 117/118 «Иван Кожедуб»*; *пассажирский поезд № 32А/31А «Лев Толстой»*; *фирменный пассажирский поезд № 99/100 «Иван Паристый»*; *фирменный пассажирский поезд № 38/37 «Афанасий Никитин»*.

Некоторые номены этой группы неизвестны носителю языка, но достаточно распространены в профессиональной среде. Например, *фирменный поезд № 99/100 «Иван Паристый»* назван в память о начальнике Московской железной дороги Иване Леонтьевиче Паристом, который прошел длинный путь от дежурного по станции в Брянске до начальника Московской железной дороги и успешно работал в этой должности в течение 20 лет; *фирменный пассажирский поезд № 38/37 «Афанасий Никитин»* назван в честь русского путешественника, писателя и купца Афанасия Никитина.

Отметим, что в странах Восточной и Южной Европы не только поезда, но и конкретные рейсы высокоскоростных поездов могут иметь собственные названия («*Франц Лист*», «*Бертольд Брехт*»), которые не несут практического смысла, а существуют для яркого обозначения транспортного средства.

Указанная тенденция устойчива и в сфере автобусных перевозок. Например, автобусам Петербургской транспортной компании присвоены имена легендарных личностей: «*Вадим Гарднер*», «*Николай Лебедев*», «*Павел Чичагов*», «*Микаэль Агрикола*», «*Георг Отс*». Эти именные автобусы несут культурологическую составляющую с целью привлечь внимание к историческим и легендарным личностям. Так, второй фирменный автобус Петербургской транспортной компании назван в честь Героя Советского Союза Николая Лебедева, даже в оформлении автобуса отражена тематика времен Великой Отечественной войны и запечатлена награда – звезда Героя СССР [3].

Интересной является также тенденция присвоения самолетам имен известных в данной профессиональной среде людей. Приведем примеры такого дополнительного номенклатурного наименования с использованием фамильного компонента по материалам журнала «Уютное небо»: самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85056 присвоено имя «*Николай*

Байбаков»; самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85755 присвоено имя «*Василий Бахилов»*; самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85733 присвоено имя «*Антонина Григорьева*»; самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85808 присвоено имя «*Петр Панов*»; самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85813 присвоено имя «*Владимир Кулешов*»; самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85727 присвоено имя «*Константин Лужецкий*»; самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85820 присвоено имя «*Роман Марченко*»; самолету Ту-154М с бортовым номером RA-85796 присвоено имя «*Виктор Муравленко*»; самолету Boeing 737-800 с бортовым номером VQ-BQR присвоено имя «*Роман Кузоваткин*»; самолету Boeing 737-800 с бортовым номером VQ-BQP присвоено имя «*Фарман Салманов*»; самолету Boeing 737-800 с бортовым номером VQ-BQQ присвоено имя «*Борис Щербина*» [8. С. 149].

Приведенные транспортные номенклатурные названия по своему содержанию обладают высоким культурологическим потенциалом, поскольку обозначают реалии, являющиеся частью истории и использующиеся языковым окружением с целью информирования о достижениях тех людей, имена которых лежат в основе номенклатурной номинации.

Вопросы номенклатурной номинации далеко не исчерпаны не только в этой статье, но и в предыдущих наших трудах [5; 6; 7]. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что номен – это самая регулируемая часть специальной лексики, подверженная изменениям и потому идущая в ногу со временем. Многообразие разновидностей и увеличение численности продуктов человеческой деятельности, а в сфере транспорта речь идет о новых видах транспортных средств, аппаратов, механизмов и агрегатов, ведет к увеличению численности транспортной номенклатуры. Часть номенклатурных единиц прочно входит в обиход пользователей, но с таким же успехом может выйти из употребления, если на рынке потребительских услуг появляется новая модель/сорт товара, изделия или технической реалии. В пределах транспортной номенклатурной номинации можно констатировать процессы умеренного распространения номенов с фамильным компонентом, предназначение которых состоит в популяризации истории страны и национально-культурных особенностей определенного языка.

Список литературы

1. Бурмистрова, А. В. Лингвостатистический анализ английской терминологии фондового рынка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001. 24 с.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
3. Именные автобусы // Омнибус (г. Санкт-Петербург). 2011. № 134.
4. Лейчик, В. М. Номенклатура — промежуточное звено между терминами и именами собственными // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1974. С. 13–25.
5. Нікуліна, Н. В. Дискусії щодо терміна «номен» в українському та зарубіжному мовознавстві // Вісник: Проблеми української термінології. Львів, 2010. № 676. С. 56–61.
6. Нікуліна, Н. В. Утилітарні вимоги до номена (на матеріалі транспортної термінологічної мегасистеми) // Вісник: Проблеми української термінології. Львів, 2012. № 733. С. 139–144.
7. Нікуліна, Н. В. Номен (номенклатурний знак) як об'єкт східнослов'янських термінологічних студій // Термінологічний вісник. 2013. Вип. 2 (1). С. 67–72.
8. Уютное небо: бортовой журнал авиакомпании UTair. М., 2013. 166 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).
Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 113–115.*

Н. В. Обвинцева

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА
РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Описывается структура лексико-семантической группы родственных отношений в русском и английском языках, выявляются интегральные и дифференциальные семы ядра данной группы, делаются выводы об общих и дифференциальных признаках обозначений родства в каждом языке.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, микрополе, дифференциальная сема, ядро ЛСП, лексема, словообразование.

Лексико-семантическая группа родства является объектом пристального внимания лингвистов, поскольку обладает рядом качеств, позволяющих считать ее одним из самых удобных объектов для анализа.

Во-первых, для лексико-семантической группы родства характерна достаточно строгая системность и построение по принципу терминологических полей. Системность, количественная ограниченность, устойчивость, четкость определений и стабильность парадигматических связей терминов родства послужили причиной того, что эта ЛСГ является объектом для проведения исследований в области семантического и семного анализов, а также комбинаторной методики построения смыслов имен.

Во-вторых, широкое распространение и активное употребление лексики родства в речи любых носителей языка приводит к тому, что она часто используется в учебной и научно-популярной литературе в качестве примера или иллюстрации разнообразных теоретических положений (Л. М. Васильев, Г. Б. Даукян, Л. А. Калужнин, Э. Ф. Скороходько, Т. А. Сумникова и др.).

И в-третьих, необходимо принимать во внимание древность происхождения данной лексико-семантической группы. В лексике родства ярко проявляется общность основного словарного фонда различных языков, и потому терминология родственных отношений является прекрасным объектом для сравнительного языкознания.

Задачей настоящей статьи является сопоставительный анализ лексико-семантической группы родственных отношений с целью выявления общих и отличительных ее черт в русском и английском языках. В кругу терминов родства в обоих языках присутствует много общих явлений. Основой этого факта является их изначальная принадлежность к одной, индоевропейской, группе языков. Однако с течением времени, в процессе развития языков, данная группа претерпела изменения, которые в каждом отдельно взятом языке шли по своему пути.

Лексико-семантическое поле родства входит в состав микрополя межличностных отношений ЛСП отношения. Внутри данного микрополя слова объединяются семантическим компонентом проявления отношения.

ЛСГ родственных отношений входит в часть микрополя, околядерная зона которого включает в себя семы 'контакта' / 'for coordinated actions'. Интегральным семантическим признаком, лежащим в основе описываемой группы, является понятие родства. Выделяя дифференциальную сему «тип родства», в рассматриваемом ЛСП можно выделить три группы: кровное родство, родство посредством брачных отношений, духовное родство.

Так как в основу ЛСП нами положен глагол, базовыми лексемами в ядре данного ЛСП являются *роднить* / *make related* и *родниться* / *become related*.

Эти лексемы являются производными от слова *род*, которое входит в околядерную зону рассматриваемого ЛСП в значении «ряд поколений, происходящих от одного предка» [2].

Каждое значение этих лексем в русском языке, наряду с наиболее общим выражением идеи родства, содержит ту или иную дифференциальную сему. Сема родства, связанного брачными отношениями: *роднить1*: «Создавать отношения родства (в 1 знач.) между кем-л.» [2]; *родниться1*: «Вступать с кем-л. в отношения родства (в 1 знач.)» [2].

Сема родства духовного: *роднить2*: «Устанавливать, создавать между кем-л. близкие отношения» [2]; *родниться2*: «Становиться близким, дружеским; сближаться» [2].

Для выражения наиболее общего понятия родства кровного используется глагольное словосочетание *быть (являться) родственником*, в котором основная лексическая нагрузка выражена лексемой *родственник* в значе-

нии: «тот, кто находится в родстве (в 1 знач.) с кем-л.» [2], где родство – это «отношения между людьми, основанные на происхождении одного лица от другого (прямое родство) или разных лиц от общего предка» [2].

В английском языке базовой лексемой является глагол *to relate*, в форме причастия *related*. *Related1*: «belonging to the same family» [5] не разделяет дифференциальные семы кровного родства и родства посредством брачных отношений, но в то же время не содержит сему родства духовного. *Related2*: «**having the same origins**» [5] наряду с общей интегральной семой родства содержит дифференциальную – кровного родства.

Наиболее общее выражение семы духовного родства можно обнаружить в глагольном словосочетании *become intimate*, но его значение не является точным эквивалентом лексемы *родниться* в данном значении в русском языке. Необходимо отметить, что в английском языке микрополе духовного родства представлено гораздо меньшим количеством лексем, чем в русском.

Проанализировав лексемы, входящие в данные микрополя, мы пришли к следующим выводам.

К универсальным характеристикам семантического микрополя «отношения кровного родства» можно отнести сходный состав ядра поля, наличие эквивалентов в обоих языках для всех частей речи. Специфическими признакам являются: а) дробность приядерной и периферийной зон в английском языке за счет большего количества синонимов, номинирующих родственную связь (*relatives, kin, kinsfolk, folk, my folks, sib, cousinage*) и лиц, состоящих в этих отношениях (*relative, relation, cousin, kinsman, cognate, connection*), а также их признаковые характеристики. Данные лексические единицы позволяют более точно определить тип родства и положение отдельного родственника в «системе координат» родственных отношений.

Напротив, в русском языке наблюдается большая цельность данного участка (родство, родственность, родня, сродство) / (родственник, родственница, родственники, родные, близкие, родич). Количественный состав этих экспонентов формируется, в основном, за счет семантического развития основного понятия «род» [4].

К универсальным характеристикам семантического микрополя «брачные отношения»

относится способность исследуемых лингвосоциумов вербализировать национальные представления о браке, что выражается в наличии языковых эквивалентов в ядерной и приядерной зонах поля.

К общим чертам можно отнести близкий семантический состав ядерных лексем *брак / marriage, жениться (выходить замуж) / to marry*, а также наличие большого количества равнозначных глагольных словосочетаний с компонентом *брак / marriage: регистрировать брак / register marriage; заключать брак / contract a marriage; расторгать брак / to dissolve a marriage*.

К дифференциальным – выделение лексических единиц в русском языке, употребление которых ограничено входящей в их состав семьей «пол человека»: *женитьба, жениться, женатый* – лексемы применимы только к мужчине; *замужество, выдавать/отдавать замуж, выходить замуж, замужня* – лексемы применимы только по отношению к женщине (ср. английские лексемы *marriage, marry, married* не предусматривают подобного разделения).

Различия исторических традиций между англоязычным и русским социумами в подготовке и заключении брака обусловили наличие в семантических системах данных языков таких специфических лексем, как *betrothal, engagement / обряд обручения, помолвка*, существовавшие ранее в русской культуре подобные ритуалы были упразднены во времена Петра I, а современные попытки организации помолвки являются копированием западной модели обряда; *венчание (церковный брак)*, в английском языке данное значение выражено лексемой *wedding*, в которой «свадьба» и «венчание» являются неотъемлемыми составляющими значения.

Следует также отметить, что лексемы, называющие членов семьи (как по кровному родству, так и по браку и усыновлению) по-разному образуются в сопоставляемых языках. В русском языке для наименования члена семьи используются отдельные слова, с разными корнями (*надчерица, дед, теца* и т. д.), тогда как в английском языке это чаще всего состав-

ное слово, в основе которого лежит наименование более близкого родственника (*stepdaughter, grandfather, mother-in-law*).

Таким образом, индивидуальное развитие лексических единиц родства отдельных языков – показатель глубинных культурно-исторических процессов в эволюции социальных отношений. Существуют различные точки зрения по поводу определения имен родства как терминов в строгом смысле этого слова. В своей работе в лексико-семантическую группу родственных отношений мы включаем не только термины родства, но и лексемы, не являющиеся терминами.

Однако следует отметить, что именно термины родства особенно интересны с точки зрения словообразования (И. А. Стернин, Н. Г. Юсупова). Если историческое словообразование в пределах группы исследовано достаточно полно (О. Н. Трубачев), то деривационный потенциал ее составляющих на современном этапе изучен явно недостаточно, хотя термины родства, в силу своей системности, с одной стороны, и частотности употребления в сочетании с желанием говорящего преодолеть языковой автоматизм – с другой, могут продемонстрировать ведущие тенденции развития словообразовательной системы.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2005. 571 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1-4.
3. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 704 с.
4. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/217000/read>.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Great Britain, 2007. 1668 p.
6. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.etymonline.com.

КОНЦЕПТ ЗДОРОВЬЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ

В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с целью выявления особенностей профессионального восприятия концепта «здоровье». Выделены значимые когнитивные признаки, произведено ранжирование их яркости, описана полевая модель концепта.

Ключевые слова: *концепт, здоровье, психолингвистический эксперимент, когнитивные признаки, профессиональное восприятие.*

Степень ученичества представляет собой важный этап в процессе формирования языка профессиональной коммуникации, поскольку позволяет акцентировать внимание на репрезентации профессионально значимых смыслов [1. С. 20]. Коллективное когнитивное пространство воплощает структурированную совокупность ментальных конструкторов, которыми обладают все личности, входящие в тот или иной социум [3. С. 200].

Настоящее исследование посвящено одному из антропологически важных концептов русской культуры – концепту *здоровье*, содержательной единице ментального лексикона. Гипотеза исследования состоит в том, что представления носителей русского языка о *здоровье* будут иметь профессиональную специфику. Нами был проведен экспликативный эксперимент среди студентов Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России. Выбор информантов обусловлен несколькими причинами. Во-первых, «младшие возрастные группы отличает в большей мере, чем зрелых людей, черно-белое восприятие действительности» [7. С. 119], вследствие чего для них характерно более обостренное осознание ментально значимых сущностей. Во-вторых, с ранних лет учебы у будущих пожарных формируется свойственное представителям данной профессии чувство заботы как о своем *здоровье*, так и о *здоровье* людей, оказавшихся в чрезвычайных ситуациях. В опросе участвовало 208 респондентов, всего проанализировано 1096 реакций.

Эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования. Студентам было предложено прокомментировать две воображаемые ситуации: «1. Представьте, что маленький ребенок спрашивает у Вас: «Что такое *здоровье*?». Как бы Вы ему ответили? 2. Представь-

те, что Ваш друг-иностранец спрашивает Вас: «Что в Вашей стране понимается под словом *здоровье*?». Как бы Вы ему ответили? (предполагается, что ответ будет на русском языке)».

Мы просили также вспомнить поговорки и пословицы со словом «*здоровье*». Респондентам предоставлялась возможность отвечать без ограничения во времени. Отличительными особенностями данного вида психолингвистического эксперимента является, во-первых, получение обширного материала, поскольку экспликативным текстам свойственны «эмоциональность, разговорность лексических средств, диалогичность, значительный объем» [6. С. 148], а во-вторых, возможность рассмотреть, как респонденты транслируют свое миропонимание в словесных картинках и индусируют соответствующие образы у своего гипотетического коммуникативного партнера [9. С. 115].

На первом этапе исследования выявлялась семантика ассоциатов, которая методом когнитивной интерпретации обобщалась в когнитивные признаки, а затем на основе близости их значения – в когнитивные классификаторы. Проводилось определение и ранжирование яркости признаков по принципу частотности (см.: [5. С. 67–75]). На втором этапе работы проводился сравнительный анализ вновь полученных результатов экспликативного эксперимента с полученными ранее. Имеется в виду эксперимент, проведенный в 2011–2012 гг. с учащейся молодежью гуманитарной и технической специализаций в двух учебных заведениях г. Екатеринбурга. В нем приняли участие 159 студентов, всего проанализировано 1168 реакции [4].

Представим результаты первого этапа исследования в виде полевой модели концепта *здоровье*.

Ядро формируется когнитивным классификатором **Состояние организма** с яркостью **0,2108** (здесь и далее число отражает отношение количества ассоциатов, объективирующих данный признак в опрашиваемой группе, к общему количеству полученных в эксперименте ассоциатов), когнитивные признаки которого раскрывают понятийные характеристики анализируемого концепта. Респонденты определяют здоровье в своих ответах маленькому ребенку или иностранцу с опорой на лексикографическое толкование. С одной стороны, *здоровье – состояние организма, при котором его органы способны выполнять все функции для обеспечения жизнедеятельности* (ср.: «состояние животного тела, когда все жизненные отправления идут в полном порядке» [2. С. 675]), с другой стороны, *здоровье – состояние полного физического, психологического и социального благополучия* (ср.: «полное физическое и психическое благополучие» [8. С. 275]).

В приядерную зону концепта *здоровье* входит когнитивный классификатор **ЗОЖ (здоровый образ жизни) – отказ от вредных привычек** с яркостью **0,1323** с частотными когнитивными признаками *не пить алкоголь, не курить, не употреблять наркотики*. Респонденты предостерегают: *Не кури, не пей, ты маленький – подрастешь и будешь слабенький! На наркотик не смотри, лучше в спортзал сходи!; Здоровье – это когда чувствуешь себя на 18, а для этого нужно заниматься спортом, закаляться и не иметь вредных привычек*. Кроме того, в данную зону входит когнитивный классификатор **ЗОЖ двигательная активность** (**0,1223**), который содержит следующие когнитивные признаки: *спорт, движение, зарядка, подтянуться на турнике, следить за своим физическим воспитанием, активный образ жизни* и т. д.

Важно отметить репрезентацию признаков когнитивного классификатора **ЗОЖ культивирование положительных эмоций** (**0,1022**): респонденты характеризовали здоровье как *веселого, доброго человека, который всегда находится рядом и защищает тебя; веселого, доброго человека, у которого хорошее настроение* и т. д.

Когнитивный классификатор **Отсутствие болезни** (**0,1004**) представляет наиболее частотные когнитивные признаки данной группы: *когда не болеешь; когда ничего не болит*. В проанализированных реакциях *здоровье – это гномик, который сидит внутри тебя и следит,*

чтобы плохие бактерии не пробрались к тебе, и ты не заболел; Это когда не знаешь, что такое аптека и кто такой врач и т. д.

Обратимся ко второму этапу исследования. Сравнительный анализ показал, что ядерная часть двух сопоставительных групп неизменна: наибольшую актуализацию в обеих группах получает когнитивный классификатор **Состояние организма** (ср. отмеченную яркость **0,2108** в группе студентов-пожарных и **0,1661** в общей группе).

Приядерная зона характеризуется небольшими изменениями. В общей группе носителей русского языка молодого возраста в приядерную зону входят классификаторы **ЗОЖ: двигательная активность** (**0,1223** и **0,1207**), **культивирование положительных эмоций** (**0,1022** и **0,1027**), **отказ от вредных привычек** (**0,1323** и **0,1079**).

У студентов Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России когнитивный классификатор **Отсутствие болезни** (**0,1004** и **0,0711**) занимает приядерную зону, а не ближнюю периферию, как в сравниваемой группе. Возможно, это связано с тем, что профессиональные пожарные должны уметь оказать себе и пострадавшим первую медицинскую помощь, методики которой занимают важное место в преподавании.

Отличия отмечены и в зоне ближней периферии. В общей группе носителей русского языка ближнюю периферию составляют классификаторы **ЗОЖ: правильное питание** (**0,0873**), **профилактика** (**0,0796**), **защита** (**0,0839**), **рациональное чередование труда и отдыха** (**0,0240**), а также **Ценностное отношение к здоровью** (**0,0565**), **Социальная составляющая** (**0,0283**). При этом в группе студентов-пожарных последний из указанных когнитивных классификаторов и **ЗОЖ рациональное чередование труда и отдыха** входят в зону дальней периферии.

К дальней периферии обеих групп относятся классификаторы: **Наследственность, Экология, Дар, Физическая составляющая, Духовная составляющая и Ментальная характеристика** концепта. Когнитивный классификатор **Красота** представлен только в общей группе носителей русского языка молодого возраста.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Во-первых, анализ материала продемонстрировал широкую объективацию концепта *здоровье*, что свидетельствует о его высокой значимо-

сти для данной профессиональной группы. Во-вторых, нами отмечена профессиональная специфика восприятия концепта *здоровье*, поскольку, несмотря на постоянство ядра в структуре анализируемого концепта, наблюдаются различия в соотношении когнитивных классификаторов в приядерной зоне, ближней и дальней периферии. При этом почти все когнитивные классификаторы, кроме одного (**Красота**), остались востребованными, новых когнитивных классификаторов отмечено не было.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 33. С. 18–25.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. I. М., 1998. 699 с.
3. Красных, В. В. Основы психолингвистики: лекцион. курс. М., 2012. 333 с.
4. Петкау, А. Ю. Концепт *здоровье* в сознании молодых носителей русского языка: экспериментальный эксперимент // Вопр. когнитив. лингвистики. 2013. № 4. (в печати).
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. 314 с.
6. Попова, З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2011. 176 с.
7. Сикевич, З. В. Русские: «образ» народа (социологический очерк). М., 1996. 204 с.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011. 1175 с.
9. Шаховский, В. И. Дискурсивность эмоций в человеческой коммуникации // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та, 2011. Т. 62. № 8. С. 115–120.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 118–120.

Л. В. Попова

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ XVIII ВЕКА

Рассматривается специфика репрезентации концепта «грех» в юридическом дискурсе XVIII века и реконструируются этнокультурные характеристики русского юридического языкового сознания.

Ключевые слова: *концепт, профессиональная языковая личность, юридическое языковое сознание, юридический дискурс.*

Концепт «грех» входит в число ключевых концептов русской языковой картины мира. Считается, что национальная специфика концепта «грех», обусловленная сложностью и диалектичностью русского менталитета, заключается в многомерности концептуальной структуры – наличии в ней социального, этического, религиозного компонентов [1; 4]. Отметим, что объединяет все традиционные сферы функционирования данного концепта неофициальный характер коммуникации.

Юридическая коммуникация, обеспечивающая введение и реализацию правовых норм, имеет официальный статус. По нашему мнению, возможность оперирования непрофессио-

нальной категорией в профессиональной сфере указывает на недостаточную обособленность последней. Одной из причин такой ситуации может быть доминирование этнокультурных характеристик в структуре профессиональной языковой личности. В истории русского права своеобразный этико-религиозно-правовой синкретизм существовал не только в древнюю эпоху, но и значительно позже. Полученные нами языковые данные свидетельствуют о значительной роли непрофессиональных (этических и религиозных) представлений в профессиональном языковом сознании юристов XVIII в.

Далее приведем результаты анализа языковых единиц, вербализующих концепт «грех»

в крупнейших правовых документах первой трети XVIII в.: «Уставъ Воинскій» 1716 г. в двух частях – «Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ» и «Краткое изображеніе Процесовъ или Судебныхъ тяжбъ» [5. Т. V. № 3006]; «Генеральный Регламентъ или Уставъ» 1720 г. [5. Т. VI. № 3534], регулирующих уголовное, процессуальное и государственное право. Словами-идентификаторами концепта «грех» в юридических текстах являются существительные *грѣхъ*, *погрѣшеніе*, *прегрѣшеніе* и глаголы *погрѣшить*, *согрѣшить*.

Лексема *грѣхъ* применяется для обозначения одного из религиозно-нравственных преступлений (скотоложество, мужеложество), нарушающего религиозную заповедь: «ГЛ. XX. – О содомскомъ *грѣхѣ*, о насиліи и блудѣ» (Здесь и далее курсив наш. – Л. П.) [5. Т. V. № 3006]. Заимствование данной номинации из религиозного дискурса в юридический обусловлено возведением подобного рода действий в разряд уголовных преступлений. Лексикография фиксирует значение ‘нарушение религиозного закона / заповеди’ как основное [7. Вып. 4. С. 130; 6. Ч. II. С. 394; 8. Т. I. С. 299]. К религиозно-нравственным преступлениям относилось также нарушение канонів церковной службы, неуважение к священнослужителям. Лексема *погрѣшить* указывала на соответствующие действия: «Арт. 13. Всѣмъ офицерамъ и рядовымъ надлежитъ Священниковъ любить и почитать, и никто да не дерзаетъ онымъ, какъ словомъ, такъ и дѣломъ досаду чинить, и презирать, и ругаться. А кто противъ того *погрѣшитъ*, имѣеть по изобрѣтенію его преступленія вдвое такъ, какъ бы то надъ простолоудиномъ (надъ другимъ) учинилъ, наказанъ быть» [5. Т. V. № 3006]. В двух описанных выше и других подобных контекстах наблюдается удвоенная семантизация вербализующих концепт «грех» лексем в языковом сознании юриста: к религиозной семантике добавляется юридическая семантика.

Помимо оценочной характеристики поведения субъекта в координатах христианского вероучения, профессиональная языковая личность регулярно использует дериваты лексем *грѣхъ* и *грѣшить* для квалификации собственно правового поведения военного или государственного служащего. В таких контекстах концепт «грех» семантизируется как ‘правонарушение, влекущее применение юридической санкции’. Приведем ряд примеров: «Арт. 20. Кто противъ Его Величества особы хули-

тельными словами *погрѣшитъ*, Его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣеть живота лишень быть, и отсѣченіемъ главы казненъ»; «Арт. 208. Ежели офицеру о *погрѣшеніи* солдата его донесено будетъ, тогда имѣеть онаго немедленно за арестъ взять и *погрѣшеніе* онаго объявить <...>» [5. Т. V. № 3006]; «ГЛ. XXVI. – О респектѣ надлежащемъ Президентамъ. <...> Между тѣмъ не надлежитъ Президентамъ данную имъ отъ Его Царскаго Величества власть презирать, и Членовъ того Коллегія ничѣмъ не отягощать, чего они противу чина и должности своей исполнять не должны, толь наименьше жестокими и чувственными словами укорять; но всѣ дѣла Коллегіиннымъ Членамъ по благоизобрѣтенію всего Коллегія давать, и каждого по состоянію особы его и *погрѣшенія* наказывать»; «ГЛ. L. За добрые поступки о награжденіи противу же того, ежели кто противъ должности *погрѣшитъ*, о штрафѣ» [5. Т. VI. № 3534].

Методом сплошной выборки были выявлены все случаи родовой номинации правонарушения в указанных текстах и установлено, что более 30% среди них занимают лексема *погрѣшить*, *согрѣшить* и *погрѣшеніе*, *прегрѣшеніе*, которые в лексикографических источниках представлены в основном как многозначные: их семантическая структура содержит семы ‘нарушение религиозных норм’ и ‘нарушение юридических норм’ [7. Вып. 15. С. 203, Вып. 18. С. 170–171, Вып. 26. С. 82; 6. Ч. II. С. 399, 401; 8. Т. III. С. 247, Т. IV. С. 175]. Таким образом, ряд дериватов лексем *грѣхъ* и *грѣшить* в юридическом дискурсе обладает религиозно-этической коннотацией, которая с профессиональной точки зрения является избыточной в коммуникативных ситуациях данного типа. В результате поведение субъекта правонарушения получает отрицательную характеристику не только по шкале «законность – незаконность», но и по шкале «праведность / добродетельность – греховность». Семантическая вторичность второй шкалы противоречит ее формальной первичности: наличие в юридическом тексте языковых знаков *погрѣшить*, *согрѣшить* и *погрѣшеніе*, *прегрѣшеніе* выводит на первый план в языковом сознании коммуникантов (профессионалов и непрофессионалов) именно концепт «грех», хотя речь идет о концепте «юридическая антинорма».

В работах лингвокультурологов доказано, что в русском религиозном языковом созна-

нии концепт «грех» основывается на позиции «все люди являются носителями греха как особого качества, предопределяющего их дальнейшие греховные поступки», причем грешник нарушает не только внешние законы (религиозные предписания), но и внутренние (нравственные) законы; благодаря совести как основе морально-этического кодекса человек способен сам оценить свое поведение [4]. Следовательно, большую роль играют такие концептуальные признаки, как неизбежность греха и субъективная оценка собственных поступков. Данное представление транслируется в юридический дискурс, что приводит к трансформации концепта «юридическая анти-норма», приобретающего следующие концептуальные признаки: неподвластность течения событий субъекту правонарушения (а отсюда – неответственность за собственные действия), первичность самооценки правовых действий (а отсюда – субъективность, вариантность оценки). Указанные концептуальные признаки релевантны этноментальным характеристикам русского языкового сознания: склонность к пассивности и фатализму, любовь к моральным суждениям [2], религиозный фундаментализм – остро переживаемое чувство греха вследствие недостижимости религиозного идеала [3].

В результате этого в правовом языковом сознании профессионалов и непрофессионалов формируется противоречивый образ преступника как грешника, который, с одной стороны, не способен избежать неправомерных поступков и при этом может ориентироваться преимущественно на внутренние установки (а не на внешние, юридические, нормы), а с другой стороны, будет наказан за нарушение той или иной юридической нормы, поскольку законы должны быть известны субъекту права и требуют обязательного выполнения. Искусственная сакрализация юридической нормы приводит не к повышению ее значимости в правовом

сознании профессионала и непрофессионала, а к усилению ее неопределенности и противоречивости.

Высказанное нами предположение подтвердилось: актуализация концепта «грех» в юридической коммуникации XVIII в. демонстрирует недостаточную обособленность профессионального языкового сознания от непрофессионального в структуре языковой личности юриста, что в определенной степени связано с принадлежностью юриста к русской лингвокультурной общности.

Список литературы

1. Бушакова, М. Н. Лексико-семантические и православно-культурные параметры концепта «грех» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2010. 204 с.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. М., 1996. 416 с.
3. Касьянова, К. О русском национальном характере. М., 1994. 267 с.
4. Козина, Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 144 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. Т. V, VI. СПб., 1830.
6. Словарь Академіи Россійской. Ч. II. Отъ Г до З. Въ Санктпетербурgh, при Императорской Академіи Наукъ 1790 года.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. В. Б. Крысько. Вып. 4. М., 1977 ; Вып. 15. М., 1989 ; Вып. 18. М., 1992 ; Вып. 26. М., 2002.
8. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. I, III, IV. СПб., 1847.

ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП КАК ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В центре внимания статьи находится лингвофилософское содержание понятия гендерного стереотипа. Рассматривается соотношение терминов «маскулинность» и «фемининность» применительно к гендерным стереотипам.

Ключевые слова: *гендер, пол, маскулинность, фемининность, гендерный стереотип.*

Проблема гендерного стереотипа изучается в рамках гендерной лингвистики. В центре внимания данного направления находится взаимосвязь между языком и гендером – социально-культурным конструктом норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Понятие гендера раскрывается через анализ гендерных стереотипов, фиксируемых языком.

По словам У. Липпмана, основателя концепции стереотипного мышления, стереотипы – это «предвзятые мнения, которые решительно управляют всем процессом восприятия». Они маркируют определенные объекты как знакомые или незнакомые, так что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми. Они возбуждаются знаками, которые могут варьировать от истинного индекса до неопределенной аналогии» [Цит. по: 2. С. 86].

У. Липпман выделил две важные причины, которые оказывают влияние на формирование стереотипов. Первая причина – использование принципа экономии усилий, характерного для повседневного человеческого мышления. Он выражается в том, что люди стремятся не реагировать каждый раз по-новому на новые факты и явления, а стараются подводить их под уже имеющиеся категории. Вторая причина – это защита существующих групповых ценностей.

Говоря о лингвистической интерпретации стереотипа, при соотнесении его с наивной картиной мира исследователи отмечают, что «соответствие этого представления реальным свойствам объекта картины мира, мотивированность этого представления не являются обязательной составляющей возникновения и функционирования стереотипа» [7. С. 56]. Они выступают в роли хранителей немотивированных свойств реалий, существенных для определенной лингвокультурной общности

или целостных ареалов, связанных единством культуры, религии, политической идеологии, философии.

Философия пола уходит корнями во времена античности, когда женщины считались низшими по природе, необходимыми для потомства и ведения домашнего хозяйства. Аристотель утверждал, что «женственность следует рассматривать как некий природный недостаток» [1. С. 194]. Активное мужское начало, по Аристотелю, было рациональным и ассоциировалось с познанием, а пассивное женское начало как низшая субстанция являлось хаотичной материей. Философ полагал, что роль женщины в рождении незначительна, т. к. в процессе зачатия ребенок получает «форму» (душу) от отца и лишь «материю» (тело) от матери, превосходство души над телом неопоримо (она «лучше и божественнее материи по своей природе» [1. С. 90]), а следовательно, «женщина есть как бы бесплодный мужчина» [1. С. 86]. Он указывал, что «лучше, когда высший принцип отделен от низшего; поэтому если это возможно и там, где это возможно, мужское отделено от женского» [1. С. 90], таким образом, гендерная дифференциация носит онтологический характер. Биологические различия между полами лежат в основе политического неравенства между мужчинами и женщинами.

Достаточно своеобразными для своего времени были умозаключения Платона, впоследствии легшие в основу разделения природы человека на два пола в средневековой философии. По Платону, «любовью называется жажда целостности и стремление к ней» [8. С. 101] и именно ей объясняется желание разорванных Зевсом на две половины андрогинов объединиться своими мужским и женским началами. При этом Платон в рамках мышления своих современников полагал женщину низшим существом по отношению к мужчине, любовь к женщинам называл «Эрот Афродиты пошлой»,

в отличие от Эроса «Афродиты небесной <...>, которая <...> причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому» [8. С. 90].

Однако его трактат «Государство» пронизан идеями, приближенными к феминистским, а именно возможностью женщин участвовать в управлении государством и получать равное образование с мужчинами. Объясняется это его политической концепцией, в основе которой лежит общность интересов, чему мешает институт семьи. О. А. Воронина полагает, что Платон ставил целью «обуздать “низкий женский эрос” посредством депривации семьи, введения института общих жен и детей и общественного воспитания детей мужчинами и женщинами» [4. С. 59].

Философы христианства утверждали, что социальная иерархия и доминирующее положение мужчин над женщинами вызваны грехопадением. Восточное христианство придерживалось позиции о совместном выражении мужчиной и женщиной образа Божьего в человеке. Разделение на два пола свидетельствует об изменении физического, животного, а не духовного аспекта бытия человека. Грехопадение изменило сущность человека, вызвав смещение от андрогинности к полу. Западно-христианское богословие, напротив, полагает, что акт грехопадения не оказал влияния на физическую сторону человека, но воздействовал на его внутренний мир. Августин Блаженный считал, что «человек был создан как “чета”, и после воскресения мужчин и женщин ожидает блаженная супружеская жизнь» [Цит. по: 3. С. 31].

Представители гностицизма являлись яркими противниками брака, проблемы пола имели для них особое значение, так как они полагали, что бог наделен чертами андрогинности. Гностики утверждали, что «слияние мужского и женского» может быть лишь духовным, тем самым не разделяя христианскую идею спасения души посредством брака [3. С. 34].

Влияние гностицизма на мировоззрение средневековой Европы сложно переоценить. Так, например, алхимики полагали, что мир состоит из единой Первоматерии, вмещающей все качества и все противоположности, а поэтому обладающей андрогинным характером. Авторы «Молота ведьм» инквизиторы Яков Шпренгер и Генрих Иститорис утверждали, что женщина лжива, безвольна, «скверна по своей природе» [3. С. 39].

С мужественностью как в философии, так и в массовом сознании соотносятся дух, ини-

циатива, власть, активность, разум, рациональность. С женственностью – материя, природа, пассивность, подчинение, эмоциональность, инстинкт.

Исследования гендерных стереотипов позволяют говорить о наборе черт, составляющих мужской и женский образы в сфере деятельности, в когнитивной сфере, в эмоциональной сфере, в области межличностного взаимодействия. В сознании людей существуют стереотипы о мужских и женских физических качествах, социальных ролях, типичных профессиях, особенностях поведения, а также типичных портретных характеристиках мужчины и женщины.

Под гендерным стереотипом понимается частный случай стереотипа, относящийся к знаниям о лицах разного пола, состоящий в приписывании им определенных признаков, что отражается в особенностях синтагматических связей рассматриваемых единиц, положительной и отрицательной этической или эстетической оценки [6].

Гендерные стереотипы могут быть исчислены по данным языка; они обнаруживают как стабильность, так и определенную изменчивость и динамику, которые в разных языках могут не совпадать.

Гендерные стереотипы, возникающие над биологически-половой реальностью, отражают ряд биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, присущие представителям данного пола в рамках данной культуры.

Термины «маскулинность» и «фемининность» применительно к гендерным стереотипам представляют собой концептуальные метафоры, передающие внутренне противоречивое и одновременно динамичное соотношение мужского и женского субстратов [5].

Рассматривая категорию гендера в лингво-философском аспекте, И. И. Халеева подчеркивает, что «подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами, позволяет определить гендер в качестве своего рода междисциплинарной интриги, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриги как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» [9. С. 7]. Отметим, что в данном ракурсе гендер выступает как тип интригообразования, или тип дискурса, как «ментальное

пространство, опосредованное онтогенетически и гносеологически и обусловленное социокультурной данностью конкретного лингвокультурного сообщества» [9. С. 11].

Таким образом, стереотипное представление о маскулинности и фемининности обусловило андроцентризм как системообразующий принцип метафизических философских концепций и дуальность маскулинности и фемининности как рационального и эмоционального начал.

Список литературы

1. Аристотель. О возникновении животных. М.; Л., 1940. 252 с.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 310 с.
3. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие / под общ. ред. И. В. Костиковой. М., 2005. 235 с.

4. Воронина, О. А. Дуализм материи и духа: гендерный аспект // *Вопр. философии*. 2007. № 2. С. 56–66.

5. Городникова, М. Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // *Гендерный фактор в языке и коммуникации*. Иваново, 1999. С. 23–27.

6. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 40 с.

7. Манзулина, З. А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 179 с.

8. Платон. Пир // *Собр. соч. : в 4 т.* М., 1993. Т. 2. 528 с.

9. Халева, И. И. Гендер как интрига познания // *Гендерный фактор в языке и коммуникации*. М., 1999. С. 7–14.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 123–126.

Т. В. Романова

ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИЯ И СУБКАТЕГОРИЗАЦИЯ В НОМИНАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Рассматривается соотношение перекатегоризации и субкатегоризации на примере выявления ассоциативных смыслов, связанных с названием специальности *лингвист*. Выявляются способы задания смысла в ассоциативной статье, референтные области для языкового знака, механизм перекатегоризации и субкатегоризации.

Ключевые слова: *перекатегоризация, субкатегоризация, когнитивный ассоциативный эксперимент.*

Когнитивные операции перекатегоризации и субкатегоризации мы рассмотрим на примере когнемной модели [1], за которую принимаем статью ассоциативного словаря. При этом под категоризацией будем понимать акт причисления единицы к своему множеству, семантические изменения слова, которые меняют его категориальный статус. Под субкатегоризацией – детализацию категории через отношения центр / периферия, часть / целое.

Когнитивный ассоциативный эксперимент моделирует активный режим работы языкового сознания (от знака к смыслу). Результаты эксперимента отражаются в ассоциативной словар-

ной статье, отличие которой от статьи традиционного лексикографического источника заключается в следующем: «Исходным материалом является не языковая семантика, а языковое сознание, складывающееся из стандартно организованных элементарных единиц знаний о мире, присущих носителю языка» [1. С. 19].

Проанализированный и классифицированный определенным образом экспериментальный материал позволяет установить крупные единицы когнитивного плана – концепты, из которых путем их самоорганизации (внутреннее структурирование «вглубь» каждого концепта и установление внешних связей между ними)

и формируется устройство лингвокультурного тезауруса, представляющего собой ядро, основу русской языковой картины мира [3].

Словарная статья тезауруса в идеале должна строиться как национально и культурно ориентированное описание каждого концепта, как наполнение каждой концептуальной зоны элементарными когнитивными единицами (фигурами знания) и соответствующими словами-знаками [1. С. 8–31]. Результатом является когнайзер – когнемная модель вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания, представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл – способ – слово (знак) – область – функция [1. С. 17].

В ходе сбора данных для апробации изложенной методики был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие учителя русского языка и литературы г. Нижнего Новгорода (42 чел.) Данные для составления словарных статей собраны посредством проведения стандартного свободного ассоциативного эксперимента. Испытуемым предлагалось реагировать на предложенные слова-стимулы первой возникшей в их сознании ассоциацией или несколькими ассоциациями. Единственным отличием данного эксперимента от эксперимента для «Русского ассоциативного словаря» (РАС) [2] является способ оглашения слов-стимулов: опрашиваемые воспринимали их на слух, а не визуально. Испытуемым было предложено реагировать на слова-стимулы, являющиеся номинациями (иногда синонимичными) специальностей, *лингвист* и *филолог*. Результаты эксперимента обрабатывались вручную, словарные статьи были составлены по примеру структуры статей РАС [2].

На первом этапе анализа полученных данных, учитывалось следующее: лексическое наполнение (связи слов-стимулов и реакций), реализация полисемии (проявление различных значений слова-стимула в реакциях), тематико-ситуативная сфера (проявление различной тематики, референции к ситуации слов-стимулов в ответах испытуемых), логическая структура (форма восприятия человеком содержания информации, обозначенной данным словом-стимулом).

Результатом обработки реакций на слово-стимул *лингвист* является следующая статья.

Лингвист: ученый **19**; язык **17**; языковед **12**; словарь **7**; анализ, система **3**; грамотность, наука, профессионал, русский язык, слово, те-

ория языка **2**; анализ худ. произведения, база, безграничность, блеск, буква, В. В. Виноградов, «Глокая куздра...», грамматика, грамотная речь, единицы, закон, законы развития языка, знаток языка, значение, знающий языки, изучает языки, изучающий язык, иностранный, исследование, исследователь языка, исследователь, коммуникация, лексикон, лексический состав, лингвистика, лингвистический анализ, литература народов мира, логичность, народ, наука; о, сколько нам открытий чудных!; парадигма, правило, правильность, правильность речи, практика, перевод, переводить, поиск родственных слов, полиглот, Потебня А. А., предложение, прикладная лингвистика, разбор, русский, словарь, Соссюр, сочетаемость, специалист в области лингвистики, строгость, сухость, схема, теоретик, теория, точность, ум, университет, уровни языка, учитель, учитель русского языка и литературы, филолог, форма, холод, чистота, Шахматов, Щерба, эксперимент, эрудированный, этимология, языкознание **1; 143+83+0+72**

Лексическое наполнение:

Синонимия – полупредикация: **лингвист** – *изучающий язык, знающий языки, иностранный, русский*.

Построение глагольных словосочетаний – предикатов: **лингвист** – *изучает языки*.

Наличие имен собственных: **лингвист** – *В. В. Виноградов, Потебня А. А., Соссюр, Шахматов, Щерба*.

Синонимичные пары: **лингвист** – *ученый, языковед, исследователь языка, филолог*.

Реализация полисемии
ученый, профессионал, исследователь, переводчик, полиглот, специалист в области лингвистики, учитель, учитель русского языка и литературы, филолог, эрудит.

Сфера референции: ‘То, что имеет отношение к лингвистике’: **лингвист** – *язык, русский язык, слово, законы развития языка, словарь, этимология, языкознание*.

Тематико-ситуативная сфера

Имена: **лингвист** – *В. В. Виноградов, Потебня А. А., Соссюр, Шахматов, Щерба*.

Прецедентные высказывания: **лингвист** – *«Глокая куздра...»; «о, сколько нам открытий чудных...»*

Сфера деятельности: **лингвист** – *лингвистика, наука, практика, перевод, прикладная лингвистика, эксперимент, языкознание...*

Анализ ассоциативной статьи «Лингвист» позволяет выявить смысл, который вкладыва-

ется в это слово испытуемыми, и формат сведений, который связан с этим стимулом. В сознании испытуемых лингвист – это ‘теоретик языка, изучающий происхождение, сочетаемость слов’; ‘ученый, чья сфера деятельности включает изучение языковых явлений’. Отметим следующее:

1. Лингвист – *ученый*, а не специальность (область, сфера). См. толковый словарь: «ЛИНГВИСТ, -а, м. Специалист по лингвистике, языковед. П ж. лингвистка, -и. См. также: ЯЗЫКОВЕД» [4].

2. Лингвист – профессия, а не специальность: *учитель русского языка и литературы, учитель*.

3. Вид – род, метонимическая замена: *Лингвист – филолог*.

Данная словарная статья отражает следующие изменения по типу перекатегоризации: 1) изменения внутри радиальной сети одной языковой единицы, когда более прототипический, или центральный, элемент категории может стать периферийным (*знаток языка, знающий языки, изучает языки, изучающий язык, исследователь языка, исследователь, специалист в области лингвистики*); 2) периферийный элемент в категории может сдвинуться ближе к ее центру (*словарь*); 3) изменения могут затрагивать несколько радиальных сеток при взаимодействии категорий, и тогда элементы из одной категории переходят в другую (*язык – категория семиотики, семиотические системы; ученый – характеристика по виду занятий; анализ – интеллектуальная (логическая) операция; блеск – категория оценочных слов; холод – состояние окружающей среды, состояние субъекта; чистота (?)* и т. д.; 4) элементы одной категории могут меняться местами и двигаться относительно друг друга (другой состав испытуемых даст другую ассоциативную статью). Центральное или периферийное расположение элементов ассоциативной статьи позволяет определить их функцию, основную или фоновую.

Способы задания смысла в когнемах, обуславливающие процесс перекатегоризации, представляют собой стандартные логико-лингвистические операции, которыми интуитивно, на бессознательном уровне владеет каждый носитель языка: они даны ему вместе с языком и составляют один из естественных механизмов владения им. «Способ» – это своего рода «мостик», связывающий «смысл» со

«знаком». Например, смысл ‘человек, исследующий язык’, ‘специалист в области языка’, соответствующий знак – *лингвист*, способ, каким зашифрован этот знак, – перифраза. Одновременно «способ» – это и своего рода подсказка, помогающая установить связь смысла со знаком, расшифровать содержание той операции в когнайзере, которая эту связь материализует. Ср.: смысл ‘языковед’, знак – *лингвист*, способ – внутренняя форма слова, смена кода.

Способы задания и расшифровки смысла подразделяются на несколько групп: лингвистические (афоризм, аббревиатура, антоним, внутренняя форма слова, гипоним, гипероним, литота, метафора, оксюморон, омоним, пароним, перифраза, поговорка, полисемия, пословица, рифма, синоним, словосочетание, смена кода, фразеологизм); логические (ассоциации, дескрипции, дефиниция, импликация, множество, предикат, пропозиция, сравнение, суждение, фрейм); способы визуальной модальности (жест, образ, символ); фактологические (прецедентный текст, непрецедентный текст, имя автора, название произведения, персонаж, художественная деталь, событие, деталь биографии, цитата, топоним, псевдоним); научные (термин, формула) [1. С. 85–87].

Решающим критерием назначения референтной области для той или иной фигуры знания служит прием интуитивного «восхождения» исследователя от заданного смысла к более широкому, «поглощающему» исходный, но сохраняющему непосредственную ассоциативную связь с заданным, смыслу [1. С. 88–100]. Употребление термина «ассоциативная связь» позволяет признать релевантными для такого восхождения *тематические, ситуативные, имплицативные, словообразовательные, синтагматические, парадигматические, родовидовые, элемента и множества* и др. разновидности связей, в максимальном варианте – все связи, повторяющие отношения между стимулами и реакциями в ассоциативно-вербальной сети. Термин же «непосредственная» (связь) подразумевает прямые отношения, т. е. отсутствие необходимости в словах-посредниках для фиксации связи между именем референтной области и смыслом в элементарной фигуре знания (*лингвист – лингвистика*). Референтная область знаменует *когнитивный* переход от элементарных фигур на более высокий уровень знаний, к единицам языковой картины мира. Для слова-стимула *лингвист* на

основании приведенной словарной статьи укажем следующие области референции: наука, образование, семиотические системы, книги / источник информации, речевая деятельность / общение, человек / личность / персона.

Механизмами перекатегоризации в примере *ЛИНГВИСТ* служат контекстуальная синонимия, метонимия, пропозиция, предикация и полупредикация, полисемия, эмоциональная оценка, прецедентность, поиск зон референции, фактов, имен, обеспечивающие действие фактора концептуальной аналогии. Обращает на себя внимание отсутствие в этом списке метафоры.

Исследование показало, что формирование категории «номинация специальности» осуществляется по принципу движения от периферии категории к центру и от центра к периферии. Поскольку переход из одной категории в другую (перекатегоризацию) обеспечивает метафора, а здесь задействован в основном метонимический механизм, представляющий собой движение от названия целого к его части, это ведет к детализации субкатегориального уровня категории СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. С другой стороны,

специализация и генерализация могут быть сопоставлены не только с родовидовыми передвижениями, но и с отношениями смежности. В таком случае можно говорить о процессе перекатегоризации: специальность – профессия (*лингвист – филолог – ученый- учитель- переводчик*).

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Информационная технология создания когнитивного тезауруса носителя русского языка и культуры : учеб. пособие / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович, Т. В. Романова, Г. А. Черкасова. М. ; Н. Новгород, 2013. 151 с. (в печати).
2. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. Н. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М., 2002. 784 с.
3. Сиренко, А. В. Лингвокультурный тезаурус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/> Проект «Лингвокультурный тезаурус русского языка».
4. <http://my-dictionary.ru/word/13835/lingvist>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 126–128.

И. П. Ромашова

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Предлагается трактовка легитимности как когнитивно-прагматической категории дискурса. Легитимация рассматривается в качестве обязательного дискурсивного процесса, сопровождающего институционализацию того или иного социокультурного явления.

Ключевые слова: *дискурсивные категории, легитимность, легитимация.*

Каждый социальный институт для успешного осуществления своей деятельности заботится о том, чтобы сформировать позитивное отношение «управляемого большинства» (М. Вебер) к своим социальным и дискурсивным практикам. В зависимости от этого институт либо получает право их беспрепятственно реализовывать, или ему приходится прикладывать дополнительные усилия для реализации своих задач. Общество XXI в. выработало специальные технологии и

различные сценарии легитимации. Более того, появились структуры: реклама, PR- и масс-медиа, назначение которых состоит именно в профессиональной легитимации любого социального объекта. В лингвистике и журналистике даже появился термин «медиалегитимация» (А. И. Вертешин).

В настоящей статье за основу взята социологическая трактовка легитимности, при которой под этим феноменом понимается не-

обходимое каждому институту «восприятие аудиторией его социальных и дискурсивных практик как законных, правильных и одобрение этих практик» [7. С. 167], а термином «легитимация» обозначается ментальный (когнитивный) процесс и дискурсивная технология формирования такого восприятия. Оба термина являются общепринятыми в гуманитарных науках: исторические сценарии и современные технологии легитимации рассматриваются в работах социологов Л. Г. Аврутиной, П. Бурдые, М. Вебера, О. О. Савельевой; философов Р. Барта, Е. А. Кожемякина, О. Ф. Русаковой, В. М. Русакова; политологов К. Ф. Завершинского, Ж.-Л. Кермона, Э. Н. Ожиганова, А. В. Скиперских; психолога М. С. Волохонской; юристов А. В. Вайнберга, М. Г. Тирских; филологов А. И. Вертешина, М. В. Гавриловой, Т. А. ван Дейка, В. Б. Кашкина, О. В. Спиридовского, Н. Фэркло.

Большинство исследователей-гуманитариев акцентируют внимание на существовании именно дискурсивных механизмов обеспечения легитимности, но несмотря на то, что проблема легитимности имеет лингвистическое измерение, именно языковедческий ее аспект остается до сих пор малоизученным. В работах зарубежных лингвистов – теоретиков критического дискурс-анализа (Т. А. ван Дейка, Н. Фэркло, М. В. Йоргенсен, Л. Филлипс) – термины *легитимность* и *легитимация* употребляются без четкой дефиниции и скорее как социологические понятия, нежели языковедческие.

В работах отечественных филологов названные термины используются редко. В качестве примера можно привести кандидатские диссертации М. А. Волкова и А. И. Вертешина, где вводится понятие «медиалегитимация», или статьи О. В. Спиридовского, М. В. Гавриловой, Р. Мюнх, посвященные частным аспектам легитимности. В трудах других российских исследователей проблематика формирования позитивного восприятия дискурса раскрывается через понятия «авторитетность», «доверие», «уместность». Так, в пособии В. Б. Кашкина речь идет об «авторитетности дискурса», причем ей приписывается статус дискурсивной категории: «Категория авторитетности является одной из важнейших для дискурсивного процесса. Успешность и последствия коммуникации зависят во многом от того, насколько участники коммуникативного процесса **доверяют** получаемой информации» [4. С. 111]. О легитимности как признании авторитет-

ности дискурса пишет О. В. Спиридовский [8. С. 161].

Анализ представлений о легитимности в терминологическом пространстве различных наук, а также проявлений легитимности в политическом [3. С. 44], PR- [5], бизнес-, рекламном [1; 6], корпоративном дискурсах – позволяет нам выделить некоторое проблемное поле дискурсивных исследований, в рамках которого выявляются и описываются языковые и – шире – дискурсивные механизмы повышения доверия к социальному институту и его дискурсу. Однако общепринятого толкования легитимности как дискурсивной категории ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистической дискурсологии пока не выработано. Именно такой подход предлагается в настоящей статье на основе изучения дискурсивных практик корпоративного дискурса и анализа работ о легитимирующих практиках других институциональных дискурсов современного русского языка.

Проведенный анализ позволил установить, что легитимность трактуется в гуманитарных науках в широком семантическом спектре. Общество признает право института на осуществление его деятельности, если он воспринимается как **легальный** (законный), **авторитетный**, **заслуживающий доверие**, **вдохновляющий** и вызывающий другие позитивные эмоции и **ответные речевые действия** аудитории (если институт и его представители «благодарят», ему «клянутся в верности», «присягают» и прочее).

Легитимация институциональных образований осуществляется с помощью специальных речевых тактик, к числу которых мы относим в первую очередь ссылки на законодательные акты и мнения авторитетных персон, подтверждающие законность (легальность) деятельности организации: «*В соответствии со статьей / указом*»; «*Вступило в законную силу решение суда, подтвердившее легитимность...*» (пресс-релиз).

Вторую группу тактик легитимации составляют текстовые приемы, подчеркивающие авторитетность института в профессиональной среде и компетентность его представителей. Авторитетность и компетентность подчеркивается (1) через создание образа организации как «признанного лидера» в данной сфере; (2) через публикации, где в роли эксперта выступает представитель института; (3) с помощью ссылок на мнение авторитетных лиц и орга-

низаций, подтверждающих компетентность субъекта легитимации; (4) через указание на членство в авторитетных профессиональных и иных сообществах.

Старейшая и испытанная тактика легитимации – создание в медиа- и PR-текстах образа целевой аудитории, одобряющей организацию и ее действия. В ряде работ отмечается, что институт и его речевые практики в потенциале должны быть **одобрены** общественностью [3; 6], **признаны** ею [7]; дискурсу института должны **доверять** [1; 4; 6], институт и его действия должны быть **поддержаны** общественностью или его авторитетными представителями: «Первый день открытия магазина был полон улыбок и комплиментов в адрес магазина и сотрудников. Многие покупатели заходили со словами: «Спасибо, что вы открылись!!! Мы же, в свою очередь, хотим выразить искреннюю благодарность всему руководству Компании «Красный куб»» (корпоративный журнал «Красный куб». 2008. № 10. С. 27)

Таким образом, моделирование семантики дискурсивной категории «легитимность» приводит нас к выводу, что в число ее смысловых компонентов входят законность, авторитетность (компетентность); характеристики (вербальные и невербальные) аудитории, легитимирующей институт: Легитимность социальному институту и его социальным и дискурсивным практикам может придавать как один из этих смысловых компонентов, так и их сочетание.

Список литературы

1. Волохонская, М. С. Дискурс-анализ как метод исследования доверия в интернет-ком-

муникации // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей : материалы науч.-практ. заоч. конф. СПб., 2011. С. 197–201.

2. Волкодав, М. А. Применение политического дискурс-анализа в решении идеологических задач: на примере медиатизации политических текстов : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 191 с.

3. Дейк, Т. А. ван. Воинствующая риторика мелкого союзника: политические импликатуры и легитимация Аснаром войны в Ираке // Современный дискурс-анализ: методология. 2009. Вып. 1, т. 2. С. 38–64.

4. Кашкин, В. Б. Введение в теорию дискурса. М., 2010. 152 с.

5. Русакова, О. Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. Екатеринбург, 2011. 336 с.

6. Савельева, О. О. Социальное доверие к рекламным сообщениям // III Всерос. социол. конгресс. М., 2008.

7. Скиперских, А. В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве : дис. ... д-ра полит. наук. Воронеж, 2007. 379 с.

8. Спиридовский, О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 161–169.

9. Фэркло, Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ: Методология: концептуальные обоснования. 2009. Вып. 1. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.discourseanalysis.org>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).

Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 128–130.

Д. И. Сибиряков

ИГРА В КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ

Феномен игры рассматривается в статье как универсальный инструмент когниции, позволяющий исследовать различные формы общественного сознания.

Ключевые слова: игра, знак, символ, функция, значение.

Игра пронизывает всю деятельность человека, начиная с первых шагов ребенка и заканчивая глубокой старостью. Именно поэтому тайной этого феномена заинтересовались еще в глубокой древности [5. С. 117], и до сих пор проблемой игры занимаются серьезные ученые [7. С. 3]. Но, несмотря на это, еще не существует признанного всеми определения этого феномена, поскольку оказалось очень трудным выявить сущностные характеристики игры. Трудности связаны с тем, что игра присуща не только человеку, но и многим видам животных. Так, например, Й. Хейзинга утверждал: «Да, можно с уверенностью заявить, что человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры. Животные играют точно так же, как люди. Все основные черты игры уже присутствуют в игре животных» [9. С. 13]. Однако современные исследования показали, что игры человека существенно отличаются от игр животных: таким отличительным признаком человеческих игр является наличие в них знаковой деятельности нашего сознания [8. С. 135].

Еще Т. Гоббс обратил внимание на необходимость различения знаков у людей и знаков у животных: ««Знаки же, которые два животных одного и того же вида подают друг другу посредством голоса, не являются речью, потому что звуки, при помощи которых эти животные выражают надежду, страх, радость и т. д., не установлены ими произвольно – указанные чувства насильственно вызывают такие звуки в силу необходимости, обусловленной природой данных животных» (курсив наш. – Д. С.) [3. С. 232]. Т. Гоббс называет такие знаки животных сигналами и считает их биологической реакцией организма на внешние раздражители. Следует обратить внимание, что человек также обладает подобной биологической реакцией, которая в психологии получила название первой сигнальной системы. Знаки, которыми владеет только человек, в науке называются второй сигнальной системой; животным она недоступна. Именно функционирование второй сигнальной системы и отличает игры человека от игр животных.

Игра человека связана со знаками во всех областях его деятельности: игра ли это маленького ребенка или игра музыканта, политические игры, банковские игры и т. д. Нет такой сферы человеческой деятельности, в которой он не выражал бы себя с помощью знаков. Но наиболее ярко проявил себя человек в «язы-

ковых играх». «“Языковой игрой” я буду называть <...> единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен», – писал Л. Витгенштейн [1. С. 227]. В последнее время этот тезис Л. Витгенштейна привлекает пристальное внимание ученых: одни ищут здесь какой-то тайный смысл, другие – чудеса вербальной эквилибристики, третьи – открытие новых эмоциональных возможностей человека. Вместе с тем внимательное прочтение Л. Витгенштейна помогло бы исследователям приоткрыть завесу тайны над «языковой игрой»: он писал, что «значение слова – его употребление в языке» [1. С. 250].

Язык в широком смысле слова – это система знаков, в этом смысле и математика – язык, и музыка – язык, и жестовая артикуляция глухонемых тоже язык. Но за каждым знаком стоит его употребление, то есть значение этого знака: «Значение представляет собой неотъемлемую часть слова как такового, – подчеркивал Л. С. Выготский. – Слово без значения есть не слово, но звук пустой (курсив наш. – Д. С.) <...>. Поэтому значение в равной мере может рассматриваться и как явление, речевое по своей природе, и как явление, относящееся к области мышления <...>. Оно есть речь и мышление в одно и то же время, потому что оно есть единица речевого мышления» [2. С. 17].

Именно тот факт, что за каждым знаком скрывается значение, неразрывно связанное с этим знаком, и составляет тайну «языковой игры». Люди, в отличие от животных, играют с помощью знаков, но на самом деле подразумевают скрывающиеся за этими знаками значения. Знак всегда статичен, а значения – динамичны: один и тот же знак, употребленный в различных контекстах, приобретает различные значения. Поэтому существующие статичные теории значения, разлагающие знаки (слова) на семы, семемы и т. д. популярности не приобрели. Конечно же, такая работа над значением, которое называется лексикографическим, тоже нужна, но фиксируется эта работа исключительно в толковых словарях.

З. Д. Попова и И. А. Стернин вскрыли недостатки лексикографической теории значения: «Особо подчеркнем, что лексикографическое значение — это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф фактически априори исходит из

того, что именно в определенном лексикографами семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако <...> любые психолингвистические эксперименты, как и многочисленные наблюдения над текстовым употреблением слова, повседневная практика разговорного словоупотребления легко опровергают данное представление о значении» [6. С. 95]. Здесь авторами вскрыт сложившийся в лексикографии кризис, преодолеть который представляется лишь путем создания принципиально новой теории значения.

Отправной точкой здесь должен служить уже упомянутый выше тезис Л. Витгенштейна о том, что «значение слова – его употребление в языке». Но ведь слово – это же знак, а его употребление в языке есть деятельность, и не просто деятельность, но деятельность целеполагающая. Целеполагающую деятельность принято называть *функцией*. Отсюда неумолимо следует вывод, что *значение* слова есть *функция* знака: *значение* слова (знака) и *функция* слова (знака) выступают как синонимы. Но каждый знак (слово) в зависимости от способа употребления выступает в различных значениях, то есть функциях: следовательно, значение многофункционально. Это и есть основы принципиально новой, *функциональной* теории значения.

Анализ научной литературы последних лет показывает, что идеи создания функциональной теории значения уже витают в воздухе: «Язык был создан для того, чтобы передавать информацию о мире и адекватным образом оперировать со всей информацией о мире, репрезентированной в голове человека. В его сущностные, в его конституирующие характеристики входили и входят выполняемые им *функции* (курсив наш. – Д. С.)», – пишет Е. С. Кубрякова [4. С. 164]. Сама же Е. С. Кубрякова важнейшими функциями языка как системы знаков считает *коммуникативную* и *когнитивную* [4. С. 37], на базе которых формируются другие функции: *номинативная*, *референтная*, *дискурсивная*, *парадигматическая*, *синтагматическая* и ряд других. Л. Витгенштейн *значение* имени (слова) часто связывает с *указанием*, то есть выделяет еще и *индикативную* функцию: «А *значение* имени иногда объясняют, *указывая* (курсив наш. – Д. С.) на его носителя», – и при этом постоянно подчеркивает, что для репрезентации этой функции в языке существует развитая система местоимений [1. С. 250].

Конечно же, выделенный ряд функций далеко не исчерпывает все характеристики значения. Человек своими органами чувств переживает окружающий мир, поэтому, оперируя знаками, он вкладывает в них свое эмоционально-экспрессивное отношение к этому миру, то есть легко выделяется еще и *эмотивная* функция. В заключение можно сказать, что *значение* – это родовое понятие, которое конкретизирует себя в различных *функциях* в зависимости от цели употребления знака. Это и есть «языковая игра», поскольку анализ *значения* в данной статье проводился именно на материале языка в узком смысле этого слова. Но если принять, что под языком в широком смысле слова понимается любая знаковая система, то и *игра* в широком смысле *есть функциональная репрезентация знаковой деятельности сознания*. Понимаемая таким образом *игра* легко может быть спроецирована на любую форму общественного сознания: математику, музыку, политику, спорт, физику, информатику, экономику, педагогику и т. д. *Игра*, таким образом, *является универсальным инструментом когниции*.

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой // Языки как образ мира. М. ; СПб., 2003. С. 220–546.
2. Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 2: Проблемы общей психологии / под ред. В. В. Давыдова. 1982. 504 с.
3. Гоббс, Т. Соч. : в 2 т. : пер. с лат. и англ. М., 1989. Т. 1. 622 с.
4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
5. Платон. Соч. : в 3 т.: пер. с древнегреч. М., 1972. Т. 3, ч. 2. 678 с.
6. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. 314 с.
7. Ретюнских, Л. Т. Философия игры. 2-е изд. М., 2005. 256 с.
8. Сибиряков, И. В. Знак в когнитивно-дискурсивной деятельности сознания // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2010. № 1 (182). Философия. Социология. Культурология. Вып. 16. С. 131–135.
9. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерланд. В. Ошиса. М., 2004. 539 с.

Т. А. Сироткина

ЛЕКСИКА ПРОМЫСЛОВ И РЕМЕСЕЛ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ЮЖНОГО ПРИКАМЬЯ»

Рассматривается лексика промыслов и ремесел, представленная в «Словаре русских говоров Южного Прикамья». Анализируются различные лексико-тематические группы (пчеловодческая, охотничья, рыбацкая), делается вывод, что наиболее разработанными народным сознанием являются названия орудий и инструментов.

Ключевые слова: лексика, говоры, профессионализмы, концептуальная область.

Лексика промыслов и ремесел, бытующая в народных говорах, представляет интерес для лингвистов в самых различных аспектах – оно-масиологическом, структурно-семантическом, деривационном, функциональном (см. [1]).

По наблюдениям И. А. Подюкова, «носители промысловых субкультур – почти всегда лица, отличающиеся особым типом сознания, характеризующиеся особыми этическими нормами поведения, что непосредственно выражено в промысловой речи и в характерных для субкультуры жанрах фольклора и обрядности. Отдельная промысловая субкультура является специфической культурной подсистемой, которая своими нормами и традициями, жизненными установками существенно воздействует на стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей» [2. С. 86].

В настоящей статье на материале недавно увидевшего свет «Словаря русских говоров Южного Прикамья» рассмотрим, какие группы профессионализмов служат средством вербализации концептуальной области «Промыслы и ремесла».

Отметим, что к промыслам относят обычно такие традиционные занятия крестьян, как охота и рыболовство. В рассматриваемом словаре для них существуют особые пометы – «охот.» и «рыбацк.». Актуален для Прикамья также такой вид промысла, как лесозаготовки и лесосплав.

Названия лиц по профессии в составе промысловой лексики составляют немногочисленную группу (**мульщик** – сплавщик леса): «Раньше муль гнали. Лес валят зимой, спускают на реку, мульщики на катерах бревна гнали, лес идет. А за мулью баржа идет, защищают берега» [4. С. 112].

По-разному представлена в охотничьей и рыболовецкой лексике тематическая группа «Орудия и инструменты». Если у охотников

назван лишь **самострел** (ружье для охоты на хищного зверя, установленное у приманки), то у рыболовов имеются многочисленные наименования, в частности, **наплав** (большой поплавок на сети), **частуха** (частый бредень), **сак, ряж, портяник** (самодельная сеть из редко вытканного полотна), **пожилина** (тонкая веревка, к которой крепится рыболовная сеть), **недотка** (небольшая сеть): «Чтобы охотиться на медведя, придумывали раньше такой способ. Ружье ставили – самострел называется» [5. С. 68]; «Эти края были наплава, а эти грузила, чтобы тонула сеть-то» [4. С. 151]; «Рыбы-то у нас раньше много было, дак мы ее частухой затягивали» [5. С. 339]; «Саком рыба бачили. Был большой сачок из пробеленных ниток, когда лен делали» [5. С. 65]; «Ряж – это идут сантиметров десять такие квадраты, чтоб запутывалась рыба больше, чтоб она больше оставалась» [5. С. 59]; «Портяник возьмут, вот и бродят по реке» [4. С. 415]; «Вот к пожилине-то и крепятся дель и режь» [4. С. 377]; «Такая мержа есть, недотка по нашему называлась» [4. С. 177].

Отражена в словаре и лексика достаточно редких промыслов, например, сбора смолы. **Облев** – так называли смолу сосны, которую собирали и использовали в хозяйственных целях: «Облев собирали воронками с сосен» [4. С. 203].

Лексика ремесел (пчеловодство, прядение, ткачество, животноводство, земледелие) имеет в исследуемом словаре помету «спец.» – специальное. Наиболее обширную группу представляет собой пчеловодческая лексика, детально описывающая весь процесс медосбора. В ней детально рассмотрены:

1) части улья (**порог** – нижняя часть улья, **полик** – доска на днище улья, **бортовое отверстие** – отверстие в улье, через которое достают мед): «Внизу в улье-то дно располага-

ется, его еще порог называют, он внизу, там в улье» [4. С. 413]; «Выставка, дак много хлопот. Ульи прочистить надо, полки – такие снизу доски, их даже выскоблишь» [4. С. 288]; «Делают бортовое отверстие, мед добывать» [4. С. 251];

2) ролевая иерархия пчел (**сепараторница** – молодая пчела, не участвующая в сборе нектара, перерабатывающая свежий мед; **сиделка** – пчела, ухаживающая за маткой; **разведчики** – пчелы, ищущие места для сбора нектара и пыльцы, подыскивающие место для нового роя): «Сепараторницы – это молодые пчелы, на крыло слабые. Они больше вентилируют улей, дней восемь, может» [5. С. 101]; «Насиделась сиделка и больше не хочет сидеть. Понятно, надо бежать ведь им» [5. С. 107]; «Есть рабочие пчелы, есть охрана. Рабочие летают за этим, есть разведчики – те ищут мед. Вот такая система-то» [5. С. 9];

3) названия пчелиных группировок (**пороек** – выходящий не первым, некрупный рой; **подроек** – небольшой рой, отделившийся от основного; **обновка** – первый рой): «Рой первый выйдет, а потом еще рои идут, поройки» [4. С. 414]; «Когда пчелы роятся – это рой. Если маточников много, там пчелы выделяют, и уже стаёт подроек» [4. С. 369]; «Обновка, дак это значит, когда у пчелы появляется новая семья» [4. С. 207];

4) важные события жизни пчел (**сечка** – драка между пчелами, **облёт** – первый вылет пчел): «Драки-то между пчелами бывают, а как нет, это называется сечка» [5. С. 105]; «Пчел много народится из ячеек. Вылетают знакомиться с местностью. Это называется облёт» [4. С. 204];

5) приспособления, используемые в пчеловодстве (**решетник** – приспособление в виде пластины с отверстиями, которое крепится к летку улья; **роёвня** – ловушка для пчел; **привойник** – приспособление для приманивания вылетевшего роя): «Надо было зарешетить. Ну такие вот есь пластинки, где леток-от, пластинку такую ставишь для решетника. Мать не проходит, а пчелы проходят, чтобы рой не вышел» [5. С. 38]; «Роёвни делали, пчелы-то роятся, ловить надо» [5. С. 43]; «Разные привойники делают. Я вот столб обожгу и ставлю. Или шест обобьёшь старым полотном» [4. С. 440];

6) названия действий, образующих процесс ухода за пчелами (**подрезка** – срезание воска с сот; **подсилять** – добавлять в слабый рой

пчел из сильного роя; **обдымить** – обработать дымом): «В прошлом году подрезкой меда занимался, дак много меда собрал» [4. С. 369]; «Если рой слабый, садишь в него пчел из другого улья – подсиляешь» [4. С. 371]; «Кладешь пчел в полотно, когда дымарем обдымишь» [4. С. 199].

Плотничное ремесло отражено в словаре лишь с помощью лексем, называющих используемые в нем инструменты (**наструг** – большой длинный рубанок; **тесла** – тесло, инструмент для тесания): «Алеша, принеси-ко наструг – длинный рубанок» [4. С. 162]; «Инструментина специальная была, тесла, это выбирать колоду под гроб» [5. С. 225].

Немногочисленны в исследуемой группе и лексемы, связанные с такими процессами, как, например, кладка печей (**распорщик** – человек, который следит за щитами и распорками во время кладки печи; **лежанка** – повороты для удержания тепла в кладке дымохода; **подтуга** – жидкий слой глины, используемый как стяжка при кирпичных работах, **опечек** – деревянная основа русской печки): «Пока мужики колотят, распорщик щиты придерживает» [5. С. 23]; «Чтоб тепло не сразу в трубу, делали лежанку, в трубе-то с поворотами шахту выкладывали» [4. С. 14]; «Когда кладешь печку, делаешь подтугу из глины, разводил и заливаешь» [4. С. 273]; «Опечек, досками окорвано было» [4. С. 238].

Таким образом, лексика промыслов и ремесел образует особую концептуальную область языкового сознания русских жителей южного Прикамья. Средством вербализации данной концептуальной области выступают различные тематические группы лексики (пчеловодческая, охотничья, рыбацкая). Наиболее яркую репрезентацию в исследуемом материале получает инструментальная часть профессиональной лексики, образуемая названиями орудий и инструментов. Названия лиц, участвующих в промыслах или занимающихся ремеслами, составляют лишь малую ее часть.

Список литературы

1. Маринин, А. В. Лексика промыслов и ремесел в говорах Вадского района Нижегородской области : дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2011. 466 с.
2. Подюков, И. А. Мифопоэтический аспект промысловой традиции Прикамья // Вестн. Перм. гос. соц.-пед. ун-та. 2013. Вып. 3. С. 85–95.

3. Словарь русских говоров Южного Прикамья / под ред. И. А. Подюкова. Вып. 1. Пермь, 2010. 456 с.

4. Словарь русских говоров Южного Прикамья / под ред. И. А. Подюкова. Вып. 2. Пермь, 2012. 502 с.

5. Словарь русских говоров Южного Прикамья / под ред. И. А. Подюкова. Вып. 3. Пермь, 2012. 502 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 133–135.

Н. С. Скрипичникова

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СОСТАВЕ ПРОФЕССИОЛЕКТА

В статье рассматривается лингвистическое понятие «устойчивый словесный комплекс» применительно к сфере профессиональной коммуникации. Анализируется содержательный объем термина, определяется специфика его использования при анализе профессиолекта сотрудников правоохранительных органов, дается характеристика устойчивых единиц.

Ключевые слова: *устойчивый словесный комплекс, фразеологизм, крылатое выражение, профессиональная коммуникация, профессиолект.*

В языковой картине мира любого формата – национальной, корпоративной (групповой), индивидуальной – выделяются наиболее значимые фрагменты. Как правило, они находят свое воплощение в устойчивых словесных комплексах (УСК) – единицах, которые запечатлевают значительный объем информации в относительно небольших формах. Устойчивый словесный комплекс как языковая единица выполняет важные номинативные, экспрессивные и стилистические функции.

Термин «устойчивый словесный комплекс» появился в 60-е гг. XX в. Он был предложен представителями самаркандской фразеологической школы и успешно применялся в исследованиях памятников древнерусского и старорусского языка Л. А. Гараевой, И. В. Петровой, М. А. Коротенко и др. (см., например, [1; 3]).

В нашей работе под устойчивым словесным комплексом понимается «соединение двух или более компонентов словного характера, построенное по известным законам языка, которое обладает постоянством семантики, воспроизводимостью и устойчивостью лексического состава и грамматической структуры при допустимом варьировании в определенных пределах» [6; 3. С. 5]. Мы включаем в их состав

сверхсловные единицы с идиоматическим значением и без него.

Из всех терминов, относящихся к фразеологии, данный термин является наиболее удачным, поскольку «ориентирован на сущностные стороны фразеологизма (устойчивость, неоднословность), однозначен и подчеркнуто лингвистичен, лишен отвлекающей коннотации и достаточно емко, чтобы служить родовым обозначением всех объектов фразеологии» [4. С. 21]. В категории УСК в соответствии с таким пониманием объединяются словесные образования разной степени устойчивости и различных синтаксических структур: фразеологизмы, поговорки, афоризмы, речевые клише, крылатые выражения и т. д.

Исходя из широкого подхода к фразеологии, изложенного в работах В. Л. Архангельского, И. И. Чернышевой, Н. М. Шанского, С. Г. Шулежковой и др., основными дифференциальными признаками УСК следует считать: раздельноформленность, воспроизводимость, устойчивость компонентного состава и семантики, а также следует учитывать ряд дополнительных признаков, таких как наличие метафорического значения (образность), синонимичность слову.

В центре внимания данной работы находятся устойчивые словесные комплексы, пред-

ставленные в речи сотрудников правоохранительных органов. Рассматривая УСК в профессиональной коммуникации, и прежде всего устной, мы исследуем широкий пласт профессионально-маркированной лексики в рамках данного профессионалекта.

В профессиональной коммуникации, как известно, получают отражение специфические механизмы восприятия и оценки мира представителями той или иной профессиональной общности. Будучи частью психической реальности, языковая картина мира профессионалов выступает контекстом их познавательной и практической деятельности и образует относительно адекватное представление о мире [2].

Под профессионалектом мы понимаем устную разновидность языка, которая используется в повседневном общении людей, объединенных общей профессиональной деятельностью. Единицы профессионалекта служат для обозначения предметов, процессов, явлений и отношений, значимых в данной социально-профессиональной среде. УСК, функционирующие в составе профессионалекта работников правоохранительных органов, не только отражают особое восприятие ими действительности, но и во многом формируют его, поэтому их изучение позволяет проникнуть в структуры сознания и понять, каким образом представляется человеку (и в целом группе) окружающий мир.

Говоря о фразеологизмах как об одной из разновидностей УСК, мы характеризуем их в соответствии с семантической квалификацией В. В. Виноградова, которая занимает особое место в языкознании. Эта классификация, разработанная на основе идей А. А. Шахматова с учетом результатов исследований Ш. Балли, собственно, и дала начало основам фразеологии как лингвистической дисциплины.

В своей устной профессиональной коммуникации полицейские используют как общепотребительные, так и профессионально маркированные единицы (см. [5]). В их среде, в частности, активно функционируют общеизвестные фразеологические сращения: *бить баклуши, попасть впросак, сломя голову, точить лясы, с бухты-барухты, из рук вон, досталось на орехи* и др.; фразеологические единства: *зайти в тупик, бить ключом, плыть по течению, держать камень за пазухой, брать в свои руки, прикусить язык, получить по шее* и др. Из фразеологических сочетаний (которые включают в себя компоненты со свободным и связанным значением) в качестве примера назовем *злчное место*.

Для профессионалекта полицейских, безусловно, характерны и специфические фразеологизмы, такие, например, как: *стряпать дело (шить дело), повесить убийство, взять с полочным, списать глухаря, брать хату, повязать вора, без ансамбля* и т. д. В целом для профессионалекта сотрудников правоохранительных органов из трех основных разрядов фразеологических единиц наиболее актуальны фразеологические единства, которые воспринимаются как языковые метафоры: *железные браслеты* – наручники; *мокрое дело* – убийство. Некоторые из них имеют выраженную эмоционально-экспрессивную окраску: *штабная крыса, честь мундира, опозорить мундир* и др.

Другую большую группу в составе профессионалекта сотрудников правоохранительных органов образуют крылатые выражения [6]. Источниками большинства единиц являются кинофильмы и песенные тексты. Одним из ярких примеров может служить культовый фильм конца 1980-х гг. «Место встречи изменить нельзя», познакомивший обывателя с работой милиционеров. Выражения, ставшие крылатыми, благодаря этому фильму, сегодня активно используются в устной профессиональной коммуникации полицейских: *«Есть подозрение, мил человек, что ты стукачок»*, *«Ну и рожа у тебя, Шаранов!»* (обычно используется в шуточной форме, например, если человек плохо выглядит после дежурства), *«А пистолет, Володя, перевесит все другие улики...»*, *«Вор должен сидеть в тюрьме!»* и т. д.

Многие крылатые выражения в среде полицейских выступают стереотипным языковым оформлением повторяющихся ситуаций, например: *«Тамбовский волк тебе товарищ»* (обычно используется в диалогах следователя с подозреваемым; имеет резко отрицательную коннотацию); *«А был ли мальчик?»* (в ситуациях, когда появляется что-то непонятное в деле, пропадает улика или возникает сомнение по поводу существования улики, свидетеля и т. д.); *«Ба! Знакомые все лица»* (носит крайне ироничный характер; произносится следователем при виде задержанного рецидивиста и подразумевает, что рано или поздно преступник оказывается пойманным); *«Сесть я всегда успею»* (типичный ответ на предложение сесть/присесть на стул). В отношении последней единицы отметим, что слово «сесть» в общении полицейских имеет ярко-негативную окраску («сидят» осужденные), поэтому среди своих бытует другое обозначение – «присаживайтесь».

Частотностью употребления в общении сотрудников правоохранительных органов отличаются выражения: «*А воз и ныне там*» (при оценке положения дел, когда видимых сдвигов нет), «*А ларчик просто открывался*» (суть дела была в простом и незамысловатом решении). Крылатая единица *бальзаковский возраст* (*бальзаковская женщина*) активно используется в профессиолекте полицейских при описании разыскиваемого человека (женщин от 30 до 40 лет).

Использование устойчивых выражений значительно облегчает коммуникацию в профессиональной среде, поскольку для каждого ее участника понятно их значение. Отметим ряд единиц, характерных для общения полицейских: *бабки сшибать* (зарабатывать деньги легким трудом, без напряжения), *бабушка надвое сказала* (о непредсказуемости предполагаемого результата), *баи на баи* (бартерный обмен), *без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек* (о важности документов).

Таким образом, УСК, функционирующие в пределах профессиолекта, являются значимым объектом лингвистического изучения, включающим в себя широкий спектр устойчивых единиц различной семантики. Их анализ позволяет судить о мотивах, ценностях соответствующей профессионально-корпоративной среды и типичных особенностях речевого поведения ее представителей.

Список литературы

1. Гараева, Л. А. Устойчивые словесные комплексы древнерусских воинских повестей XII – начала XVII в. (структурный и идеографический аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 1997. 220 с.
2. Гуреева, Е. И. Разновидности специальных обозначений в современной спортивной терминологии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. С. 71–73.
3. Коротенко, М. А. Устойчивые словесные комплексы как материал для воссоздания языкового портрета Ивана Неронова, одного из лидеров раскола русской церкви XVII столетия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2006. 23 с.
4. Хроленко, А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981. 163 с.
5. Шестак, Е.И. Профессионально маркированные фразеологические единицы в когнитивно-коммуникативном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 22 с.
6. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Челябинск, 1995. 222 с.

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ И ДИНАМИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ

В. Э. Будейко

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕРМИНОВ В ИССЛЕДОВАНИИ АЛФАВИТНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Статья посвящена поискам теоретически обоснованных терминов для явления в русском языке, связанного с азбучной, алфавитной деривацией. Рассмотрение термина «деривация» основано на традиционных методах сравнительного языкознания и некоторых приемах и методах структурализма и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: азбука, алфавит, буква, русский язык, дериват, деривация, термин, текст.

В предлагаемой статье содержатся идеи, преследующие цель эффективного усвоения современной наукой понятий, не отягченных новой терминологией, и хотя мы согласны с Е. Куриловичем, что при этом может несколько страдать научная строгость, однако европейская история языкознания свидетельствует, что «прежде чем слово *фонема* закрепилось в качестве рабочего термина, Бодуэн де Куртене, Есперсен, Сепир, Джоунз и другие подготовили для этого почву, говоря о звуковых представлениях, звуках-типах, звуковых моделях (sound-patterns) и т. д.» [2. С. 21]. Подобным образом поступим и мы, используя в самой малой мере деятельное лингвистическое терминотворчество.

Предложим начальную аналогию как рабочую гипотезу в наших рассуждениях. Так, если грамотные люди в XIX в. знали обязательный список с «ятем» в корнях и других морфемах, то этот список обязательных написаний (орфограмм) был, находился, работал в их оперативной памяти, помогая в процессе реализации русской письменности, и таким образом грамотные люди его активно могли использовать. Иными словами, названный список, перечень осуществлялся в текстах чаще, нежели у тех, кто этого списка не знал, не пользовался им.

При сравнении большого количества русских текстов XIX и конца XX в. обнаруживается очевидная разница в производстве новых слов и использовании прежних слов, в которых используется «ять» по правилам исторического русского правописания. Объяснений этому явлению нетрудно подыскать. Некоторые из них позволим себе перечислить: а) орфография влияет на язык (текст) в семиогенезе, в своем символическом аспекте, то есть речь идет о

написанных, зримых знаках, используемых в русском письме; б) определенная культурная форма орфографии, не оторванная от исторической традиции, сохраняется в реализуемой письменности до тех пор, пока присутствует в этой культурной традиции прежняя совокупность письменных знаков (азбука, алфавит).

Аналогия нам подсказывает несложную гипотезу, что если знаки, письменно реализуемые морфемы и т. п. атрибуты письменности способны влиять на словопроизводство, то и сам перечень письменных знаков может и оказывает непосредственное влияние на появление новых знаков. И действительно, такое явление на наблюдаемых уровнях русского языка (надеюсь, что подобное возможно и в других языках) нами обнаружено и засвидетельствовано в материалах грамматологических тематических словарей. Речь идет о явлении, которое в довоенное время определил польский филолог Е. Курилович. Это явление на лексическом и синтаксическом уровне он назвал деривацией.

Деривация, -и, *ж.р.* (лат. *derivatio, f.* отведение, отвод) возможен и рус. синоним «словопроизводство», однако проблема не только в таком строго понимаемом словопроизводстве, как это имеет место в традиционном языкознании. Проблема деривации стояла на повестке дня VI Международного лингвистического конгресса (Париж, июль 1948 г.), где обсуждались синтаксические основания деривации и проблема семантических элементов и структур [2. С. 14]. В статье 1949 г. «Лингвистика и теория знака» Е. Курилович писал: «термин *деривация*, обозначающий отношение *нейтрально-негативное* : *позитивное* используется в пределах одной оппозиции (например, *château* : *châtelet* «замок» : «маленький замок»)

и таким образом точно соответствует термину *корреляция*, употребляемому в фонологии (например, [p] глухое : [b] звонкое)» [2. С. 10]; при этом «нейтральный (негативный) член является определяющим (definiens), а позитивный – определяемым (definiendum)» [2. С. 16].

В 1949 г. в статье «Понятие изоморфизма» Е. Курилович замечал: «Следует строго отличать отношение деривации, существующее между λείπω «оставляю» и ἀπολείπω «расстаюсь», являющееся отношением формального и семантического порядка, от чисто формального отношения, связывающего λείπω как обоснованную форму с обосновывающей формой преверб + λείπω. В цитированной выше статье («О природе так называемых «аналогических» процессов» [2. С. 92–121]) мы предположили, что так называемые изменения «по аналогии» протекают в определенном направлении, а именно – от обосновывающей формы к обоснованной. Эта рабочая гипотеза, подтвержденная практическими результатами, имеет, очевидно, теоретическое значение и позволяет нам делать выводы о фактах обоснованности, то есть о структуре системы» [2. С. 27]. И там же определено: «Классы (вероятно, как части речи) связаны между собой процессами деривации. Эти процессы бывают двух типов: исходное и производное слова могут относиться к одному и тому же классу или к различным классам, например, château : châtelet «зámок : маленький зámок» и blanc : blanchir «белый : белить». В первом случае можно говорить о семантическом различии (уменьшительность), во втором имеет место двойное различие: синтаксическое и семантическое. С одной стороны, blanc отличается от être blanc «быть белым» первичной синтаксической функцией (определение : именная часть сказуемого), с другой стороны, être blanc, хотя и идентично с blanchir по синтаксической функции, отличается от blanchir по семантическому содержанию. Чтобы от blanc прийти к blanchir, надо пройти два этапа:

blanc → être blanc
↓
blanchir

Здесь имеет место горизонтальный – синтаксический – сдвиг и вертикальный – семантический. То же самое верно для отношения существительное : производное прилагательное, например, printemps «весна» и printanier «весенний».

printemps → de printemps «весенний
(происходящий весной)»
↓
printanier

Семантическое различие между de printemps и printanier налагается на различие синтаксического плана между printemps и de printemps.

Однако отношения между исходным и производным словами не всегда столь просты. Для blanc и blancheur существуют две промежуточные стадии, так как сдвиг разлагается следующим образом:

blanc → être blanc → le fait d'être blanc
«бытие белым»
↓
blancheur

Иначе говоря, чтобы образовать абстрактное существительное от соответствующего прилагательного, необходимо пройти через именную часть сказуемого и имя действия, что, впрочем, не оказывает никакого влияния на форму производного [V. Réponses au questionnaire du VI-e Congrès International de Linguistes, Paris, 1948]. Из этих примеров видно, что горизонтальный сдвиг выражается с помощью флексии исходного слова, а процесс собственно деривации состоит в вертикальном изменении. Это становится еще яснее на примере языков «синтетических», скажем русского:

белый → бел или весна → весны
↓ ↓
белеть весенний

Изменение класса (части речи), проиллюстрированное последними примерами, объясняется изменяемостью синтаксической функции» [2. С. 29–31]. Через несколько страниц Е. Курилович в этой же статье 1949 г., указывая на сходство фонетической и лексической системы, писал: «Изоморфизм между двумя планами заставляет нас ожидать сходных отношений между элементами группы согласных. В греческом имеются начальные группы στρ-, στλ-, σκλ-, σκν-, которые могут сокращаться до τρ- и т. д., но никогда до *σρ-, *σλ-, *σν-. Отсюда вытекает, что в στ-, σκ- конституирующими членами являются взрывные, а второстепенными – σ. Во всяком случае στ-, σκ- образуют относительные единства внутри групп στρ-, στλ-, σκλ-, σκν-. Это подтверждается, как нам кажется, отношением σκ-, σχ- → ξ; σπ-, σφ-, σβ- → ψ, где ξ, ψ являются как бы «сложными словами», построенными на базе «синтаксических групп» σκ-, σπ-.

Аналогичное рассуждение может быть проведено для начальных групп из трех согласных

индийского или латинского. В индийском отношении *kr-, gr-, ghr- → skr-*, где после *s-* уничтожаются артикуляционные различия, позволяет нам говорить о «деривации» *skr- < kr-, gr-, ghr-* (ср. также *k-, g- → sk-, kh-, gh- → skh-*), иначе говоря, о второстепенной роли *s-* в *sk(r)-* и т. д. Со своей стороны *sk-, skh-* (где сохранилось противопоставление «непридыхательный : придыхательный») обосновывают «сложное слово» *ks-»* [2. С. 33]. Очевидно замечание, подтверждающее и характеризующее деривацию как формальное приращение знаков на осуществляющихся языковых уровнях (слог : слово) и возможных соответствующих (письменный знак : комбинация письменных знаков).

И наконец, в раннем специальном исследовании 1936 г. он же разрабатывает общую идею деривации, которая может быть обнаружена достаточно широко в структурном плане

и на лексическом (семантическом) и на синтаксическом уровне [2. С. 57–70].

Так в истории нашего языковедения термин *деривация* подходит по применимости к грамматологическому материалу для собственного нашего исследования, где буквы-знаки порождают слова (с синтаксическими типами: эпитеты, тропы, антропонимы), словосочетания (аббревиатуры, фразеологизмы), предложения (высказывания) и тексты.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Деривация / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 129–130.
2. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / под общ. ред. В. А. Звегинцева. М., 1962. 456 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 138–140.

Н. Н. Зеркина

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Рассматривается процесс фразеологизации как языковой феномен и эффективный способ терминообразования в английском языке. Автор объясняет возможность узуализации фразеологической модели «прилагательное + существительное» и прогнозирует дальнейшее появление подобных терминов.

Ключевые слова: терминообразование, фразеологизация, фразеологическая единица, фразеологическая модель.

В классическом понимании термины представляют собой класс нейтральной лексики, имеющей ограниченную сферу употребления и не обладающей переносным значением. Однако наблюдения над современными процессами терминопроизводства наводят на мысль об интеграции терминологических и фразеологических средств.

В речевой практике постоянно происходит процесс стабилизации и закрепления относительно устойчивых словесных комплексов, то есть процесс фразеологизации – переосмысления исходного словосочетания, основанный на метафоре, метонимии, гиперболе, алогизме и т. д., в ходе которого происходит семантическое преобразование слова в компонент фразеологизма.

Процесс фразеологизации может быть рассмотрен как эффективный способ терминообразования в английском языке, а фразеология – как постоянный и неизбежный источник пополнения терминологической лексики.

Фразеологический характер терминообразования свидетельствует об особом типе языкового освоения действительности. Будучи продуктивным способом создания терминов, фразеологизация базируется на различных метафорических и метонимических переносах.

К фразеологическим единицам терминологического характера относятся фразеоматизмы, то есть устойчивые обороты с непереосмысленным, но осложненным значением, с частично транспонированным значением, с

суженным (*red bead tree*), расширенным (*white bread*) или сдвинутым (*a Green Paper – pravidельственный консультационный документ по вопросам иммиграции, налогов и социальных пособий*) по объему значением.

Как отмечает А. В. Кунин, «для фразеоматизмов характерно наличие значения, которое уточняет значение компонентов переменного словосочетания, являющегося прототипом фразеологизма, причем буквальное значение компонентов входят составной частью в значение оборота в целом и являются его внутренней формой. Прибавочно-оценочное значение является более узким по сравнению со значением прототипа фразеологизма» [1. С. 327]

Однотипность единиц (прилагательное+существительное), свойственная рассматриваемому виду фразеологизмов (*a Green Paper/ a White Paper*), позволяет говорить о наличии фразеологической модели терминологического характера, которая может быть рассмотрена и как своеобразный «механизм», и как его отражение в сознании. Данная обобщенно-абстрактная логико-семантическая конструкция представляет собой инвариант семантических констант.

Терминологический характер фразеологических единиц (ФЕ), построенных по типовым моделям, предполагает их активное функционирование в дискурсивной практике и широкие возможности узуализации, то есть приобретение данным фразеоматизмом свойства воспроизводимости. И как следствие, в семантическом плане происходит формирование лексико-фразеологического понятия, которое фиксируется в языковом сознании и определяет функционирование фразеоматизма в речевой деятельности.

Согласно утверждению Н. Н. Репниковой, предпринявшей специальное исследование, становление фразеологической модели с компонентом прилагательным цвета «можно отнести к началу XIV века, так как первое письменное упоминание большей части ФЕ данной группы датируется этим веком. Чаще всего это предметы домашнего обихода, названия растений, животных (*white/ red wine; white/ red/ black game* и т. д.) [2. С. 93]. В ряде ФЕ рассматриваемой группы компонент прилагательное цвета употребляется для того, чтобы оттенить ту или иную сторону какого-либо явления (*black/ white frost; white harvest; white/ black squall*).

Автор замечает: «Существовавшая уже в среднеанглийском языке данная фразеологи-

ческая модель является очень продуктивной на протяжении всего развития языка. Но в количественном плане особо выделяется XVII век, что можно объяснить развитием естественных наук, которое сопровождалось необходимостью создания «доступной» терминологии, которой можно было бы пользоваться в публицистике, разговорной речи, то есть необходимы были слова и выражения, которые бы давали представление об объекте в доступной форме» [2. С. 94].

Лексико-прагматическая функция фразеологических единиц – заполнение лексических лагун, так как у подавляющего их большинства нет лексических синонимов. При реализации таких оборотов в речи важен факт обозначения объекта, а не стилистическое использование фразеологизма.

Признак с большей или меньшей ясностью мотивирован, но носит весьма условный характер, поскольку ни в коей мере не отражает существенной характеристики предмета. Этот вывод можно сделать при сравнении ряда фразеологизмов терминологического характера:

White/ black/ red game; white/ red blood cells; Red/ Black/ White Sea
a Green Paper/ a White Paper; white meat, white fish

Хотя термины и являются особой разновидностью лексических единиц, но даже приобретаемая фразеологичность, с течением времени они могут изменяться, развивать новые значения, вступать в синонимические отношения (*Black Book - Black List; white-collar worker - a white tie affair; black-coated worker - blue-collar worker*).

Процесс изменения и приобретения нового значения можно проиллюстрировать на примере фразеологизма *red rag* – язык – сленговое выражение; что-либо, что вызывает ярость. *Red rag* является дериватом фразеологической единицы *to be like a red rag to a bull*.

Интересным представляется рассмотрение фразеологических сращений, где компонент прилагательное входит в разряд «бывших слов». Их характерной особенностью является смена денотатов, обозначающих буквальное значение, в котором они также являются терминологическими единицами. Переносное значение данные единицы получают в результате семантического переноса, который сопровождается тем, что прилагательное теряет не только свое номинативное значение, но и приобретает семы, потенциально не заложенные в

его семантике. Промежуточным звеном переосмысления являются факторы экстралингвистического порядка: общественная практика, обычаи (*a white elephant; a black sheep; a red herring; a black eye*).

Утрата потенциальных сем номинативного и номинативно-производного характера и приобретение новых сем способствует тому, что повышается фразеологическая активность и валентность фразеологической единицы.

Среди единиц данной группы может наблюдаться явление семантического сдвига, при котором компонент прилагательное сохраняет свое номинативное значение, приобретая семы терминологического характера: *White House, Blue Book, Blue/ White/Yellow Pages*.

В современном английском языке появляются словосочетания данной модели (прилагательное + существительное), которые пока еще не фиксируются словарями как фразеологизмы, но обладают всеми необходимыми признаками. Например, *black hole(s)*. Не все авторитетные словари, и в частности *The Oxford English Dictionary*, пока еще фиксируют значение данного словосочетания как «неизвестные, неизвестные, гипотетические объекты» [3].

Другое словосочетание – *white goods* – фиксируется словарями, но без помет «фразеологизм». *White goods* – бытовая техника. Употребление прилагательного мотивировано

тем, что большая часть бытовой техники белого цвета, но, как показывает практика, белый цвет бытовой техники уже широко заменяется дизайнерами другими цветами с целью создания желаемого эффекта, данное словосочетание приобретает оттенок терминологичности, а компонент-прилагательное *white* из ряда реальных слов фразеологической единицы имеет все шансы стать «бывшим» словом.

Таким образом, термины, образованные по модели «прилагательное + существительное», могут являться результатом фразеологизации. По мере развития научного знания число подобных терминов в английском языке, по видимому, будет возрастать – за счет более широкого применения аналогии между различными объектами реального мира.

Список литературы

1. Кунин, А. В. *Курс фразеологии современного английского языка*. Дубна, 2005. 488 с.
2. Репникова, Н. Н. *Семантика прилагательных цвета и ее отражение во фразеологии языка новоанглийского периода* (на примере прилагательных *black, white, red*): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 163 с.
3. *The Oxford English Dictionary. Vol. II. Oxford, 1989. 1078 p.*

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 140–143.

Н. Н. Костина

О ТЕРМИНАХ-АББРЕВИАТУРАХ В ДИСКУРСЕ СЕРВИСА И ТУРИЗМА (на примере английского языка)

Статья посвящена тематическому структурированию терминов-аббревиатур как элементов дискурса сервиса и туризма. Автор описывает концептосферу и формулирует общие принципы кодификации терминов-аббревиатур, функционирующих в названном дискурсе.

Ключевые слова: термины-аббревиатуры, профессиональный дискурс, дискурс сервиса и туризма.

Изучение аббревиатур на уровне профессионального дискурса позволяет раскрыть их интернациональную и национальную специфику как комплексных знаков, отражающих

исторические, философские, социальные и культурные факторы формирования и самих аббревиатур, и дискурса, в котором они функционируют. Дискурс можно рассматривать как

использование языка «для выражения особой ментальности», не случайно для каждого дискурса характерна активизация некоторых черт языка, особая грамматика и правила лексики, что в целом создает «особый ментальный мир» [2. С. 38].

Специфика терминов как номинативных знаков обусловлена тем, что они создаются для обозначения предметов, явлений, отношений, коммуникативно и когнитивно значимых лишь в определенном семиотическом пространстве – пространстве той или иной профессиональной деятельности. «Только в рамках профессиональной сферы термины обладают системностью, проявляют свои конститутивные ориентирующие свойства и выполняют множество возложенных на них функций» [1. С. 52].

Рассматривая аббревиатуру как онтологический объект социальной реальности, элемент терминосистемы дискурса сервиса и туризма, необходимо акцентировать внимание на ее лингвопрагматичности.

Ситуативная сфера, предполагающая осуществление аббревиацией лингвопрагматических функций в дискурсе сервиса и туризма, ограничивается нормами речевого поведения, обычаем, ритуалом. Показатели содержательного уровня аббревиатур отражают специфику ее экстенционала и интенционала, формируя функционально-семантическое представление данного языкового знака.

Как отмечают исследователи, редукция субъекта в современном дискурсе препятствует пониманию коммуникативных процессов. В связи с этим возникает необходимость в создании своеобразной лингвотуристической вертикали – теории аббревиации на уровне дискурса сервиса и туризма с позиций субъектно-ориентированного подхода. Другими словами, возникает необходимость управления процессом образования терминов-аббревиатур сферы сервиса и туризма и их лексикографической фиксации.

Известно, что английский язык является донором для других языков в процессе развития вокабуляра сервиса и туризма. Например, не только в англоговорящих странах можно встретить аббревиатуру *HV (Holiday Village)*, представленную двумя категориями *HV-1* и *HV-2*. Речь идет о комплексе отдельно стоящих бунгало или небольших корпусов, предназначенных для комфортабельного отдыха. Отели более высокой категории *HV-1* соответствуют уровню отеля 4–5* и часто имеют централь-

ную часть, где находятся магазины, развлечения и рестораны. Они отличаются хорошей анимацией и благоустроенной территорией. *HV-2* – отели более низкой, 2-й категории, характеризуются меньшим набором бесплатных услуг. Данные аббревиатуры являются международными.

Сам английский язык в основном прибегает к собственным словообразовательным и семантическим ресурсам. Например, *APT (apartment)* – тип номеров, имеющих помимо зоны проживания, зону, оборудованную кухонным уголком, с набором посуды, электроплитой, чайником, часто без питания. Из данной аббревиатуры образовались следующие вариации: *1 APT* – апартаменты с одной спальней; *2 APT* – апартаменты с 2 спальнями.

Аббревиатуры могут быть смешанными по происхождению, как, например, *B&B*, где & представляет собой «наследство» из латинского языка: & (“*et*”) – «и». Авторство этого знака принадлежит помощнику Цицерона, Марку Туллию Тирону, придумывавшему сокращения, часть из которых сохранилась до наших дней [1. С. 28].

В Греции до сих пор класс отелей обозначается с помощью латинских букв: *De Luxe* соответствует отелю 4–5*; *A* – отелю 3–4*; *B* используется для обозначения отеля 2–3*; *C* аналогичен отелю 1–2*.

Совокупность аббревиатур в дискурсе сервиса и туризма, позволяет судить о структуре соответствующей концептосферы. Анализ показал, что данная концептосфера представлена макрополями, распадающимися на более частные группы – микрополя:

- типы размещения в отеле, например: *SNGL (single)* – одноместный номер; *DBL (double)* – двухместный номер с одной большой двуспальной кроватью либо с двумя отдельными кроватями (*double twin*); *TRPL (triple)* – трехместный номер (обычно две кровати + дополнительное место). *QDPL (quadriple)* – четырехместный номер. *BO (bed only)* – размещение без питания;

- типы корпусов: *MB (main building)* – основное здание; *NB (new building)* – новый корпус; *BGLW (bungalow)* – бунгало, т. е. отдельная постройка, используемая для размещения туристов, часто предлагается в тропических и южных странах;

- типы номеров, например: *STD (Standard)* – стандартный; *STE (Suite)* – состоящий из двух комнат – спальни и гостиной;

- типы питания, например: **B&B (bed & breakfast)** – завтраки в отеле проживания, дополнительное питание – за отдельную плату в ресторанах и барах отеля. Различают следующие виды завтраков: **HB (half board)** – полупансион, при котором в стоимость проживания в отеле включен завтрак и ужин или завтрак и обед (шведский стол), напитки за обедом и ужином, как правило, в стоимость не входят; **FB (full board)** – полный пансион, т. е. завтрак, обед и ужин (шведский стол), напитки – за дополнительную плату; **FB+, EXTFB (full board +, extended half board)** – расширенный полный пансион, а именно: завтрак, обед и ужин (шведский стол), напитки местного производства за обедом и ужином входят в стоимость, в остальное время – за дополнительную плату;

- типы вида из окон номера, например: **BV (Beach view)** – вид на пляж; **CV (City view)** – вид на город; **DV (Dune view)** – вид на песчаные дюны; **GV (Garden view)** – вид на сад; **MV (Mountain view)** – вид на горы; **SF, FV (Sea Front, Front View)** – прямой вид на море; **SSV (Sea Side view)** – боковой вид на море;

- типы кроватей, например: **EXB (extra bed)** – дополнительная кровать; **DBL**- двухместный номер с одной большой двуспальной кроватью;

- возрастные ограничения: **ADL (adult)** – взрослый; **INF (Infant)** – ребенок в возрасте до 2 лет; **CHD (child)** – ребенок (как правило, с 2 до 12 лет, но в ряде отелей до 15–18 лет).

Изучение терминов-аббревиатур в дискурсе сервиса и туризма с точки зрения синтаксиса, фонетики, орфографии позволяет выявить некоторые закономерности и спрогнозировать динамику их дальнейшего развития.

Кодификация аббревиатур в рассматриваемом дискурсе происходит по следующим принципам:

- 1) традиционное использование заглавных букв английского алфавита возведено до уровня правила: **OV (Ocean view)** – вид на океан, **PV (Pool view)** – вид на бассейн, **RV (River view)** – вид на реку;

- 2) наличие цифр и знаков как единиц других семиотических систем выступает отличительной чертой данных аббревиатур: **4 PAX (quarter)** – четырехместный номер. **HB+ (half board +, extended half board)** – расширенный полупансион, т. е. завтрак и ужин (шведский стол), напитки за обедом или ужином входят в стоимость, но в остальное время приобретаются за дополнительную плату;

- 3) порядок букв и цифр строго синтаксически регламентирован: **1 BDRM (bedroom)** – апартаменты с одной спальней; **2 BDRM (bedroom)** – апартаменты с двумя спальнями;

- 4) фонетическая благозвучность может быть решающим фактором в выборе буквенно-цифровой комбинации для данных аббревиатур. Единицы, созданные с учетом фонетических законов, закрепляются в языке за счет уподобления слову, включаются в словоизменительную парадигму и словообразовательную систему (например, термин **BRIC**, выступающий аббревиатурой названий крупнейших стран: Brazil, Russia, India, China).

Приведенные выше примеры доказывают, что аббревиатуры сферы сервиса и туризма выступают информативно-кумулятивными единицами языка. Так, например, следующие аббревиатуры не только информируют, но и являются своего рода правилами, которым необходимо следовать: **Mini ALL (mini all inclusive)** – полный пансион с напитками местного производства (пиво, вино) не только во время еды, но в ограниченном количестве; **ALL, AI (all inclusive)** – «все включено», т. е. в течение дня предлагается не только завтрак, обед и ужин (шведский стол), но и алкогольные и безалкогольные напитки местного производства в неограниченном количестве; **UAL, UAI, UALL (ultra all inclusive)** – расширенный вариант предыдущего типа питания, отличающийся более широким ассортиментом блюд и напитков местного и импортного производства, а также набором дополнительных услуг.

Основными признаками аббревиатур дискурса сервиса и туризма можно считать тематическое структурирование, специфическое лексико-семантическое и стилистическое оформление.

Аббревиатуры в целом и данной группы в частности, не всегда являются «созданными искусственно из-за языковой экономии», они устраняют противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка. Термины-аббревиатуры английского языка являются лингвистическим стержнем дискурса сервиса и туризма и наглядно демонстрируют синергетику разных семиотических систем: цифровой, знаковой, буквенной.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика,

инструментарий // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2008. № 2. С. 51–54.

2. Ракитина, Н. Н. *Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе* : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 253 с.

3. Степанов, Ю. С. *Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности* // *Язык и наука конца 20 века* : сб. ст. М., 1995. С. 38–39.

4. *Oxford Dictionary of Abbreviations*. Oxford, 1998. 422 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 143–146.

Е. В. Милетова

ТЕРМИНЫ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование выполнено в рамках проекта «Российская и западноевропейская научная ментальность в зеркале языка (1945–2011 гг.): когниолингвистическое и лексикографическое моделирование языковой картины мира научно-инновационной и научно-производственной сфер (эволюционная динамика, внутриязыковые и межъязыковые корреляции)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2012–2014 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О.А. Алимуратов).

Статья посвящена анализу терминосистемы англоязычного искусствоведческого дискурса. Особое внимание уделяется терминам сферы искусства, образуемым с участием имени прилагательного. Результаты эмпирического анализа материала выборки позволяют выделить два типа терминов искусства: одноядерные и ядерно-периферийные.

Ключевые слова: *искусствоведческий дискурс, имя прилагательное, термин, ядерная область, периферийная область, терминосистема.*

На сегодняшний день существует множество подходов к изучению теории терминов. Некоторые ученые акцентируют внимание на функциональной составляющей того или иного термина [5] и рассматривают термины как «слова в особой функции» [3. С. 5]. Другие указывают на ряд четких критериев и свойств, имеющих у термина, к числу которых относят, например, точность, системность, эмоциональную нейтральность и др. [4]. Универсальную трактовку понятия «термин» встречаем у А. А. Реформатского: «Термины – это слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей [6. С. 110–111].

В фокусе нашего внимания находятся термины англоязычного искусствоведческого дискурса, зафиксированные в тематических текстах, посвященных изобразительному искусству и архитектуре.

Учитывая функциональные и содержательные особенности искусствоведческих текстов,

мы выделяем несколько основополагающих жанров: газетная статья, рецензия, обзор и анонс, каждый из которых имеет свою специфику и уникальность.

Взяв за основу семантическую классификацию терминов, предложенную О. А. Алимуратовым, М. Н. Лату, А. В. Раздуевым, согласно которой всякий термин имеет «ядерную область», на которую приходится основная понятийная нагрузка, и «периферийную область», сообщающую дополнительную семантическую информацию [2. С. 30], отмечаем, что во всех указанных жанрах присутствуют термины, однако их частотность варьируется.

Так, чаще всего термины используются в обзорах (33,6% в масштабах выборки). Приведем пример:

(1) *Rococo* which originated in early 18th century Paris, is characterized by soft colors and curvy lines, and depicts scenes of love, nature, amorous encounters, light-hearted entertainment, and youth. The word “rococo” derives from *rocaille*,

which is French for rubble or rock. *Rocaille* refers to the shell-work in garden grottoes and is used as a descriptive word for the serpentine patterns seen in the *Decorative Arts* of the *Rococo period*.

After the death of Louis XIV, the French court moved from Versailles back to their old Parisian mansions, redecorating their homes using softer designs and more modest materials than that of the King's grand *baroque style*. Instead of surrounding themselves with precious metals and rich colors, the French aristocracy now lived in intimate interiors made with *stucco adornments*, *boiserie*, and *mirrored glass* [8].

В примере (1) встречаем ряд искусствоведческих терминов, как одноядерных типа термина *Rococo*, так и ядерно-периферийных, образованных с участием имен прилагательных, обозначающих течения, стили в искусстве, а также особые материалы, используемые мастерами при создании произведений искусства.

Отмечаем здесь следующие термины-прилагательные: *Decorative Arts*, *baroque style*, в структуре которых прилагательные выступают в качестве ядерных областей, то есть семантически значимых элементов терминов-словосочетаний. Так, понятие *Decorative Arts* / Декоративно-прикладное искусство, в отличие, например, от изобразительного, отражающего реальную действительность, ориентировано на создание художественных изделий с утилитарными и художественными функциями (мебель, ювелирные изделия и др.), где прилагательное *decorative* передает смыслообразующую характеристику, а существительное *arts расползается на периферии*.

Подобное явление мы наблюдаем и в случае с искусствоведческим термином *baroque style*, в котором лексема *baroque* является ядром термина, а существительное *style* – его периферией.

Пример (1) маркирован присутствием прилагательных *stucco*, *mirrored*, характеризующих материал, из которых созданы предметы искусства, в данном случае речь идет об украшениях из штукатурки и зеркальном стекле соответственно. В силу того, что использование указанных материалов в искусстве было инновационным в определенный момент в прошлом, первоначально обозначенные лексемы вошли в строй английского языка в качестве терминов, прочно закрепившись позднее как специализированная лексика сферы искусства.

Вторым по частотности употребления терминов-прилагательных является жанр ре-

цензии, на долю которой приходится 27,2% от общего количества терминов в выборке. Обратимся к примеру:

(2) Mostly ovoid in shape, with delicately irregular edges, they are mirror-smooth on the surface but semi-transparent, revealing craggy fissures and cracks in their depths. They feel both natural and artificial, which makes sense since they are cast from L.A.'s potholes, organic blemishes in a *synthetic landscape* [7].

В представленном фрагменте отмечаем терминологическое сочетание *synthetic landscape*, содержащее терминологический элемент-прилагательное (*synthetic*), представляющее собой образец ядерно-периферийных терминов, имеющих семантическое ядро и периферию. В основе термина *Synthetic landscape*, заложена идея о воссоздании целого произведения (в данном случае речь идет о пейзаже) по его частям и компонентам, подчеркивающим гармоничность всего произведения, что подтверждается соответствующими дефинициями: *synthetic* – involving the composition or combination of parts or elements so as to form a whole [11]. Здесь вновь терминологический элемент-прилагательное репрезентирует семантическое ядро, поскольку передает ключевую информацию о предмете обсуждения, то есть вербализует классифицирующие признаки соответствующего специального понятия.

Третью позицию занимают газетные статьи (23,4% от общего количества терминов в нашей выборке), рассмотрим пример:

(3) '*Modern*' is not a word you automatically associate with Dame Laura Knight, but her self-portrait is just that, in some ways at least. Note I say "*modern*" and not "*avant-garde*": the picture dates from 1913, the year Picasso painted *Guitar* and Duchamp made his wheel-stool, *Roue de Bicyclette*.

Knight is having no truck with that nonsense. She has clearly been to see Roger Fry's *Second Post-Impressionist Exhibition*, but just as clearly been picky about what she found there. A little *Light Fauvism*, yes. Cézanne and *Cubism*, no. But it is not her self-portrait's style that makes it "*modern*", it is its composition [9].

В представленном фрагменте текста присутствуют как ядерно-периферийные термины искусства, образованные с участием имен прилагательных, так и одноядерные термины типа *Cubism*. К числу одноядерных терминов, в функции которых входит номинация определенного стиля, течения, также относим лексемы *modern* и *avant-garde*.

В качестве ядерно-периферийных терминов в тексте выступают термины-словосочетания *Post-Impressionist Exhibition* и *Light Fauvism*. При помощи ЛЕ *Post-Impressionist* автор текста характеризует конкретную выставку и сообщает зрителю / читателю о том, что экспонаты обозначенной выставки выполнены в стиле постимпрессионизма и фовизма соответственно. Показательно и второе прилагательное, вербализующее семантическую периферию соответствующего термина, т.к. употребление ЛЕ *light* актуализирует в контексте идею о неком незначительном подобии работ стилю фовизма, тем не менее, не являющихся таковыми в чистом виде. Пример (3) в части использования в нем прилагательного *light* подтверждает мысль о том, что «впитывая в себя дополнительное семантическое содержание, привносимое контекстом, слово *сужает* или, наоборот, *расширяет границы своей семантики*» [1. С. 5].

На четвертом месте по частотности использования терминов находятся анонсы (15,8% выборки), в рамках которых корпус терминологической лексики в целом и образованной с участием прилагательных в частности, как правило, номинирует течения и направления в искусстве, а также форму воплощения того или иного произведения. Например:

(4) *Pablo Bronstein at the Met* is a presentation of new work by the London-based artist, addressing the history and future of The Metropolitan Museum of Art. Several large *ink drawings* by the artist suggest a mythical history of the Metropolitan Museum, imagining the building under construction. A series of *computer drawings* focus on hypothetical futures of the Museum. This is the artist's first solo exhibition in New York.

Through drawings, installations, performances, and books, Pablo Bronstein has investigated a variety of historical periods and tastes. His palette encompasses a myriad of styles: from the mannered *baroque* of Turin to the *classical architecture* of 18th-century France, from *Early Modernism* to *Postmodernism* in its various manifestations [10].

В примере (4) фиксируем употребление искусствоведческих терминов, как одноядерных (*baroque*, *Postmodernism*) так и ядерно-периферийных, реализуемых с участием имен прилагательных и заслуживающих нашего особого внимания. Так, в сочетаниях *ink drawings* и *computer drawings*, являющихся «словами в особой функции» [3. С. 5], субстантивированные прилагательные *ink* и *computer* выступают в качестве ядра в указанных терминах, поскольку пе-

редают семантически ключевую информацию о форме воплощения произведений искусства, выполненных чернилами и с использованием компьютерных технологий, соответственно, а существительное *drawings* располагается на периферии термина. Пример (4) маркирован наличием и других терминологических прилагательных на периферии: *classical*, *early*. Данные прилагательные указывают на исторически значимые отрезки времени в развитии европейского и мирового искусства, а именно, классический, датированный V–IV вв. до н. э., и ранний модернизм, зародившийся в начале XX в.

Подводя некоторые итоги, приходим к выводу о том, что в пределах терминосистемы искусства функционируют одноядерные и ядерно-периферийные термины; при образовании последних важную роль играют имена прилагательные, выступающие в качестве вербальных репрезентантов как ядерной, так и периферийной области того или иного термина.

Бесспорно, мы не ставим точку в изучении англоязычного дискурса искусствоведа, нами был рассмотрен лишь фрагмент искусствоведческого дискурса в части присутствия в нем терминов-прилагательных.

Список литературы

1. Алимуратов, О. А. Лингвистический смысл как феномен, производный от значения // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2006. № 4. С. 5–20.
2. Алимуратов, О. А. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) / О. А. Алимуратов, М. Н. Лату, А. В. Раздвев. Пятигорск, 2011. 112 с.
3. Винокур, Г. О. Грамматические наблюдения в области технической терминологии // Труды МИИФЛИ. М., 1939. Т. 5. С. 3–54.
4. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин. Р. Ю. Кобрин. М., 1987. 104 с.
5. Лейчик, В. М. Об относительности существования термина // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики: материалы науч. симп. М., 1971. С. 436–442.
6. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1967. С. 103–126.
7. The Los-Angeles Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.latimes.com/>.

8. www.artnet.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artnet.com>

9. www.independent.co.uk [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk>

10. www.metmuseum.org [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metmuseum.org>

11. www.merriam-webster.com [Электронный ресурс]. URL: <http://merriam-webster.com>

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).
Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 146–148.*

О. Ю. Николенко

ТЕРМИН «РОД»: К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОМОНИМИИ

В статье рассматривается явление омонимии терминов разных научных сфер на примере термина *род*. Появление терминов-омонимов связано с историческим развитием слова и терминологизацией отдельных семантических дериватов.

Ключевые слова: *термин, терминология, омонимия, семантическая деривация, род.*

В качестве главной особенности термина, наряду с принадлежностью к специальной научной или профессиональной сфере, В. В. Виноградов выделял дефинитивную функцию: «слово выполняет номинативную или дефинитивную функцию, то есть или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [1. С. 12–13]. В словарях термины логически определяются, то есть дается краткое описание дифференциальных свойств называемого объекта. Если неизвестно логическое определение, то неизвестен и сам термин, и никакие ассоциации и системные связи слов не помогут. Именно это объясняет структурно-семантические особенности термина, в частности, моносемичность в пределах терминологического поля любого термина и отсутствие у него синонимов (но не исключает наличие вариантов и дублетов).

В каждой определенной области знаний терминология представляет собой исчислимую и замкнутую систему. Нельзя изменить часть этой системы, не изменив других частей и не вызвав общей перегруппировки терминов. С этой точки зрения представляется важной теория терминологического поля (А. А. Реформатский). Поле для термина – это терминология данной области знаний. Вне этого поля истинный термин теряет свою характеристику термина. Терминологическое поле идиома-

тично для каждой терминологии и покрывает всю систему понятий данной науки. Термин всегда занимает строго определенное место в структуре данного терминологического поля, он предельно парадигматичен. Все элементы терминологического поля противопоставлены друг другу, а в совокупности составляют полное содержание данной области знаний.

Однако моносемичность терминов в пределах своего терминологического поля как признак истинного термина нуждается в уточнении. По мнению большинства терминоведов (Д. С. Лотте, Л. А. Капаназе, В. П. Даниленко, С. В. Гринев-Гриневиц) [2], истинный термин принципиально лишен возможности иметь или развивать даже какие-либо оттенки значения, так как в пределах одной терминологической системы одна звуковая форма должна точно соответствовать только одному значению, иначе теряется сам смысл дефиниции. Поэтому для дефиниции какого-либо нового научного понятия предпочтительнее создать отличный по звучанию термин, в противном случае будут необходимы постоянные уточнения, в каком конкретно значении употреблена эта единица. Но при этом термин является лингвистическим знаком и, по закону асимметричного дуализма, может выразить какое-либо новое понятие. Однако развитие вторичного значения у термина может быть вызвано только необходимостью метафорически наименовать что-либо за пределами терминологической системы. Посколь-

ку в этом случае новая единица употребляется уже в другой сфере, то происходит по сути появление нового слова-омонима, семантическая деривация, выводящая новую единицу за пределы терминосистемы, где она образует новые системные связи, а проблема тождества слова решается в лингвистике в том числе и на основании единства синтагматических и парадигматических системных связей единиц. Поэтому понятие *моносемичность* в терминоведении следует понимать скорее как отсутствие семантической деривации и, следовательно, омонимии в пределах одной терминосистемы. В этом смысле любое слово-нетермин также может считаться принципиально однозначным, так как вновь возникшее значение обычно выводит новую единицу за пределы старого семантического поля, то есть возникает омонимия, но не полисемия. Например, *отец* в значении «основатель чего-либо» выходит за пределы лексико-семантической группы терминов родства и образует новые системные отношения (в частности, синонимические *отец – основоположник – родоначальник – зачинатель...*), то есть является семантическим дериватом от слова *отец* в значении «мужчина по отношению к своим детям». Таким образом, разработка теории моносемичности термина в некотором смысле подтверждает теорию семантического словообразования, изложенную в работах В. М. Маркова, Б. И. Осипова и других представителей казанской лингвистической школы. Исходя из вышесказанного, нельзя, по-видимому, считать моносемичность признаком, отличающим термин от нетермина.

При этом существуют термины, которые относятся ко всем или к нескольким областям человеческой профессиональной деятельности, например, «методологические термины типа *система, структура, метод* и др., получающие в каждой области свое специфическое определение» [4. С. 30]. Эти междисциплинарные термины во всех случаях репрезентируют одно и то же понятие, то есть нет причин относить это явление к омонимии. Истинными омонимами являются, по нашему мнению, термины разных терминологических полей, возникшие как в результате звукового совпадения этимологически разных лексем или параллельного заимствования, так и в результате семантического развития (семантической деривации) одной лексемы, но при этом репрезентирующие разные понятия научной или профессиональной сферы (например, *нейтрализация*

в лингвистике и в химии). Поскольку семантическая деривация предполагает сохранение определенной общей части семантики и производного и производящего слова, то в случае возникновения терминов-омонимов из общего источника будет сохраняться и их семантическая связь. Сохранение семантической связи обязательно и в случаях семантической деривации в направлении «общеупотребительная лексема > термин» и наоборот (например, *ядро* или *температура*), в результате чего омонимы репрезентируют существенно разнящиеся по объему и качеству знания об одном и том же понятии. Таким образом, итогом исторического развития отдельных терминосистем может явиться существование нескольких терминов-омонимов, сохраняющих при этом частичную семантическую общность. Примером может служить развитие и функционирование лексемы *род* в терминосистемах русского языка.

По данным словарей лексема *род* в современном русском языке имеет несколько связанных значений, например, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [7. С. 722–723] приводится 7 значений:

РОД, -а, м. 1. Основная производительная ячейка первобытного общества — группа людей, происходящих от одного общего предка, связанных узами кровного родства. 2. Ряд поколений, происходящих от одного предка. 3. Принадлежность по рождению к какой-либо социальной группе, национальности или месту, происхождение. 4. Группа, разряд предметов, явлений, понятий, объединенных общими существенными признаками. || *Лог.* Понятие, включающее в себя ряд менее общих понятий, представляющих видовые понятия. || *Биол.* Группа животных или растительных организмов, объединяющая близкие виды. 5. Разновидность, сорт, тип. 6. Способ, образ, характер действия. 7. *Лингв.* Грамматическая категория в языке.

В качестве терминов отмечены *род 4* (таксономическая категория в логике и биологии, а также в ряде других научных дисциплин) и *род 7* (грамматическая категория в лингвистике). Анализ других словарей выявил и другие термины *род*: в этнологии «экзогамный коллектив кровных родственников, возводящих себя к общему предку», «форма общественной организации при первобытно-общинном строе» (соотносится с *род 1*), в генеалогии «все члены семьи происходящие от одного предка по одной линии» (соотносится с *род 2*) [9. С. 584].

Наличие либо отсутствие выраженных семантических связей между значениями всех терминов *род* позволяют предположить следующую последовательность развития семантики и появления терминов-омонимов.

Лексема *род*, одна из древнейших в русском языке, на протяжении веков использовалась для обозначения разных понятий, так или иначе связанных с понятием порождения, часть из них уже утрачена [5]. Этимология корня *род* возводит его к индоевропейскому *uerdh- в значении «расти», «разрастаться», «прибывать», «подниматься» [11. С. 118] через славянское *ordъ > *rodъ. Для объяснения понятия *род* М. Фасмер использует греческие слова γένος, γένεα, εθνός [10. С. 491], которые в греческом языке обозначали круг понятий, связанных с процессом рождения («род, поколение, возраст, порода и т. д.»). Эта многозначность появляется в русском языке у слова *род*, в том числе и под влиянием переводов с греческого.

Все современные понятия, в том числе и научные, обозначенные словом *род*, можно разделить следующим образом: 1) связанные с понятием процесса рождения и наследования, 2) связанные с логическим структурированием сортов и типов каких-либо единиц. Эти группы включаются в отдельные ряды синонимов, например: Род. 1. Syn: вид, разновидность, категория, класс, семейство, жанр, сорт, разряд, тип. 2. Syn: раса, племя, народ [8].

Из первой группы с развитием общественных наук появились термины для названий исторической общности людей, основанной на кровном родстве, уточнившие свои значения в процессе терминологизации и развития в специальной сфере (история, этнология, генеалогия, социология).

Вторая группа абстрактных понятий достаточно рано возникла из первой на основании сем «общность на основе сходства, природной сущности». Уже и в старославянском, и древнерусском языках зафиксировано слово *родъ* не только в значениях «племя», «порождение, происхождение», «потомство», «ряд поколений», «родня», но и в значениях «порода, вид, сорт», «класс» [6], как и в греческом. Из этой группы семантических дериватов выделилось и закрепилось в терминологическом значении

название для таксономической категории (в связке *род - вид*), используемое в естественных науках (биологии, медицине, геологии), а также в философии, логике и филологии.

Стоящий особняком лингвистический термин *род* является калькой с греч. γένος «род, вид, порода», «пол» [3. С. 315], то есть является в русском языке как самостоятельный термин, хотя и связанный формально и семантически с русским словом *род*.

Таким образом, междисциплинарная омонимия терминов *род* возникает в результате терминологизации отдельных семантических дериватов древнего слова *род*, исходное широкое значение которого дало возможность для его семантического развития.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. ; Л., 1947. 784 с.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение. М., 2008. 302 с.
3. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб., 2005. 432 с.
4. Лейчик, В. М. Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24 (239). Филология. искусствоведение. Вып. 57. С. 29–32.
5. Мазай, Н. И. Семантические наполнения понятия род и его отражения в языковой картине мира (лексикографическое описание) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. Красноярск, 2004. С. 158–163
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. 298 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1987. Т. 3. 752 с.
8. Тезаурус русской деловой лексики. 2011 [Электронный ресурс]. URL: [http:// business_thesaurus.academic.ru/](http://business_thesaurus.academic.ru/)
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1995. Т. 3. 714 с.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986. Т. 3. 832 с.
11. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. Т. 2. 560 с.

Л. М. Ньюбина, Ю. Ф. Черногор

ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ТИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье описываются некоторые способы терминообразования в современном английском языке на примере специального языка образовательного менеджмента. Рассматриваются такие способы формирования терминосистемы, как использование существующих языковых ресурсов, их модификация, а также создание новых терминологических единиц.

Ключевые слова: терминосистема, словообразование, образовательный менеджмент, специальный язык, деривация, транстерминологизация.

Картина мира современного человека постоянно усложняется в связи с возникновением новых отраслей науки, новых технологий, многостороннего взаимодействия различных научных областей. Внимание исследователей в этой связи обращается к профессиональному знанию и профессиональной деятельности, к проблеме представления знаний в терминологических и других специальных единицах [1. С. 40]. В отличие от большинства общеупотребительных слов, термины зачастую являются результатом более или менее сознательного словотворчества, что делает этот пласт лексики интересным объектом лингвистического исследования. Мотивированность терминообразования дает повод для его более пристального изучения с целью выявления закономерностей и выработки универсальных моделей терминообразования в рамках того или иного специального языка.

Процесс терминологического словообразования выражается соотношением языковых структур с ментальными структурами, вопросами представления в языке различных типов знания – обыденного и научного, ассоциативно-образного и рационально-логического [1. С. 6]. Интересным представляется рассмотреть данный процесс на примере образовательного менеджмента, с тем, чтобы выделить некоторые основные способы терминообразования в этой относительно новой и перспективной области научного знания. Под образовательным менеджментом понимается междисциплинарная область научных знаний, исследующая закономерности, принципы, функции и методы управления образовательными процессами и системами на основе синтеза психолого-педагогических наук и теории менеджмента [3. С. 272].

Традиционно различают три основных способа образования новой терминологии [7. С. 71]: 1) использование существующих ресурсов 2) модификация существующих ресурсов и 3) создание новых лингвистических единиц. Рассмотрим данные способы терминообразования на примере английской терминологии образовательного менеджмента.

Использование существующих ресурсов – это способ образования терминов, при котором происходит расширение денотата, и существовавший ранее термин начинает охватывать какое-либо новое понятие или предмет. Это может происходить как вследствие технического развития денотата (например, слова *telephone*, *car* относятся теперь к предметам, и внешне, и функционально отличающимся от имевших место во время возникновения этих слов), так и вследствие метафорического переноса или сравнения.

Метафора как ключевой механизм смыслообразования в профессиональной среде достаточно описана [1. С. 104]. Приведем здесь лишь ряд примеров из сферы образовательного менеджмента [5; 8]: *glass ceiling* (принцип «стеклянного потолка», невозможность продвижения по карьерной лестнице), *whistle-blower* («свистун», учащийся или учитель, сообщающий директору о нарушениях дисциплины), *grapevine* («виноградная лоза», коллеги, поддерживающие неформальное общение вне работы), *climate of learning*. Ряд терминов представляет собой метафорические словосочетания: *magnet schools* (школы с углубленным изучением предмета), *remedial course* (дополнительные занятия для отстающих), *clan culture* (корпоративная культура), *angel investor* (щедрый инвестор), *career anchor* («карьерный якорь», карьера как стимул), *career path*

(карьерная лестница), human capital/resources (кадры, «человеческий капитал»). В словосочетаниях ready-made/ tailor-made management schemes (готовые и специально разрабатываемые схемы управления) прослеживается метафора, связанная с темой одежды – готовой и пошитой в ателье.

Сравнение может рассматриваться как предварительный этап образования термина, когда новое понятие закрепляется посредством сравнения с известными предметами. При этом используются сравнительные союзы: as...as, like, а также основы -like, -type, -frame, -style, -shaped. В терминологии образовательного менеджмента довольно часто встречается основы -based, -related: resource-based schemes, skill-based pay, contribution-related pay.

Модификация существующих ресурсов – это наиболее распространенный метод образования новых терминов, при котором термины строятся посредством таких типов словообразования, как деривация, словосложение, конверсия и компрессия.

Деривация, или аффиксация, служит для сужения значения концепта, его детерминации. При этом в термине прослеживается связь между новым и исходным понятием, а также часто происходит смена части речи, например: grade – **grading**, found – **foundation**, assess – **assessment**, motivate – **motivation**; authority – **authoritative**; flexible – **flexibility**, intense – **intensity**. Аффиксальный инструментарий английского языка богат заимствованными деривационными морфемами, которые широко используются при образовании терминов. Подсчитано, что среди всех суффиксов английского языка исконные суффиксы составляют 32%, суффиксы французского происхождения составляют 52%, а суффиксы, заимствованные из латыни, греческого и других языков составляют в совокупности 16%. Таким образом, почти 70% суффиксов английского языка имеют заимствованное происхождение [4. С. 75]. Среди них такие продуктивные суффиксы, как -ic, -ion, -al, -ity, -ment, -ism (bureaucratic, socialization, managerial, diversity, profitability, management, ethnocentrism, tokenism). Из исконных суффиксов продуктивным является суффикс -ing (outsourcing, team-building, dimensioning, teleconferencing).

При образовании терминов префиксы способствуют структурированию специальных языков посредством формирования терминологических пар, где антонимы легко

образуются посредством приставок un-, dis-, de-, in-, non- (unstable, disadvantages, decentralization, inconsistent, inefficiency, non-analytical, non-attendance). В специальном языке образовательного менеджмента также широко используются такие словообразовательные элементы, как multi-, self-, mid-, например: multi-skilling, multi-graded structure, multiculturalism, mid-point management, self-directed learning, self-development, self-managed careers, self-paced learning, self-assessment. Антонимической парой являются приставки under- и over-, например: overestimate, underestimate, under-performer (неуспевающий учащийся). Отметим, что префиксальный статус данных элементов (обозначенный так, в частности, в словаре Longman [6]), иногда ставится под сомнение, и данные словообразовательные элементы относят к компонентам сложных слов.

Словосложение является еще одним продуктивным способом терминообразования в образовательном менеджменте (skill-based, contribution-related pay, double-loop learning, two-factor model). Номинативные сложные слова, как правило, состоят из двух компонентов, первый из которых является определяющим словом, а второй является ядром, например: trade union, learning gap, diversity management, human resources. Сложные слова могут входить в состав других сложных слов, являясь в них ядром: **human resource management**, **diverse workforce managing**, **equal employment opportunity**. При этом ядром могут быть как первые два компонента, так и вторые два компонента сложного слова. Нередко сложные слова «нанизываются» друг на друга, образуя многокомпонентные словосочетания, трудно отличимые от сложных слов, поскольку зачастую они выражают понятие, не выводимое из его компонентов: life cycle best fit mode, human capital management, enterprise resource planning systems. В ряде случаев использование дефиса в написании терминов облегчает выделение семантического ядра слова: payment-by-results schemes (схема выплат по результатам работы), stimulus-response theory (теория стимула и реакции), **work-life balance** (баланс между работой и личной жизнью).

Ряд терминов возникает посредством конверсии. На практике без обращения к этимологическому словарю бывает непросто определить, какая часть речи, глагол или существительное, возникла в языке в первую очередь.

Например, в словосочетаниях *labour turnover* и *employee turnover* (**текучесть кадров**) существительное *turnover* образовано от фразового глагола.

Создание новых лингвистических единиц в специальных языках, как правило, происходит с использованием заимствованных элементов из греческого, латинского или французского языков. Различают поверхностное терминологическое заимствование, где для существующего концепта используется новая иноязычная форма вербализации, и глубинное, при котором происходит формирование нового профессионального концепта [2. С. 79]. **Примером неологизма** на глубинном уровне может служить слово *ad hoc* «спонтанный» и греческого суффикса – *stacy* «власть, правление». Термин означает организацию со свободной структурой или свободный тип управления, в отличие от организации бюрократического типа (*bureaucracy*) и имеет положительную коннотацию.

Специальные языки изобилуют терминами, образованными путем различных видов компрессии. Самой распространенной формой компрессированной терминологии являются аббревиатуры и акронимы, образованные начальными буквами словосочетаний: HRIS – Human Resource Information Systems, GMA – general mental ability, OD – organization development, EES – European Employment Strategy, EAP – employee assistance programme; SWOT analysis – Strengths and Weaknesses, Opportunities and Threats, JIT training – Just-In-Time training.

Процесс создания новых терминологических единиц в области специального языка образовательного менеджмента тесно связан с явлением транстерминологизации. В рамках семантической типологии не всегда можно провести четкую границу между отдельными терминологическими системами, и целый ряд терминов можно причислить к нескольким терминологиям. Так, термины *recruiting* (набор) и *brainstorming* (мозговой штурм) изначально относились к американской военной терминологии и позднее вошли в терминосистему образовательного менеджмента, где стали обозначать набор сотрудников и способ генерации новых идей посредством коллективного обсуждения.

К транстерминологизации можно отнести также использование одной и той же метафоры в различных специальных языках, что приводит к расширению/сужению значения и терминологической омонимии: *classroom environment*, *HR strategy*, *lifelong learning policy*, *school management tactics*.

Образовательный менеджмент является новой сферой профессиональной компетенции, и его терминосистема находится в процессе становления. Изучение и классификация способов образования терминологии в данной области могли бы позволить выработать ряд универсальных моделей терминообразования в рамках конкретного специального языка. Сейчас происходит постоянный международный обмен терминами, заимствование профессиональных концептов, в том числе и в сфере образовательного менеджмента. Интернациональные терминосистемы, как правило, создаются на базе английского языка, поэтому изучение терминообразования в английском языке представляется особенно значимым.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. **Введение в когнитивное терминоведение** : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
2. Голованова, Е. И. Когнитивные аспекты лексического заимствования // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2013. №1 (21). С. 79–88.
3. Образовательный менеджмент: учеб. пособие / Е. В. Иванов, М. Н. Певзнер. Великий Новгород, 2010. 412 с.
4. Черногор, Ю. Ф. **Деривационное ударение** в современном английском языке. Saarbruecken, 2011. 167 с.
5. Certo, Samuel C., S. Trevis Certo. *Modern Management. Concepts and Skills*. Pearson Education Ltd, 2012. 600 p.
6. Longman English Dictionary. Pearson Ltd, 2007.
7. Sager, Juan C. *A Practical Course in Terminology Processing*. John Benjamin Publishing Company, 1990. 254 p.
8. Sutherland, Jonathan, Diane Canwell. *Key Concepts in Human Resource Management*. Palgrave Macmillan, 2004. 302 p.

ПРОСТОТА И СЛОЖНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье проанализированы две противоположные тенденции использования терминов лингвистики. Первой особенностью можно считать стремление упростить, а второй – чрезмерно усложнить лингвистическую терминологию.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, термин, опрощение.

«Терминология лингвистическая (от *термин* и греч. *logos* – слово, учение) – совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области» [2. С. 509]. В энциклопедии «Русский язык» находим аналогичное определение: «Терминология лингвистическая – совокупность терминов науки о языке. Т. л. – неотъемлемая и основная часть метаязыка лингвистики, т. е. специального языка, при помощи которого описываются свойства естественного языка, выступающего как язык-объект. Главной особенностью лингвистики является совпадение (консубстанциональность) метаязыка и языка-объекта» [4. С. 560].

Лингвистическая терминология «складывается на протяжении всей истории языкознания и отражает не только смену воззрений на язык, не только разницу лингвистического словоупотребления в различных школах и направлениях языкознания, но и различные национальные языковедческие традиции» [2. С. 509]. Как отражение теорий отдельных лингвистических школ и языковедов ее закономерно рассматривать как «систему систем» [4. С. 560] и, по справедливому мнению А. Н. Баранова, как особую терминосистему.

«В лингвистике в качестве знаков первой семиотической системы выступает естественный язык, в качестве второй – метаязык лингвистической теории. Сфера лингвистической терминологии образована в основной своей части элементами метаязыка. Отсюда следует, что описание лингвистической терминологии можно рассматривать как «метадеятельность» языковеда, направленную на выявление оснований лингвистической науки и установление парадигм языкознания, а также их связей с другими научными дисциплинами» [1. С. 51].

Лингвистическая терминология является открытой системой, отражающей интеграль-

ный характер современных направлений исследования языка, роль ведущих школ и их представителей. Нельзя не учитывать и стремления лингвистов к терминологической оригинальности. Последнее рассмотрим подробно на материале автореферата докторской диссертации Е. А. Петровой «Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозем в диктемной дискурсивации» [3] и книги известного американского лингвиста Дж. Макуортера “Our Magnificent Bastard Tongue: the Untold History of English” [5].

Работы выбраны как полярные в плане использования лингвистической терминологии, хотя они отличаются также и широтой, даже глобальностью освещения заявленной Дж. Макуортера в заголовке проблематики (речь пойдет об оригинальном подходе к развитию аналитизма в английском языке) и весьма узким, но профессионально выполненным подробным анализом лишь одного типа придаточных предложений в английском языке в автореферате Е. Н. Петровой.

Итак, в центре внимания отечественного и американского лингвистов находится синтаксис английского языка, подходы к его анализу можно назвать новаторскими в плане высказанных авторами идей и языковых средств их выражения, однако совершенно по-разному отражающими сложность и простоту используемой лингвистической терминологии и простоту и сложность авторских теорий соответственно.

Работа Е. А. Петровой посвящена узкому вопросу английского синтаксиса: разработке методологии комплексной логико-когнитивной интерпретации сложноподчиненных предложений (СПП) с придаточным предикативным (у автора *субстантивно-номинативных пропозем*) в художественном дискурсе. Эта проблема актуальна для современной теории языка, потому что многоаспектное (коммуникатив-

но-прагматическое, функционально-семантическое, логико-когнитивное и дискурсивное) изучение СПП с придаточным предикативным позволяет расширить имеющиеся представления о сложных синтаксических единицах.

Объектом исследования в работе Е. А. Петровой являются «*субстантивно-номинативные пропоземы <...> [—] сложноподчиненные пропоземы, состоящие из главной и придаточной предикативной клауземы, и пропоземы-балансы*» [3. С. 8–9]. Цель диссертации сформулирована логично, но чрезвычайно усложненным способом, требующим у читателя основательной лингвистической подготовки: «исследование субстантивно-номинативных пропозем в коммуникативно-прагматическом, функционально-семантическом, логико-когнитивном и дискурсивном аспектах, направленных на их интегральное системно-функциональное и речесмысловое описание с опорой на логический субстрат сознания» [3. С. 5].

Автор разработал сложный и оригинальный категориально-понятийный аппарат и процедуры анализа рассматриваемых предложений. Предложенный Е. А. Петровой категориально-понятийный аппарат в целом соответствует заявленному автором логико-когнитивному направлению исследования, расширяет теоретические представления о когнитивных категориях в синтаксисе М. Я. Блоха, однако при цитировании наблюдается подмена привычного термина «предложение» на авторское «пропозема», что приводит к нарушению этики цитирования, а сам авторский метаязык усложняет восприятие текста. Приведем в качестве примера один из абзацев автореферата: «Проведенное исследование основывается на логико-когнитивной парадигме, следовательно, категориальный аппарат реализованного подхода складывается из эмических составляющих терминологического порядка, таких как *дено-тема, пропозема, клаузема, логема, алетема, аподиктема, ассертема, деонтема, эпистема, энтимема, эпихейрема, диктема, диктемная дискурсивация*, соотносящихся с логическими категориями, что позволяет учитывать семантические и логические формы мысли» [3. С. 25]. **Не вызывает возражения смысл** написанного, но без глоссария использованных в работе терминов понять автора сложно.

В книге Дж. Макуортера по истории английского языка, основанной на теории субстрата и влиянии кельтских языков на появление анали-

тических конструкций в древнеанглийский период, книге об уникальности английского среди других германских языков не встретилось ни одного сложного лингвистического термина (!), хотя автор рассматривает ключевые для грамматического строя английского языка процессы. Само понятие «субстрат» не упоминается, вспомогательный глагол *do* приобретает в авторской трактовке упрощенную, приближенную к общенародной лексике характеристику «бесполезный и бессмысленный»: *meaningless do* [5. P. 17 и далее].

Простота идиостиля автора кажущаяся, информация о рассматриваемых изменениях исчерпывающая, аргументированная интерпретация теории сопровождается подробным библиографическим списком к каждому разделу и авторскими пояснениями. Проиллюстрируем «лингвистическую простоту» Дж. Макуортера на произвольно выбранном из текста его книги примере. «The way that English uses *do* and *-ing* just like Celtic, then, is predictable. Celts, less exterminated than grievously inconvenienced, had to learn the language of the new rulers. The Celts' English was full of mistakes – that is, ways of putting words together that worked in Celtic but were new to Old English. However, over time, this Celtic-inflected English was so common – after all, there had only ever been 250,000 Germanic invaders – that even Anglo kids and Saxon kids started learning it from the cradle» [5. P. 17].

В отрывке лишь два лингвистических термина: *inflected* и *Old English*, сложные идеи выражены просто и понятно. Книгу в целом будет интересно читать не только лингвисту, но и любому читателю.

Краткое сравнение разных по форме работ двух авторов явно недостаточно для характеристики лингвистической терминологии, но обе тенденции существуют в лингвистической литературе, одна из которых приводит к чрезмерно узкой специализации самих лингвистов. Вероятно, автор имеет право выбора между простым, но не упрощенным, понятным не только себе метаязыком, и сложным, часто заимствованным из смежных наук. Признавая системность, специализированный и одновременно открытый характер и динамизм лингвистической терминологии, считаем, что лингвистические термины не должны усложнять исследуемую специальную область знания при определении составляющих эту область знания понятий.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие М., 2001. 360 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь /гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М., 2002. 685 с.
3. Петрова, Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных про-
 позем в диктумной дискурсивации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 55 с.
4. Русский язык : Энциклопедия /под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2003. 704 с.
5. McWhorter, J. Our Magnificent Bastard Tongue: the Untold History of English. New York, 2008. 230 p.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322).
 Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 154–156.*

А. М. Плотникова

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУКОДЕЛИЯ

В статье рассматривается формирование терминологии современных видов рукоделия, выявляются основные закономерности номинации объектов, субъектов, процессов и методов данной сферы деятельности человека, рассматриваются экстралингвистические и лингвистические характеристики корпуса терминов.

Ключевые слова: терминообразование, терминосистема рукоделия, заимствованная лексика.

Рукоделие, будучи составляющей декоративно-прикладного творчества, традиционно включает шитье и вязание как исторически женские виды занятий. Метонимически существительное «рукоделие» способно обозначать изделия, вещи как результат такой деятельности, при этом в современном языке в качестве конкурирующей используется номинация *хенд-мейд* с более широким значением: результаты ручного труда. Хотя слово «хенд-мейд» («хэнд-мейд»), насколько нам известно, пока не получило словарной фиксации, оно используется как родовое понятие для обозначения всего, что сделано своими руками в разных техниках рукоделия: декупаже, скрапбукинге, фелтитнге, пэчворке, батике, изготовлении мыла и свечей ручной работы, выдувании бусин из стекла и т. д. **Безусловно, связь рукоделия с обыденными практиками оставляет дискуссионным вопрос об отнесении единиц, обслуживающих эту сферу, к терминам либо предтерминам.**

Составить словник названий современных видов рукоделия довольно сложно ввиду экстралингвистических причин: рукоделие является способом выражения самореализации

человека, проявления его творческой индивидуальности, при этом сферы применения креативных способностей очень разнообразны, так же как разнообразны и те материалы (ткань, бисер, бумага, мыльный раствор и т. д.), которые становятся основой для создания техники.

Существуют национальные традиции рукоделия, которые повлияли на развитие лексики, обслуживающей ту или иную технику. Вместе с тем в современном мире ввиду общей тенденции к глобализации различные виды рукоделия получили широкое распространение вне зависимости от тех регионов и стран, в которых они зародились. Говоря о социальных и других внелингвистических факторах, следует отметить, что различные виды рукоделия из хобби превратились для многих в дополнительный источник заработка, а рукоделие сформировалось в самостоятельную профессиональную область. Свидетельством этому является большое количество книг и периодических изданий по различным видам рукоделия, создание сайтов, обсуждение рукодельной тематики на форумах, профессиональные выставки и многое другое, – все это обеспечивает развитие и распространение терминологии современных видов рукоделия.

Наряду с заимствованными словами, в языке возникают параллельные профессиональные номинации, например, в области современной вышивки слово «*кривулька*» используется как родовое обозначение для обозначения вышитых многоугольников или иных форм небольшого размера, используемых в качестве игрушки или игольницы: «*Бискорню с весенними цветами и веселыми птичками, радужная бискорнюшка и меланжевая зигугу с пушистой кисточкой – все они в скором времени отправятся на пасхальный базар*». Номинации «*бискорню*» и «*зигугу*», пришедшие из французского языка, используются для обозначения видов этих «кривуллек». Отсутствие в языке-источнике гиперонима для характеристики такого рода поделок приводит к возникновению слова «*кривулька*», заполняющего лакуну. Образованная от «*бискорню*» по продуктивной словообразовательной модели «*бискорнюшечка*» свидетельствует об освоении заимствованной номинации.

Названия современных видов рукоделия заимствуются преимущественно из английского языка, например: скрапбукинг – изготовление фотоальбомов, кардмейкинг – изготовление открыток. Наряду с неологизмами, существуют и синонимические ряды, единицы которых различаются языком-источником: лоскутное шитье (русск.) – петчворк (англ.) – квилт (америк.). Несмотря на существующую словарную фиксацию «петчворк» в «Орфографическом словаре» под ред. В. В. Лопатина, сохраняются различные орфографические варианты: печворк, петчворк, пэчворк, пэтчворк. Все эти написания являются графически обоснованными, имеют право на существование, и выбор верного написания будет неизбежно спорным, при этом в специальной литературе закреплено написание «пэчворк».

В каждой из сфер современного рукоделия формируется собственная терминосистема, призванная упорядочить сферу профессиональных знаний и формирующая язык профессиональной коммуникации. Естественно, при изучении терминосистем оказывается важным когнитивный взгляд, предполагающий рассмотрение того, какие типы знания получают языковую концептуализацию и какие категории профессиональной деятельности репрезентируются в языке. К главной категории профессиональной сферы Е. И. Голованова относит категорию процессов (действий), реализующую операциональный когнитивный тип [1. С. 105].

В области современных видов рукоделия эта категория получает языковое воплощение в системе глаголов и отглагольных существительных, называющих различные виды деятельности (*отшить, тампонировать, грунтовка, золочение, браширование, затирка* и др.), а в устной коммуникации существуют устойчивые метафорические образования для обозначений действий и результатов действия, связанных с рукоделием: *долгострой* – рукодельная работа (обычно вышивка), выполнение которой затягивается на долгое время, *сесть на иглу* – увлечься вышиванием.

По словам В. Ф. Новодрановой, терминосистема «формируется и как совокупность единиц, и как совокупность очень сложной сетки знаний, которая может быть представлена когнитивными картами, сценарными планами» [2. С. 139]. Несмотря на то, что в исследуемом нами материале речь идет не о научной отрасли знания, а о прикладной сфере, она моделируется так же, как отраслевая терминосистема, и включает сценарий: **кто** занимается рукоделием (наименования лиц), **какие инструменты и методы** использует (наименования предметов и методов), **каким видом** рукоделия (наименования видов и способов), **в каком стиле** выполнено изделие (наименования стилей).

Обращение к номинациям лиц указывает на то, что при существовании гиперонимов «рукодельница» и «мастерица» практически отсутствуют или характеризуются невысокой частотностью иные номинации (например, *вышивальщик, вышивальщица*). В отличие от всех других наименований рукоделий, на базе существительного «*декупаж*» возникло целое словообразовательное гнездо (*декупажник, декупажница, декупажный, декупажить, отдекупажить, декупажистый*), например: «*Всякое декупажистое видела: досочки, баночки, вешалки, полочки, шкафы, столы, но батарею впервые*» (форум). Разговорный оттенок номинаций «*декупажник*» и «*декупажница*» приводит к тому, что в профессиональных изданиях они заменяются нейтральными и повышающими престижность занятия – «*дизайнер*», «*декоратор*», «*мастер*». В среде разговорной профессиональной коммуникации существует метафорическая номинация «*хомяк*», используемая в разных видах рукоделия: *хомяк* – рукодельница, которая заранее, впрок запасает все, что в дальнейшем может пригодиться для ее занятий. Эта характеризующая номинация образует производные «*захомячить*», «*нахо-*

мячить» и др., например: «Нахомячила полную норку: нитки, вышивки в каждом углу, а наборов приличную горку я пристрою пока на полу...» (форум).

Наименования инструментов, видов и методов, используемых в различных рукодельных техниках, представляет собой огромный пласт лексических единиц, даже краткий обзор которых не сможет уместиться в объем данной статьи. К примеру, в технике вышивания лентами используются составные наименования для различных техник (*прямой стежок, перекрученный стежок, петля с прикрепом, французский узелок, колониальный узелок*), однословные метафорические обозначения (например, для изготовления розы используется технология или метод под названием «паутинка»).

Отметим только, что в тех видах рукоделия, которые приобрели популярность относительно недавно, практически все термины являются иноязычными, то есть заимствованию подвергается вся терминосистема. Даже в тех случаях, когда в русском языке есть аналогичная номинация, используется заимствованный термин, например, в скрапбукинге для обозначения маленьких гвоздиков, которые крепятся к бумаге, используется номинация «брадс». В вышивании, наряду с названием «стежок назад иголку», активно употребляется «бэкстич» и «бэк»: «Я сначала старалась шить бэкстич точно по линиям, обозначенным в схеме» (форум), «Сложнее, когда бэком нужно вышить длинную ровную диагональную линию» (форум).

Обозначение различных стилей заимствуется в рукоделии из сферы дизайна интерьера и вообще области искусства (*изделие в стиле фьюжн, модерн, шебби-шик, терра, симплицити, экостиль*), и эта составляющая терминосистемы формируется довольно стихийно. В современных рукодельных практиках для обозначения популярной техники состаривания предмета, придания новому рукодельному объекту антикварного вида используется целый набор единиц, не являющихся синонимичными: «Фанера попала не лучшего качества, поэтому я решила сделать винтажное состав-

ление», «Делаем красивую деревянную шкатулку в стиле ретро с использованием техник декупаж, состаривание и шебби-шик», «На создание этой техники нас вдохновили велико-ленные работы Натальи Родиной, свой стиль она называет шебби-винтаж», «Техника кракле для состаривания».

Характеризуя терминосистему современных видов рукоделия, нельзя не заметить, что она формируется под огромным влиянием интернет-ресурсов, и, в частности, интернет-общения, в ходе которого устанавливаются правила употребления некоторых единиц.

Так, в среде вышивальщиц существует коллективная игра «робин» («роббин»), смысл которой заключается в том, что вышивка передается от одной рукодельницы к другой и каждая вышивает произвольный фрагмент на заданную тему, в результате чего создается произведение, часто называемое «сэмплером» («семплером»). Заимствованные неологизмы имеют несколько вариантов написания, что указывает на то, что традиция употребления этих единиц пока не окончательно сформировалась. На терминологию современных видов рукоделия оказывают значительное влияние иноязычные слова, которые кодируют определенные типы профессионального знания, при этом придавая рукоделию некий элитарный характер, переводя его из области традиционных видов женского занятия в область художественного творчества.

Итак, «паспорт» этой терминосистемы определяется и экстралингвистическими, и лингвистическими факторами, а ее становление тесно связано с образом современной рукодельницы как профессионального деятеля.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
2. Новодранова, В. Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания : сб. науч. тр. М. ; Рязань, 2007. Вып. 5. С. 136–140.

Л. Н. Проскурина

ПРЕФИКСАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РЕМОНТА ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

В статье исследована роль префиксов в формировании концептуальной структуры терминологии ремонта летательных аппаратов. Установлено, что комплекс префиксов участвует в формировании концептуального пространства терминологии, ориентирует специалистов по ремонту в процессах, происходящих в объекте ремонта.

Ключевые слова: терминология ремонта летательных аппаратов, концепт, терминообразование, способ словообразования, префикс.

Одним из современных направлений исследования отраслевых терминологических систем является изучение взаимосвязей между структурами знания, формируемыми определенной сферой человеческой деятельности, и их языковым выражением, выявление средств языковой объективации элементов когнитивной модели данной науки [2. С. 82]. Лингвисты отмечают, что «тенденцией в построении современных ЯКМ становится тенденция к мощному расширению круга номинаций – к наименованию все большего числа деталей и разновидностей уже выделенных некогда сущностей, тенденция к дробности в представлении мира» [1. С. 17].

Анализ доминирующих способов и средств словообразования особенно важен при изучении подязыков научной речи, так как они служат показателем актуальности отдельных понятий и указывают на зону активного концептуального членения действительности в изучаемой сфере.

Целью данной статьи является исследование роли префиксов в формировании концептуальной структуры терминологии ремонта летательных аппаратов (далее РЛА), одном из наименее изученных подязыков авиации.

Обилие терминов, образованных с участием префиксов (префиксальным и префиксально-суффиксальным способами), является отличительной чертой русской терминологии РЛА. Причина этого заключается в разнообразии значений, которые в русском языке можно передать с помощью предкорневых элементов (префиксов и префиксоидов). Префиксация в языках для специальных целей (в отличие от языков для общих целей), как и любой дериивационный акт, подчинена когнитивной цели – отобразить степень освоения человеком

определенного участка действительности и передать знания в наиболее точной и удобной форме.

Многочисленные приставки отражают разнообразие разрушительных процессов (концептуальная зона **Виды дефектов ЛА**) и восстановительных работ, требующих детализации ремонтных действий (концептуальная зона **Способы восстановления**). Поэтому приведенные ниже префиксы употребляются, в основном, при образовании глаголов. Но в языке научно-технического профиля наибольшее распространение получили отглагольные существительные, сочетающие процессуальный (динамический) и статический компоненты.

Семантическая нагрузка префиксов в терминологии РЛА связана с процессами, происходящими в локальном «пространстве» объекта ремонта, так как цель ремонтной деятельности – восстановление формы и объема, которые изменяются в ходе эксплуатации. Важно отметить, что качество поверхности, форма и объем деталей ЛА имеют заданные параметры, утвержденные ГОСТом. Таким образом, комплекс префиксов участвует в формировании концептуального пространства терминологии, что способствует ориентации специалистов в процессах, происходящих в объекте ремонта.

В частности, в концептуальной зоне **Виды дефектов ЛА** с помощью префиксов детализируются направления распространения разрушительных процессов в «пространстве» детали, определяются границы развития дефектов. Термины, образованные с помощью префиксов, номинируют следующие концепты: *вверх – вниз, увеличение – уменьшение (количества объема или действия какого-либо фактора), внутри – снаружи, начало – конец (распространения разрушения в объеме*

детали). Следует отметить, что в терминологии РЛА отдельно взятые концепты не несут особой оценочной нагрузки, они указывают лишь на особенности протекания процесса разрушения по отношению к параметрам детали. Кроме пространственной характеристики некоторые префиксы содержат дополнительные семы, связанные с временными, количественными и некоторыми другими характеристиками.

Приведем примеры. Терминологическое заполнение концепта *уменьшение – увеличение (количества объема или действия какого-либо фактора)* происходит с помощью следующих префиксов. Префикс *об-* указывает на уменьшение заданных пространственных характеристик вследствие резкого разрушения (*обрыв, облом*). Префикс *с-* используется при номинации дефекта, который связан с уменьшением количества объема, необходимого для эксплуатации детали (*срыв (резьбы)*). Префикс *от-* указывает на то, что изменение пространственных характеристик связано с разделением детали, удалением небольшого фрагмента от детали (*«чистый» отрыв, отслаивание*). Префикс *раз-* означает, что изменение пространственных характеристик, потеря целостности детали связана с разделением детали на несколько фрагментов (*разрыв, разбиение*). Префикс *по-* употребляется в значении усиления действия некоторого признака (*порыв, повышение/понижение температуры*). Префикс *пере-* указывает на то, что образование дефекта связано с чрезмерным воздействием какого-либо фактора (*перегрев, перекос*).

В номинации концепта *начало – конец (распространения разрушения в объеме детали)* участвуют следующие префиксы. Префикс *над-* содержит дополнительную сему «начало разрушительного процесса», то есть, изменение пространственных характеристик находится на начальной стадии (*надрыв, надлом*). Префикс *под-* также может означать начало разрушительного процесса (*подтекание жидкости*). Префикс *до-* указывает на конец разрушительного процесса (*зона долома*).

В концептуальной зоне **Способы восстановления ЛА** с помощью префиксов осуществляется специализация восстановительных работ – способов ремонта, детализация ремонтных действий. Как правило, ремонтные действия связаны с восстановлением утраченных при эксплуатации пространственных ха-

рактеристик. Таким образом, они номинируют процессы, обратные разрушительным.

Концепт *увеличение – уменьшение (количества объема или действия какого-либо фактора)* иллюстрируется здесь следующими префиксальными номинациями. Префикс *от-* употребляется в значении удаления чего-либо (*отжим/отжимка*), удаления от предмета его части или другого предмета, тесно связанного с ним (*отливка, отвинчивание*), отстранения чего-либо (*отбраковка, отход (авиатехники в ремонт)*). В термине *отжиг* (доведение стали до определенной температуры с последующим медленным охлаждением), приставка *от-* означает доведение качества до определенного состояния.

Способы восстановления объема за счет его увеличения детализируются с помощью префикса *под-* (*повторная подварка*), префикса *с-* (*сварка, склейка*). Префикс *над-* также может обозначать увеличение, добавление чего-либо. Например, в термине *наддув* использование префикса *над-* объясняется усилением подачи горячей смеси в двигатель внутреннего сгорания за счет повышения давления воздуха при впуске. Префикс *на-* указывает на добавление до нормы, увеличение до предела и направленность действия на поверхность предмета (*наплавка, наклеп, наварка*). Префикс *за-* употребляется в значении уменьшения объема с целью доведения качества, размера или формы до определенного параметра (*зачистка, заточка*). В этом же значении используются префиксы *при-* (*припуск*) и *под-* (*подгонка*).

Разнообразные префиксы способствуют образованию терминологических гнезд (включающих словообразовательные гнезда и образованные от них словосочетания) вокруг доминанты, выраженной глаголом.

Приведем некоторые фрагменты терминологических гнезд: *ломать* → *обломать, облом, долом, залом, излом; варить* → *варка, сварка, сварной шов, наварка, варка нового участка, провар, непровар, повторная подварка, заварка отверстия под резьбу*.

Анализ показал, для терминологии РЛА характерен процесс специализации аффиксов, закрепления их для выражения определенного значения. Более того, значительное количество терминов, содержащих префиксы, имеют выраженную тематическую отнесенность к определенным концептам, отражающим суть процесса ремонта.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Лингвистическая сущность номинации: когнитивно-семиотические характеристики // *Słowo. Tekst. Czas VII. Но-*

вые средства языковой номинации в новой Европе. Szczecin, 2004. S. 15–20.

2. Татаринов, В. А. *Общее терминоведение* : энцикл. слов. М., 2006. 528 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 159–161.

О. А. Хрущева

ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ БЛЕНДОВ КАК ПРИЧИНА ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ (на материале английского языка)

В статье рассматриваются образцы аффиксальных морфем, возникшие вследствие переразложения блендов. Этот процесс затрагивает единицы, конечные элементы которых в результате широкого употребления могут приобрести статус свободных морфем.

Ключевые слова: *блендинг, переразложение, аффикс.*

Многие исследователи блендинга, в числе которых Э. Лерер, П. Фрат, Д. Дэнкс и другие, поднимают вопрос о переходе некоторых сколков в разряд самостоятельных аффиксов и свободных морфем.

К тому времени, как сколок какого-либо бленда становится широко употребляемым, он начинает использоваться в большей степени в качестве аффикса, чем в качестве сколка. В подобных ситуациях слова, ранее классифицируемые как бленды из-за наличия сколка в их составе, становятся дериватами [2. С. 180–182].

Дж. Кэннон отводит блендам роль создателей новых аффиксов, которые в дальнейшем могут стать продуктивными средствами словообразования [1. С. 725–753].

Такие сколки, как *-holic* (от *alcoholic*), *-scape* (от *landscape*) и *-thon* (от *marathon*), уже приобрели статус аффиксов. Они принимают активное участие в словообразовании, и хотя созданные с их помощью слова все еще относятся к блендам, в будущем подобные лексемы могут перейти в разряд дериватов или даже сложных слов.

Наиболее часто в литературе встречаются слова с *-holic* и *-thon*, что дает основание для их рассмотрения в качестве прототипов [2. С. 200–201].

Прежде всего стоит отметить, что элемент *-holic* в отличие от других сколков вошел в

словари английского языка, как утверждает Д. Дэнкс. Ясное и четкое определение этому «слову» может быть дано без опоры на начальную часть исходного слова *alcoholic*. Исследователь цитирует определение *-holic* из издания *The Complete Oxford English Dictionary*: *-holic* используется как суффикс, образующий такие существительные, как *computerholic* – зависимый от компьютера, *newsaholic* – любитель новостей, *spendaholic* – транжира и прочие (в основном созданные лексемы представляют собой юмористические окказионализмы), обозначающие людей, зависимых от какого-либо предмета или занятия, к примеру, *workaholic* – трудоголик, *chocoholic* – шоколаголик, *shopaholic* – шопоголик и прочие [2. С. 201–202].

В подтверждение распространения элементов данного типа, называемых также аффиксоидами, в рамках данной работы приведем примеры англоязычных блендов из сферы музыки:

loveholic < *love* + *alcoholic* – зависимый от любви (песня японской певицы Meisa Kuroki из альбома «Magazine»);

metaholic < *heavy metal* + *alcoholic* – ярый фанат направления хэви металл;

rockaholic < *rock* + *alcoholic* – ярый фанат рок музыки.

В названной сфере также распространен отмеченный выше «сколок-морфема» *-thon*, отделившийся в результате переразложения от

лексемы *marathon* и активно используемый в качестве словообразовательного компонента:

rapathon < *rap* + *marathon* – соревнование, в котором более 1000 участников соревнуются на самый длинный рэп;

funkathon < *funk* + *marathon* – самая дурная, гадкая версия хаус диско, длящаяся более 24-х часов;

Telethon < *telephone* + *marathon* (песня Emily Haines). Впервые, однако, данное слово было зафиксировано словарями Merriam-Webster и the OED в 1949 году. Что касается обозначенного сколка-морфемы, он используется при именовании и описании событий, длящихся долгое время из-за трудностей и препятствий, или же при возрастании, длительном росте чего-либо. Прочие примеры с данным сколком-морфемой включают *walkathon* – длительная прогулка, *jogathon* – длительная пробежка, *dancethon* – танцевальный марафон, *pianothon* – музыкальный марафон и другие [4].

Слова-прототипы такого рода П. Фрат называет H-types со ссылкой на самое первое, по его мнению, слово *hamburger*, сколок от которого стал активно применяться в словообразовательном процессе. Автор отмечает, что такие сколки содержат значение всего слова, от которого они произошли, и формируют все новые и новые слова с этим значением [3. С. 103–105].

Кроме вышеприведенных примеров, существуют бленды, имеющие такой широко употребляемый сколок, претендующий стать морфемой, как *-scape*. Сколок *-scape* произошел от слова *landscape*, что обуславливает тот факт, что примеры производных единиц включают различные виды ландшафтов, такие как *mountainscape* – горный ландшафт, *forestscape* – лесной пейзаж, *moonscape* – лунный пейзаж, *cityscape* – городской пейзаж. Многие слова со сколком *-scape* обозначают названия картин или разновидностей живописи, например, *abscapse* < *abstract landscape* – абстрактный пейзаж. В корпусе примеров этой работы присутствует единица с указанным сколком *Dreamscape* < *dream* + *landscape* – «Дримскейп» (прогрессив-металл группа 1986 г.).

Помимо ранее признанных сколков-морфем, нами были выявлены примеры других сколков, активное распространение и использование которых в словообразовательном процессе может привести и к их переходу в аффиксальные морфемы. Примером может служить сколок *-licious* (от прилагательного *delicious*). Помимо уже известных лексем, та-

ких как *Blendalicious* (работа Э. Лерер на тему блендинга), *bubblicious* (из рекламы жевательной резинки), *berry-licious* (название напитка из клубники), существуют следующие бленды, выявленные нами в сфере музыки в ходе данного исследования:

Fergalicious < *Fergie* + *delicious* – «Фергалишес» (песня певицы Fergie);

Blackalicious < *black* + *delicious* – «Блэкалишес» (афроамериканский хип-хоп дуэт);

Girlicious < *girl* + *delicious* – «Гелишес» (музыкальное женское трио);

Bootalicious < *booty* + *delicious* – «Бутилишес» (песня американского женского трио «Destiny's child»).

В ряду сколков, претендующих на переход в статус свободной морфемы, значится элемент *-oke* (от *karaoke*). Следующие единицы, вошедшие в корпус примеров работы, имеют в своей структуре названный сколок:

dictionaraoke < *dictionary* + *karaoke* – караоке с использованием аудио-транскрипций из словаря;

spineoke < *spin* + *karaoke* – физические упражнения под музыку;

politiroke < *politician* + *karaoke* – политик, поющий караоке;

scaryoke < *scary* + *karaoke* – непрофессиональное, неприятное на слух пение;

Gomeroke < *The Gomers* + *karaoke* – живая инструментальная музыка, исполняемая группой «The Gommers».

Следует подчеркнуть, что состав данного сколка варьируется от *-araoke*, *-eoke* до *-oke*. Сколок *-eoke* – как мы уже отмечали выше, восходит к неправильному написанию слова *karaoke* большим количеством людей, в основном американцами, так как слова с таким сколком имеют американское происхождение. Поэтому вполне возможно, что в слове *spineoke* *-е* является не соединительной гласной, а относится к сколку *-eoke*, так как этот бленд также имеет американское происхождение.

Следующий сколок, в отличие от предыдущих, является префиксальным, причем образованным от конца первого коррелята, что еще недавно многие исследователи считали исключением из правил структурной организации блендов. Сколок *-pod-*, восходящий к слову *i-pod* образовал как минимум три лексические единицы, на сегодняшний день относимые к блендингу:

podcatching < *i-pod* + *catching* – проверка и скачивание новых программ, появляющихся с подачи ай-пода;

podjacking < *i-pod* + *jacking* – подключение коммутатора одного цифрового музыкального плеера к плееру другого человека, с целью узнать, что он слушает;

podcasting < *i-pod* + *broadcasting* – опубликование аудио-файлов, которые можно передать на собственный **i-pod** или другой цифровой плеер.

Следующие три примера показали нам свидетельством начала выделения еще одного сколка-морфемы –tronica/–tronic:

Neutronica < *neutron* + *electronic* – «Нейтроника», альбом исполнителя Donovan;

folktronica < *folk* + *electronic* – фолктроника, музыкальный стиль группы «Crystal Fighters»;

rapatronic < *rap* + *electronic* – жанр музыки, объединяющий рэп и электронную музыку.

Элемент –delic является еще одним примером сколка, переходящего в разряд морфем, о чем можно с уверенностью судить по многочисленному списку слов из словаря современного английского языка Urban Dictionary. В музыкальной сфере названный сколок стал составным элементом двух лексем:

funkadelic < *funk* + *psychedelic* – группа «Фанкаделик», музыканты которой считаются пионерами стиля фанк;

rockadelic < *rock* + *psychedelic* – фантастический, грандиозный.

Таким образом, сколки, входящие в состав блендов, будучи однажды употребленными,

действительно стремятся к воспроизводству путем создания новых единиц, тем самым проявляя тенденцию к переходу в разряд морфем. О том, что какой-либо из выявленных нами сколков-морфем действительно станет продуктивной морфемой, мы сможем судить только через десятки лет, когда количество блендов, созданных с его участием, станет достаточно внушительным для формулировки объективных выводов.

Список литературы

1. Cannon, G. Blends in English Word Formation. *Linguistics* 24, 1986. P. 725–753.
2. Danks, D. Separating Blends: A Formal Investigation of the Blending Process in English and its Relationship to Associated Word Formation Processes. The University of Liverpool, 2003. 338 p.
3. Frath, P. Why is there No Ham in a Hamburger? A Study of Lexical Blends and Reanalysed Morphemisation. Strasbourg : RANAM (Recherches Anglaises et Nord-Américaines), 2005. P. 99–112.
4. Lehrer, A. Blendalicious. Lexical creativity, Texts and Contexts. University of Pisa. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 115–133.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 161–164.

К. А. Черемных

ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА «ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ДЕФИНИЦИИ

Рассматривается вопрос об этимологии термина «определяющие местоимения», а также анализируются сложности, возникающие при создании дефиниции указанного термина.

Ключевые слова: дефиниция, определяющие местоимения, термин, этимология.

Термин «определяющие местоимения» встречается нам уже в школьном курсе русского языка, однако в школьных учебниках можно заметить ряд противоречий, возникающих между дефинициями, предложенными

разными авторами. В учебнике по программе Т. А. Ладыженской дается следующее толкование термина: «Определяющие местоимения указывают на обобщенное качество предмета» [1. С. 187]. Толкование же в учебнике

М. М. Разумовской несколько иное: «Определительные местоимения указывают на степень полноты охвата предмета, степень качества» [6. С. 236]. Там же приводятся такие примеры: весь класс = все до одного, самый интересный = лучший из всех. В обоих учебниках к определительным местоимениям относятся следующие единицы: *сам, самый, весь, всякий, каждый, любой, иной, другой*.

Необходимо заметить, что, хотя эти дефиниции приводятся в учебниках, рекомендованных для средней школы, они не могут быть признаны удовлетворительными. Рассмотрим недостатки этих определений более подробно.

В дефиниции Т. А. Ладыженской прежде всего смущает формулировка «указывает на обобщенный признак». Обобщенность чего бы то ни было предполагает прежде всего абстрактность, отвлеченность от конкретной ситуации. В таком случае сама потребность в указании лишается смысла, поскольку нецелесообразно указывать на некое обобщенное качество, которое отвлечено от конкретных свойств предмета.

Дефиниция, представленная в учебнике М. М. Разумовской, более приближена к реальным фактам языковой действительности. В этом определении имеет место попытка проследить типологию значений внутри одного разряда. В нем учитывается способность определительных местоимений указывать как на количество признака (степень качества), так и на способ соотношения заданного пропозицией целого и актуализированной в речевой ситуации части этого целого (степень полноты охвата предмета). Однако в этой дефиниции учтены далеко не все функционально-семантические свойства и признаки определительных местоимений. Например, здесь нет ни слова об указании на характер взаимодействия между предметами или предметом и группой предметов. Данное свойство обнаруживается при исследовании семантики местоимений «сам» и «другой». В связи с этим и данное определение нельзя признать исчерпывающим.

Здесь следует заметить, что термин «определительные местоимения» никогда не имел какого-либо единственного толкования. Более того, в отечественных грамматиках этот термин появился только на рубеже первой и второй третей XIX в.

Одной из первых дефиниций термина «определительные местоимения» следует при-

знать дефиницию Н. И. Греча. В 1830 г. ученый пишет: «Некоторые местоимения ближе, точнее определяют предмет или его качество, и потому могут называться определительными» [4. С. 236]. При этом к определительным он относит только два местоимения – «сам» и «самый».

А. Х. Востоков чуть позже предложит иную дефиницию: «Местоимения определительные суть: 1) определяющие объем и количество предметов (*весь, оба*), сюда же принадлежат числительные *один, двое, трое, четверо* и т. д., употребляемые в виде местоимений; 2) показывающие подлинность предмета (*сам, самый*)» [3. С. 91–92].

Сопоставляя дефиниции А. Х. Востокова и Н. И. Греча, можно заметить, что формулируют они их посредством глагола «определить» или производными от него. Однако «определить» – глагол полисемантический, поэтому рассмотренные дефиниции оказываются неточными по содержанию. В связи с этим необходимо уточнить значение, в котором исследователи употребляют данный глагол.

Итак, согласно «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, глагол «определить» имеет 5 значений: 1) распознать по каким-либо признакам, данным или путем наблюдения, изучить, установить; 2) раскрыть содержание, сущность чего-либо и дать его характеристику; 3) установить, назначить (*например, определить меру наказания*); 4) поместить, устроить на какую-либо службу, должность (устар.); 5) послужить причиной чего-либо, вызвать что-либо, обусловить [8. С. 715]. Помочь выявить нужное значение может сопоставление термина «определительные местоимения» с оригинальным латинским термином «*pronomina determinativa*», словообразовательной калькой с которого является рассматриваемый нами термин.

Прилагательное «*determinativa*» восходит к глаголу «*determino*», который имеет 4 значения: 1) ограничивать; 2) очерчивать; 3) расчленять; 4) устанавливая [5. С. 317]. Употребление этого глагола подразумевает, что какая-то часть выделяется внутри некоторого целого, при этом остается в составе этой общности (1, 2), что какая-то целостность распадается на некоторые части (3). 4-е значение является метафорическим переосмыслением 1-го и 2-го значений. Здесь тоже идет речь об отграничении чего-либо, выделении конкретного участка (части) в потоке времени, большого коли-

чества чего-либо и т. д. для конкретизации информации, содержащейся в высказывании.

Сопоставив значения глаголов «determino» и «определить», приходим к следующим выводам. Полностью совпадают только 4-е значение глагола «determino» и 3-е значение глагола «определить». Однако, учитывая вторичность значения «устанавливать» для глагола «determino», можно предположить, что это значение было вторичным и для глагола «определить». И исходное значение данного глагола – «ограничить», «очертить», то есть «установить предел, отделить». Вероятнее всего, изначально имелось в виду ограничение в буквальном смысле какого-либо участка. В современном же русском языке глагол «определить» стал практически синонимом глагола «конкретизировать».

Например, Ф. И. Буслаев не использует термин «определяющие местоимения», но оперирует термином «определяемость». При этом исследователь пишет: «Местоимение «сам» определяет лицо: я сам, ты сам, он сам. С этим местоимением соединяется понятие о сосредоточенности, о первенстве и самостоятельности» [2. С. 173]. Под сосредоточенностью здесь вполне можно предполагать именно результат конкретизации субъекта действия, отграниченного от других возможных в ситуации субъектов, то есть субъекта определенного, максимально уточненного, которого не перепутаешь ни с кем другим.

В связи рассмотренным выше материалом необходимо заметить, что в формулировке дефиниции термина «определяющие местоимения» должен отсутствовать глагол «определить» по причине его многозначности.

Однако следует подчеркнуть, что даже при самом щепетильном отборе языковых средств, едва ли возможно создать абсолютно точную дефиницию термина «определяющие местоимения». Это связано прежде всего с самим объемом понятия, вопрос о котором каждый исследователь решает индивидуально. Н. И. Греч относит к ним только «сам», «самый», А. Х. Востоков включает также «оба», другие собирательные числительные, местоимение «весь». При этом уже у него возникает идея разбить на функциональные подгруппы единицы разряда.

Подобная идея в развернутом виде высказывается А. А. Шахматовым. Исследователь пишет об определяющих местоимениях следующее: «Определяющие местоимения служат для выражения определенного и неопределенного

отношения говорящего к предмету, рассматривая его в отношениях к другим предметам; отношение говорящего определяется в положительной или отрицательной форме. В положительной форме говорящий может отождествить лицо или предмет с присвоенным им названием или уже выяснившимися его свойствами, качествами (сам, самый), может привести в связь то или иное явление с совокупностью данной лично или предмета, или с совокупностью лиц или предметов (весь, все), может распространить тот или другой признак на ряд сходных предметов или лиц (всякий, каждый), может, напротив, отделить тот или иной предмет от других сходных (другой, иной, один, некоторый, друг друга, один другого» [9. С. 489]. Интересным оказывается тот факт, что А. А. Шахматов к определяющим местоимениям относит такие неопределенные местоимения, как *какой-нибудь, кто-нибудь* и т. п. Служат они для выражения отношения говорящего к другим предметам в отрицательной форме. Однако, несмотря на дискуссионность этого положения, мысль А. А. Шахматова о том, что определяющие местоимения являются регуляторами взаимодействия между предметами или между предметом и группой предметов является одной из ведущих, на наш взгляд, идей при решении вопроса о семантике определяющих местоимений и о дефиниции самого термина.

В работах других исследователей, в частности в работе А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», происходит отказ от термина «определяющие местоимения». Взамен этого термина исследователь вводит три новых. Он выделяет совокупные (*весь, целый* (=весь), *езде, всюду, отовсюду, всегда*), выделительные (*сам, самый, иной, иначе, другой* (=иной), *по-другому*), обобщительные (*всякий, каждый, какой угодно, любой, всяко, по-всякому, всячески*) местоимения [7. С. 157]. В. В. Виноградов не обращается к термину «определяющие местоимения», и в «Грамматике-80» мы также не встретим подобного термина.

В связи с этим может возникнуть закономерный вопрос о том, что выделение разряда определяющих местоимений – это пережиток прошлого. В частности, может быть, сам термин «определяющие местоимения» начинает устаревать, и его нужно оставить разве что для школьной грамматики?

На наш взгляд, данный вывод делать преждевременно. С одной стороны, действительно, у термина «определяющие местоиме-

ния» нет единой дефиниции, до конца так и не решен вопрос об объеме понятия. Каждый исследователь включает в этот разряд какие-либо новые единицы. С другой стороны, разряд определительных местоимений изучен далеко не до конца. Возможно, что, рассматривая более подробно свойства единиц, традиционно относящихся к определительным местоимениям (*сам, самый, иной, другой, весь, всякий, каждый, любой*), мы обнаружим новые системные связи между ними и с опорой на эти связи сможем вывести единую дефиницию для термина «определительные местоимения».

Список литературы

1. Баранов, М. Т. Русский язык. 6 класс / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская. М., 2011. 254 с.

2. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1863. Ч. 1. 376 с.

3. Востоков, А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831. 408 с.

4. Греч, Н. И. **Пространная русская грамматика**. СПб., 1830. Т. 1. 405 с.

5. Дворецкий, И. Х. **Латинско-русский словарь**. М., 1976. 1096 с.

6. Лекант, П. А. Русский язык. 6 класс / П. А. Лекант, М. М. Разумовская. М., 2004. 363 с.

7. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 544 с.

8. Словарь русского языка : В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 2. 736 с.

9. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка, М., 2001. 624 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 164–168.

Б. Я. Шарифуллин

«ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ПОЛЕ АКТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ»: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ТАКОЕ ПОЛЕ В «ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ» ЛИНГВИСТОВ?

В статье рассмотрена ситуация, сложившаяся в современной российской лингвистике, «благодаря» некоторым особенностям ее становления и развития. Автор приходит к выводу, что единого «поля актуальных смыслов» в «профессиональном языке» современных лингвистов, как, впрочем, и на протяжении предшествующих почти двух столетий, нет.

Ключевые слова: язык профессиональной коммуникации, лингвистические понятия и термины, размытость лингвистических терминов.

Вопрос, поставленный в названии статьи, звучит, возможно, не только эпатажно, но и риторически. Действительно, с одной стороны, уж в какой другой современной науке могут быть такие «поля актуальных смыслов», как не в лингвистике? А с другой, в том-то и дело, что это не одно «поле», а «поля». А может быть, и «полянки». И все чаще на этих «полях» и «полянках» мы перестаем понимать друг друга. Какая уж тут «профессиональная коммуникация»! Особенно, в области истории русского языка и вообще историко-сравнительного славянского языкознания (во всяком случае, с некоторыми своими коллегами из Украины

«общего языка» я найти не в силах; как пишут в Рунете: «йаниасилил»).

Проблем актуальных и «смыслов актуальных» в нашей современной лингвистике действительно много, многие (прошу прощения за вынужденную тавтологию) мои коллеги это понимают и, более того, осознавая явную неполноту и даже некоторую противоречивость нынешней «вялотекущей» лингвистической парадигмы (постулаты которой были в наиболее явном виде высказаны еще в начале 90-гг. прошлого столетия Е. С. Кубряковой (см., например, [2]), начинают говорить и писать о необходимости как-то по-новому осмыслить ре-

зультаты развития нашей науки за последние полтора-два десятилетия и наметить какие-то новые перспективы на ближайшее будущее. К большому моему сожалению, об этом обычно пишут и говорят, условно говоря, лингвисты «среднего возраста», к коим отношу и себя: те, кто вошли в науку в 70-80-е гг. прошлого тысячелетия (хотя есть и приятные исключения среди начинающих лингвистов, скажем, тех, которые в последние годы защищали диссертации в Кемеровском университете: **И. В. Евсеева**, **М. А. Осадчий**, **С. В. Оленев**, **С. Б. Шарифуллин** и др.; у всех них весьма нетривиальный взгляд на состояние и перспективы современной лингвистики).

Что касается моих коллег «по возрасту», то, например, **Е. Б. Трофимова** озвучила эту проблему в докладе «К вопросу об энтропийности терминологии в лингвистике» на нашей **IV Международной конференции «Человек и язык в коммуникативном пространстве»**(Лесосибирск, 23–25 мая 2013 г.) [3]. Были и другие доклады (очные или заочные), в которых так или иначе поднимались такие вопросы: доклады **В. В. Красных** (Москва) «Роль языка в свете интегративных исследований», **В. И. Теркулова** (Украина) «Коммуникация как сотворение лингвального мира», **Н. Г. Брагиной** (Москва) «Концепты в интернет-коммуникации», **И. С. Карабулатовой** (Тюмень) «Человек в контексте современной интеркультуры: реализация в языке и речи» (даю общую ссылку на сборник [4]).

Я бы сформулировал это как основную, пожалуй, нашу проблему: настало время призадуматься уже не над «парадигмами современной лингвистики» (их пообсуждали уже достаточно за последние 20–25 лет), а над принципиальными возможностями синкретизма научного знания во всех ныне существующих науках и «науках», кои имеют дело с человеком. Отсюда и необходимость «состыковки» ныне действующей лингвистической системы понятий и тех понятий и терминов, которые сложились (тоже, впрочем, не без проблем) в современной теории познания и в психологии, в культурологии и в социологии, в теории информации и в информационной экономике и т. п. Возможно, иногда такая работа потребует и «перезагрузки» тех «стыкующих компонентов», которые уже сейчас достаточно очевидны.

В данной статье я не делаю каких-либо умозаключений или, тем более, каких-то выводов. Просто хочу поделиться некоторыми соображе-

ниями, исходя из своей научной и преподавательской деятельности в течение уже лет 40, а также общения со своими коллегами, близкими мне по научным интересам и достаточно сходным взглядам на наш «великий и могучий».

Суть в том, что пока еще в нашем «профессиональном языке» часто всё обсуждается на уровне устных выступлений на защитах диссертаций подающих надежды молодых лингвистов: «Я считаю», «Мне кажется», «Я полагаю», «Мой опыт показывает» и проч. Или на обсуждении докладов своих коллег на конференциях, практически с той же риторикой. Получается, что даже «маститые» лингвисты, понимая, что что-то надо делать, – не совсем знают, что конкретно делать, хотя определенные «реплики» и высказывают.

Так часто бывало на переломе «научных парадигм» (и социальных, и культурных, кстати, тоже). Правда, в нашей лингвистике XX в., в ее «мейнстриме», привыкшем не обращать особого внимания на «некоторые незначительные успехи буржуазной лингвистики» (одно время даже сам термин *лингвистика* считался почти запретным – в СССР было только «языкознание» или «языковедение»), смена таких парадигм произошла в конце прошлого века чересчур быстро, не совсем эволюционно, как и смена «политических, социальных и прочих парадигм».

Оказывается, однако, что «новая лингвистическая парадигма» не такая уж и эффективная, но все равно продвигалась вперед как знаменующая собой «перестройку» советского языкознания (еще одна аналогия с историческими событиями 90-х гг.). Не теми, конечно, действительно очень значительными учеными, которые еще в советские времена, даже если и не уезжали за пределы СССР, то исследовали самые разные аспекты языка и речи в их взаимодействии с иными областями человеческой культуры (синкретизм!), не обращая особого внимания на «лингвистический официоз» 70-х гг. (Вяч. **Вс. Иванов**, **В. Н. Топоров**, **А. А. Зализняк**, **Н. Д. Арутюнова**, **А. Е. Кибрик**, **О. Н. Трубачев** и др.).

Наверно, нужно обратиться к предшествующей «лингвистической ситуации», не в смысле «языковая ситуация», а к той научной и образовательной ситуации в сфере наук о языке, которая практически господствовала до конца 80-х гг. прошлого тысячелетия. Я опять же имею в виду наш «языковедческий мейнстрим», который, вроде бы, прочно утвердился

(в аспекте теоретическом, но не практическом) на необозримом пространстве педагогических и прочих вузов, от Чукотки до Калининграда, не говоря уже о северно-южном направлении. Однако, в этом «общедушном» пространстве существовали «лингвистические островки», где проблемы языка рассматривались и изучались вне «постановлений ЦК КПСС» и прочих директивных документов.

На одном из этих «островков» я и получил свое полноценное, как полагаю до сих пор, лингвистическое образование. Это был гуманитарный факультет НГУ, сначала отделение «Математическая лингвистика», а потом – просто «Лингвистика», точнее, «Филология». Нам читали лингвистические курсы, исторические и теоретические, К. А. Тимофеев (мой Учитель, у которого я защищал дипломную работу и кандидатскую диссертацию), В. А. Аврорин, И. А. Мельчук, А. А. Зализняк и др. От них я многому научился, в том числе, в подходе к нашему предмету – Языку.

Еще в конце 80-х гг. XX в., работая уже в Лесосибирском пединституте, на лекциях по разделу «История лингвистических учений» курса «Общее языкознание» я говорил, что история нашей науки развивается по диалектике (не «марксизма-ленинизма», конечно, а по Гегелю), всегда как процесс циклический: от древнего периода (еще на уровне мифопоэтического сознания) синкретизма (сохраняющегося во многом в древнекитайском «языкознании» и древнеегипетском, что не удивительно: эти цивилизации и построены были на древнем принципе синкретизма – человека и природы), а далее уже к древнегреческому стремлению как-то вычленив «язык» из диады «человек – природа» (отсюда и споры между сторонниками «тесис» и «фюсис»: «язык» дан по установлению человеческому и «язык» дан самим бытием, природой). Но триады «язык – человек – природа» (т. е. действительность) у них так и не получилось в силу их принципиальной «диалектичности».

Нарождающийся постепенно рационализм, сначала в Средневековье, потом в эпоху Возрождения и проявившийся в своей «высшей стадии» в период Просвещения, вообще практически покончил с синкретичностью как таковой («арабское языкознание» Средних веков в расчет не беру, поскольку знаком с ним очень плохо, знаю только его развитую лексикографическую практику). Стали раскладывать все по «утилитарным полочкам». Конечно, первый

удар по «первобытному синкретизму» знаний и представлений стало выделение уже отдельной научной области – филологии: вообще-то это заслуга древних греков, причем, величайшая! Все было закономерно: от синкретизма стали переходить к расчленению когда-то неразрывного понимания мира, человека и языка. Появляется дискретное представление и о мире, и о человеке, и о языке. Синкретизм и дискретность – «этимологические антонимы», если так можно выразиться. «Этимологические» потому, что корень и греческого, и латинского слова – один и тот же: индоевр. *(s) ker – «резать, разделять на части и пр.».

В начале XIX в. и лингвистика отделила себя от филологии (основоположником теории языка, то есть собственно языкознания, считается В. фон Гумбольдт), сохраняя при этом почти на всем протяжении века связи с психологией, логикой и философией, даже биологией (тем более на волне триумфа «теории Дарвина»). Впрочем, корректнее говорить о зависимости тогдашней теории языка от соответствующих наук, но это отнюдь не синкретизм. Отсюда и такие основные «тренды» тогдашней лингвистики: языкознание «психологическое» (в Германии Г. Штейнталь и проч., у нас – А. А. Потебня и его Харьковская школа, хотя, в отличие от германских коллег, у них еще ощущается связь с общефилологической проблематикой, см. особенно работу А. А. Потебни «Мысль и язык»), языкознание «логико-философское» (причем, упор именно на логику – у нас это Ф. И. Буслаев: даже занимаясь исторической грамматикой русского языка, он в своих работах принцип логического анализа проводит довольно четко, прежде всего в синтаксисе), языкознание «натуралистическое» («язык – живой организм и живет потому по законам остальной природы»; это опять же германцы, в основном. Явно ощущается «дух» (Geist) В. Гумбольдта).

Потом зародился «младogramматизм», сначала опять же в Германии, но «лингвистическая карта мира» стала расширяться: кроме России, свои школы младogramматизма образовались в Италии, Франции, Британии, Австро-Венгрии и т. п. Но рамки младogramматического учения стали слишком тесны для ученых, которые традиционно имели дело с разными языковыми явлениями на разных уровнях языка.

Поэтому в последней трети XIX в. стало ясно многим лингвистам, независимо друг от друга, что с этим «пора кончать». И появился

Ф. де Соссюр: до него Женева вообще не была представлена на этой карте, но во Франции еще в середине XIX в. стал складываться еще один подход к языку – «социологический», повлиявший на взгляды Соссюра. С одной стороны, он заставил нас смотреть на язык как систему (принцип системности был главным «трендом» наук конца XIX в.: в химии это «Периодическая система элементов» Д. И. Менделеева, не говоря уже о математике и физике). Справедливости ради необходимо заметить, что принцип системности в подходе к языку независимо от Соссюра был введен нашим лингвистом Ф. Ф. Фортунатовым (правда, без использования самого понятия), начинавшим в рамках русского младограмматизма (как и Соссюр – французского), но, убедившись в несостоятельности последнего, объявившим новые постулаты Московской лингвистической школы, например, особое внимание к языковой форме (слова, словосочетания). Поэтому нередко школу Ф. Ф. Фортунатова называют «предшественницей» лингвистического формализма (не путать со «структурализмом», идущим прямо из теории Соссюра). Именно из МЛШ вышли такие лингвисты, как Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой и др. Вспомним здесь и «ОПОЯЗ».

Соссюр традиционно считается «основоположником современной лингвистики» (даже иногда в наших советских учебниках). Основания для этого имеются: лингвистика («внутренняя» по Соссюру) была окончательно отделена и даже изолирована от речевой действительности, объявленной с ее основными признаками объектом «лингвистикой внешней» (ср. иной подход в различении внешней и внутренней истории языка в концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ).

Особенно очевидно такое принципиальное разграничение представлено в соссюровских «дихотомиях» (от греч. *διχотμία*: *διχο* «надвое» + *τομή* «деление», т. е. «раздвоенность, последовательное деление на две части, не связанные между собой»). Главная дихотомия – принципиальное разграничение языка и речи, откуда и делается вывод о необходимости существования двух разных лингвистик: лингвистики речи и лингвистики языка, поскольку «следовать двумя путями одновременно нельзя». Эта проблема – что такое язык и речь – до сих пор остается весьма актуальной и дискутируемой.

Постсоссюровский структурализм XX в., взявший в качестве своего «баннера» высказывание Соссюра «Единственным и истинным

объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе самом и для себя», – предмет отдельного лингвистического исследования. Таких исследований и в нашей, и в зарубежной литературе множество, поэтому я поставлю на этом точку.

Перейдем к резюме. То, что мы наблюдаем сейчас в «поле актуальных смыслов» лингвистической профессиональной коммуникации, представляет собой довольно противоречивую картину «полифонизма» современных российских учений, направлений, «трендов» и всего прочего. Отчетливо сформировавшихся отечественных лингвистических школ не видно. Есть только «локальные школы», созданные каким-либо известным в России или за рубежом лингвистом, но с довольно узкой (условно) проблемной областью.

На какие понятия и соответствующие термины нашего «лингвистического языка» необходимо, прежде всего, обратить внимание для того, чтобы, наконец, «поле актуальных смыслов» стало «осмысленным» и в рамках нашей профессиональной коммуникации? («парадигму» лингвистики XXI в. оставляю пока в покое).

Это, прежде всего, проблема «Язык» и «Речь» («Язык» или «Речь», «Язык» vs. «Речь»). С чем мы вообще имеем дело: с «языковой» или «речевой» коммуникацией? С «языковой» или «речевой» личностью? С «языковой» или «речевой» агрессией? С «языковыми» или «речевыми» играми? С «языковой» или «речевой» культурой? В конце концов, с «языковой» или «речевой» неграмотностью?

Второе (и последнее, учитывая ограниченный формат статьи), на что бы хотел обратить внимание коллег, – это проблема знаковости языка (речи? – ведь знак должен быть материальным). С соссюровских времен прошло уже более столетия, но мы продолжаем спорить о «денотатах», «сигнификатах» и «десигнатах», об «иконических» и «не иконических» знаках и символах, «знаковости» и «незнаковости» и проч. Эта проблема, конечно, очень «тонкая», как и Восток, но решать надо. Куда уж нам деваться? Когда за спиной – новая речевая формация – интернет-коммуникация со всеми вытекающими отсюда (очень интересные и лингвистически значимые наблюдения и выводы по этому поводу излагаются в книге М. А. Кронгауза «Самоучитель олбанского»; автор имеет в виду не конкретно тот самый «олбанский йязыг», а вообще речевые особенности современного Рунета [1]).

Список литературы

1. Кронгауз, М. Самоучитель олбанского. М., 2013. 416 с.
2. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. № 2, Т. 53. С. 3–16.

3. Трофимова, Е. Б. **К вопросу об энтропийности терминологии в лингвистике** // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. / гл. ред. проф. Б. Я. Шарифуллин. Красноярск, 2013. С. 90–94.

4. Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. / гл. ред. проф. Б. Я. Шарифуллин. Красноярск, 2013. 432 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 168–170.

С. С. Шляхова, О. В. Шестакова

ИКОНИЗМ НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматривается семантическая эволюция немецкой терминологии в фоносемантическом аспекте: модель «звук > термин». Устанавливается иконическая (звукоизобразительная, примарно мотивированная) природа отдельных технических, биологических, медицинских немецких терминов на основе ономотопеи.

Ключевые слова: *иконизм, звукоизобразительность, примарная мотивированность, ономотопея, термин, терминология, немецкий язык.*

В современном терминоведении исследование мотивированности термина является одной из центральных проблем, формируя особое направление – мотивологическое (А. Д. Адилова, Т. Л. Канделаки, Т. Р. Кияк, А. В. Перфильева, И. А. Ребрушкина, Н. П. Романова, С. Д. Шелов и др.). Исследователи разграничивают понятия *ориентированность* и *мотивированность*, связывая их с понятием *внутренняя форма*. «Слова мотивированные – это слова с внутренней формой», под которой понимается «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [2. С. 30]. Ориентированность – это «степень соответствия внутренней формы термина его актуальному значению» [1. С. 65]. «<...> мотивация основывается на простой сумме значений частей, составляющих языковую единицу, а ориентация – на такой сумме значений, которая должна указывать на понятие» [7. С. 212].

В изучении мотивированности и ориентированности обычно исследуются структурно-деривационные и мотивационно-номинатив-

ные отношения между звуковой формой слова и значением. Фоносемантический подход позволит выявить примарную (фонетическую) мотивированность термина, то есть его иконичность, звукоизобразительность.

Современная фоносемантика ставит вопрос о принципиальной иконичности, произвольности, мотивированности языкового знака (С. В. Воронин, В. В. Левицкий, А. Б. Михалев, Н. В. Дрожащих, С. С. Шляхова и др.), которая характерна для стадии возникновения и первичного функционирования слова в его семантической эволюции. Предположение об иконичности термина вызывает сомнение, которое возрастает еще и потому, что в качестве механизма образования термина нами называется не просто иконичность, а ономотопея, которая обычно воспринимается как семантически и «интеллектуально» примитивная. Однако «простота» ономотопов – простота кажущаяся.

Изучение структуры фоносемантических полей привело к выводу о прототипических центрах (значения *резать, бить, сжимать, округлое, звукоподражание, буккальная деятельность*). «Выяснив связи этих семантических прототипов с производными значениями,

можно описать протоязыковую картину мира, проследить ее развитие и сопоставить с современными когнитивными моделями» [6]. Очевидно, что терминология никоим образом не соотносится с протоязыковой картиной мира, однако сохраняет элементы протоязыковых когнитивных моделей: звук > действие, сопровождаемое звуком > результат, процесс, вид действия > результат, процесс, вид действия как технологический процесс > термин.

В. В. Левицкий говорит о наличии определенных статистических закономерностей, характеризующих отношение «звук-смысл» не только в пластах общенародной лексики, но и в области терминологической лексики [5. С. 72] немецкого языка. В немецком языке один ономотоп образует термины в различных научных областях: *klipp* «звук стука, треска» > 1) в геологии *Klippe* «тектонические утесы»; 2) в пищевой промышленности *Klipp* «скоба; скрепка», *Klipper* «остеотделитель; шасталка»; 3) в авиации *Klipper* «реактивный самолет»; 4) в военно-морском деле *Klipper* «быстроходное парусное судно»; 5) в зоологии *Klippspringer* «антилопа-прыгун» и др.

Одной из центральных проблем современной семантики является проблема семантических переходов как «диахронической семантической эволюции, когнатив в родственных языках и морфологических дериватов» [4]. Семантическая эволюция немецкого термина рассматривается в модели семантического перехода «звук > термин».

В немецком языке существует большое количество технических, научных, специальных терминов, образованных от акустических (звучания внешней среды) и артикуляторных (звучания человеческого тела) ономотопов.

Акустические. Технические: 1) *patsch* «звук удара» > *Patschen* «обратная вспышка во впускном трубопроводе», *Patschputz* «двухслойная штукатурка»; 2) *knack* «звук треска» > *Knack* «щелчки, акустический удар»; 3) *klick* «клик, щелк» > *Klickfolge* «последовательность коротких импульсов»; 4) *klipp* «звук шелканья, лязг» > *Klippmaschine* «машина для разделки рыбы на клипфиск», «остеломатель, шасталка», «клипсатор»; 5) *klirr* «звук удара о металлическое, стеклянное» > *Klirrfaktor* «коэффициент нелинейных искажений, клирфактор»; 6) *krach* «звук удара» > *Krachtöter* «подавитель помех, шумоглушитель». **Горные:** 1) *bremsen* «жужжать» > *Bremsberg* «сортировочная горка», «бремсберг»; 2) *schürfen* «царапать, скре-

сти» > *Schurf* «шурф», *schürfen* «вести разведку, шурфовать»; 3) *Stoß* «удар, толчок» > *Stoß* «боковая стенка (выработки), забой»; 4) *Schlag* «удар» > *Schlag* «штрек, сбойка»; 5) *gruben* «рыть, копать» > *Grube* «рудник, шахта». **Медицинские:** 1) *pauken* «барабанить» > *paukender Herztön* «пушечный тон сердца», *Paukenfell* «барабанная перепонка»; 2) *klaff* «гав» > *klaffende Tube* «зияющая евстахиева труба»; 3) *rasseln* «гремять, звенеть» > *Rasselgeräusche* «хрипы». **Ботанические:** 1) *kratzen* «скрести, царапать» > *Kratzdistel* «бодяк»; 2) *knacks* «щелк; трах» > *Knackbeere* «земляника зеленая», *Knackbusch* «пузыреплодник»; *Knackmandel* «миндаль обыкновенный». **Зоологические:** 1) *brumm* «звук жужжания» > *Brummhahn* «тетерев»; 2) *trampeln* «топать (ногами)» > *Trampeltier* «двугорбый верблюд».

Артикуляторные. Технические: 1) *lecken* «лизать» > *Leckgas* «утечка газа», *Leckrechnung* «расчет непотопляемости (судна)»; 2) *hauchen* «дуть, дышать» > *hauchfrei* «свободный от налета, помутнения или белесоватости»; 3) *heulen* «выть» > *Heulton* «акустическая обратная связь», *Heulfrequenz* «частота колебаний скорости (звуконосителя)». **Медицинские:** 1) *pusten* «дуть» > *Pustel* «пустула, гнойник»; 2) *keuchen* «пыхтеть» > *Keuchhusten* «коклюш». **Ботанические:** 1) *pfeifen* «свистеть» > *Pfeifengras* «молиния»; 2) *niesen* «чихать» > *Nieswurz* «морозник», «чемерица». **Зоологические:** 1) *saugen* «сосать» > *Säugetiere* «млекопитающие»; 2) *heulen* «выть» > *Heulwolf* «койот».

Таким образом, немецкая терминология часто имеет иконическое происхождение, формируя значения на основе ассоциаций со звучаниями внешнего мира и звуками человеческого тела.

Современное терминоведение тесно связано с когнитивной лингвистикой. Фоносемантические свойства немецкой терминологии отражают категоризацию научного поля как составной части картины мира. Объяснение именно такого характера экспликации возможных разнопорядковых звуковых миров, фактов и/или их связей в терминологии следует искать в культурологии, психологии и когнитологии. «К сожалению, столь модные сегодня когнитивная лингвистика и когнитология вообще упорно не видят в фоносемантике свою союзницу» [6].

В немецком языке существует большое количество терминов, образованных от фоносемантических маргиналий (образований типа

нем. *klipp, krach, patsch*; рус. *тук, тяп, бряк*): *Patschen, Klippmaschine, Klirrfaktor*. Едва ли в русском языке найдутся терминообразования типа *щёлк-машина, бам-фактор, стукер, ляпер*, или *тяпун*. В русском языке в большинстве случаев термины являются заимствованиями, в том числе из немецкого языка. Русский язык игнорирует оноματοпею, не позволяя ей выходить в область научного дискурса, оставляя ее в обыденном пространстве языка. Иноязычность термина в русском языке затрудняет восприятие немотивированного слова.

Икночность терминологии отражает патологическую любовь русских ко всему иностранному. Не случайно, интерес к этой проблеме не ослабевает (Л. П. Галанза, П. А. Дамаданова, Ю. С. Данилина, А. М. Клёстер, Ю. Н. Ревина, Е. А. Федина, Т. Н. Шарاپова и др.). Русский язык видит преимущество заимствованных терминов в однозначности, отсутствии связи со словами общенародного языка, четкости выражения сущности специальной информации [З. С. 63–64]. Мы как бы оправдываем иноязычность термина. Для других языков формирование термина на основе звукоподражания или специальных слов на основе общелитературной лексики является нормой. Так, пластиковый конверт для хранения листов англичане называют *punched pocket* (перфорированный конверт), американцы – *sheet protector* (листозащита), а русские – *мультифора* или *файл*. В русском языке очевидно стремление не просто к иноязычным терминам, а к усложнению обыденного, к «умственности месседжа»: *менеджер по клинингу vs. уборщица, референт vs. помощник, ритейл vs. розничная торговля, инновация vs. новшество, инвестиция vs. вложение, скриншот vs. снимок экрана, фуд-корт vs. пищеблок, кондоминиум vs. совместное владение, интерактив vs. взаимодействие*. «Вам, например, эта ветчина не нравится, потому что она русская, а подай вам жареное стекло и скажи, что оно французское, вы станете есть и причмокивать...» (А. Чехов).

Примарная мотивированность немецкой терминологии не требует метаязыкового уси-

лия в восприятии термина, поскольку звукомотив является естественной обыденной звуковой средой. В немецком языке обыденно-когнитивные и научно-когнитивные номинации часто совпадают: *Zapfen* «затычка, пробка (бочки)» – *тех.* «цапфа, шейка, шип, втулка»; *Kern* «косточка, ядро, зерно, семя, сердцевина» – *тех.* «сердечник», *эл. тж.* «кern (напр., трансформатора)», *мет.* «(литейный) стержень, шишка», *горн.* «кern, колонка выбуренной породы») и др. Иконичность немецкой терминологии мобилизует способность сознательной деятельности носителя языка в восприятии термина.

Список литературы

1. Бергер, М. Г. Лингвистические требования к термину // Рус. яз. в шк. 1965. № 3. С. 64–68.
2. Блинова, О. И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 28–37.
3. Голованова, Е. И. Немецкие заимствования в горнозаводской терминологии Урала (XVIII в.) // Гуманитар. вектор. 2011. № 4 (28). С. 61–66.
4. Зализняк, А. А. О понятии семантического перехода. On the notion of semantic shift // Диалог–21, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/18>.
5. Левицкий, В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность. Черновцы, 2009. 186 с.
6. Михалев, А. Б. Современное состояние фоносемантики // Новые идеи в лингвистике XXI века: материалы I Междунар. науч. конф., посв. памяти проф. В. А. Хомякова. Ч. 1. Пятигорск, 2009. С. 52–59.
7. Ребрушкина, И. А. О разграничении понятий мотивированности и ориентированности термина (на материале лингвистической терминологии) / И. А. Ребрушкина, О. Л. Арискина // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 208–212.

ОТ ПРОТОТЕРМИНА К СОВРЕМЕННОМУ НАЗВАНИЮ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ЛЕКСЕМЫ ПЧЕЛА В УКРАИНСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ПЧЕЛОВОДСТВА

Делается попытка изучить историю, а именно – этимологические, генетические, хронологические свойства ключевого пчеловодческого термина *пчела*. Определяется сущность древнерусского прототермина.

Ключевые слова: прототермин, прототерминология, терминология пчеловодства.

Отправным пунктом развития любой терминологии является время появления специальной лексики, которая, как отмечает С. В. Гринев-Гриневиц, предшествует формированию науки, о чем свидетельствуют исследования, посвященные истории материальной культуры [1. С. 26]. В научной литературе эту (специальную) лексику называют прототерминологической, она «появилась и применялась еще до возникновения наук, называя не собственное понятие, а специальные представления о тех или других реалиях жизни» [2. С. 87]. Лексемы, обозначающие пчеловодческие понятия возникали на самых ранних этапах формирования человечества, их определяем как прототермины, некоторые из них в процессе функционирования и терминологизации стали терминами пчеловодства, другие дополнили состав пассивной лексики. «Основным отличием между термином и прототермином является отсутствие у последнего научной дефиниции, поскольку еще не существует соответствующей науки и научной классификации, на основе которой строится дефиниция. Нет сопоставления, а есть лишь описание объектов и явлений (в прототерминологиях место классификаций занимают перечни специальных объектов)» [2. С. 68–78].

Термин *прототерминология* отождествляем с понятием «прототерминологическая лексика», то есть специальная лексика как составляющая часть лексического состава литературного языка и целая часть по отношению к терминологии как ее части. Исходя из сказанного, пчеловодческий термин определяем как лексическую единицу, которая называет конкретное определенное понятие отраслевой (профессиональной) принадлежности. Совокупность пчеловодческих терминов, связанных между собой понятийной базой отрасли, образует терминологию пчеловодства. Специфика

терминологии пчеловодства (ТП) заключается в том, что термины (прототермины в том числе) отражают этапы познания мира. Она (ТП) развивалась вместе с развитием самой отрасли и ее названия отражали специальные понятия и объединялись между собой близостью тех реалий, понятий, какие они представляли. Анализируемая лексема является ключевым термином современной украинской пчеловодческой терминосистемы.

Наиболее объективного исследования исторических изменений в лексике можно достичь при условии фиксации номинаций именно в тот период, когда они происходят. Начало фиксации лексики пчеловодства относится к периоду Киевской Руси – времени появления первых письменных источников (летописей, литературных памятников), словарей и т. п. Самым давним письменным источником считается «Повесть временных лет», но полнее всего язык древнерусского периода зафиксирован в словарях, составленных на материале письменных памятников: «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Материалах для терминологического словаря Древней Руси» под редакцией Г. Е. Кочина, «Словаре староукраинского языка XIV–XV вв.», «Старославянско-украинском словаре» под редакцией Любомира Белея и «Словаре украинского языка XV – первой половины XVII в.»).

Ретроспектива понятия «пчела» в воображении наших предков очень своеобразна. Древние народы смотрели на пчел, как на образец чистоты обычаев, порядка, бережливости и работоспособности. Однако многое неизвестно о *пчеле* как вербальном знаке. Пчеловодство как отрасль народного хозяйства принадлежит к давним видам человеческой деятельности, в процессе которой происходит познание окружающей действительности. Человеческое познание пребывает в непрерывном развитии, его

главное задание – наименование опознаваемых предметов, явлений и процессов общественной жизни. Номинация предмета или явления возникает в результате ее названия человеком в процессе деятельности.

Лексикографические труды у восточных славян появляются сравнительно рано. Из первой известной лексикографической попытки – рукописного словарика «Р~чь Жидовьскаго языка, проложена на Роускую, неразумно на разоумь, и въ ~ванг̃лихъ, и въ Ап(с)лхъ, и въ Псалтыри, и в Парми~ и въ прочихъ книгах» [8. С. 11], дошедшего до нас вместе с рукописью кормчей (сборники церковных прав и законов), переписанной в 1282 г. для Новгородского архиепископа Климента [5. С. 123]), узнаем, что древние люди называли медоносное насекомое *дгворюю* – *пчелá* [11. С. 195]. В последующем название *пчела* – укр. *бджолá* стало основой для образования базовых украинских пчеловодческих терминов.

В последующем, в частности в словаре И. И. Срезневского, для наименования медоносного насекомого употреблялось несколько фонетических вариантов слова *бъчелá*, напр.: *бъчела*, *бъчелá*, *бчелá*, *пчелá*, которые зафиксированы в «Слове черноризца Иакова», напр.: «Буди аки *бчела* изъ в̃ня носящи чв̃ты, а в̃ноутрь стовіе д̃лѣя» [15. I. 1. стлб. 199–200] и в «Материалах...» Г. Е. Кочина [6. С. 290]. По мнению П. Житецкого, разные фонетические варианты названия *пчелá* в славянских языках образованы от отдельных звуконаследовательных корней: **bъk-*, **bъk-*, **bъz-*, **vъk-*, **kъm-*, **uъb-* [4. С. 158–162]. Название *пчелá* известно во всех славянских языках (ср.: укр. *бджола*, р. *пчела*, бр. *пчала*, п. *pszczola*, полаб. *celg*, болг. *пчела*, серб. *пчела*, хорват. *пчела*) [3. С. 157–158].

Среди этимологов нет единого мнения относительно происхождения лексемы *пчелá*. В «Этимологическом словаре украинского языка» отмечено, что слово *пчелá* связано с основой *bъk-*, производной от *būkati*, *būčati* (<**boukati*, **bouieti*) – старославянское слово *бъчела*, *бъчела* от слова *bъk* означало гудеть, праславянское *bъiela*, *bъiela* и считалось родственным с *бык*; более убедительным представляется утверждение А. Мейе, который связывает праслав. *bъiela* с лит. *bitis* «бджола», латыш. *bite*, двн. *bini*, *bia*, нвн. *Viene*, ирл. *bech*, что сводятся к основанию *ie* **bhei*. Итак, славянский звуковой вариант с *bъi-* может быть вторичным следствием влияния основы **bouieti* [Там же].

М. Фасмер и В. Шахматов предполагают также, что начальная звуковая форма **uъbela* (от славянского *ubela*), связана с праславянским *uъm-elъ* и сопоставляют ее с *бик*, производную от корня звуконаследовательного *buk-* / *bъk-*, который сохраняется в существительном **bъiela* (укр. *бджола*) [16. С. 416]. На общеславянское происхождение лексемы *пчелá* (*бчелá*, *бчолá*), что образовалась на народной основе указывает В. А. Передриенко [9. С. 68] со ссылкой на Ч., напр.: «Ежели кого укуситъ гадина, *пчелы*, осы и шершни» [Ч. С. 129]. В названии *бъчелá* в результате исторического развития языковых знаков *пчелá* – укр. *бджолá* план содержания не изменился.

В древнерусском языке на обозначение пчелы употреблялось название *дѣтка* (*дѣтка*), напр.: «... *дѣтка* насижена, но еще не вывалилась» [15. II. 1. стлб. 797]. Зафиксирована лексема *пчелá* для обозначения других понятий, в частности книги *Пчелá* «книга изъ числа книгъ новаго закона (отъ Апост. запов.)»; бочки для меда *бчелка* «бочка», напр.: «*Медъ* в бчелках <...> **возити, въпрашающе. кде болнии**» [10. I. Л. 43 об. Ип. 47; 15. II. 1. стлб. 122] и улья (во множественном числе) – *пъчелы* «улик», напр.: «А отъ двоихъ *пчель* на 12 лѣтъ приплода...» [12. С. 47; 15. II. 2. стлб. 1758]. В последнем значении лексему *пъчелы* фиксирует «Словарь староукраинского языка XIV–XV вв.», например: «А также от того с~ла да не дадоут намъ ни сторожи, и ни д~с#тиною от *пчелы*» [13. С. 133]. На начальных этапах формирования УПТ от лексемы *бъчелá* зафиксирован производный прототермин *бъчелица*: «*apis*» (напр., «*Бъчелица* останки свое~ пищи ц~емь подаю») [15. I. 1. стлб. 199–200]. Следовательно, употребление названия *пчелá*, на основе которого в будущем была образована исследуемая терминосистема, прослеживается во все периоды развития украинской терминологии пчеловодства. В современном украинском языке слово *бджолá* употребляется для обозначения «медоносного насекомого, собирающего цветочный нектар и перерабатывающего его в мед» [14. С. 117], а лексема *бджоліця* для обозначения пчелы отошла в состав пассивной лексики. Однако название *бджоліця* сохранилось в одном из диалектов украинского языка (на Одесчине), для названия растения крапива [7. С. 16].

Результаты исследования дают возможность сделать выводы, что изучение истории формирования и эволюции того или иного

названия невозможно без выяснения сферы существования лексической единицы – будь то фиксации (словари, глоссарии, тезаурусы) или сферы функционирования (древние, научные, научно-публицистические, научно-технические тексты). Проанализированный прототермин *пчелá* находился в динамическом состоянии, он сохранился в современном украинском языке как термин пчеловодства и вошел в число ядерных в современной украинской пчеловодной терминологии. Древнерусский прототермин служил для названия предмета или какого-то процесса, тогда как современный термин является средством логического определения.

Список литературы

1. Гринев, С. В. Основы лексикографического описания терминосистем : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 309 с.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Основы антропологической лингвистики (к лингвистическим основам эволюции мышления) : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Т. Г. Скопюк. М., 2005. 113 с.
3. Етимологічний словник української мови : в 7 т. Киев, 1982. Т. I. 612 с.
4. Житецкий, П. Словарь книжной малорусской речи // Рукописи XVII века. К., 1876. 178 с.
5. Калайдович, К. Ф. Иоанн, ексарх болгарский. М., 1824. 226 с.
6. Материалы для терминологического словаря древней России / сост. Г. Е. Кочин. М.; Л., 1937. 487 с.
7. Москаленко, А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958. 76 с.
8. Німчук, В. В. «Синоніма славенороска#» – пам'ятка давньої української лексикографії // Пам'ятки української мови XVI–XVII ст. Серія наукової літератури. К., 1964. С. 93–98.
9. Передрієнко В. А. Формування української літературної мови XVIII ст. на народній основі. К., 1979. 144 с.
10. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. I. 25 с.
11. Р~чь Жидовьскаго языка, преложена на Роускую, неразумно на разоумъ, и въ ~ванглихъ, и въ Ап(с)лхъ, и въ Псалтыри, и в Парми~ и въ прочихъ книгахъ // Пам'ятки української мови XVI–XVII ст. К., 1964. С. 195–197.
12. Русская правда по Карамзинскому списку / под ред. А. И. Яковлева // Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Владимировский-Буданов : Изд. 6-е. СПб.; Киев, 1908. Вып. I. С. 178–224. (Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому / под ред. А. И. Яковлева и Л. В. Черепнина. М., 1928. 342 с.)
13. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. : в 2 т. / сост. Д. Г. Гринчишин и др. К. Т. I. А-М, 1977. 630 с.
14. Словник української мови : в 11 т. К.; Т. I: А-В. 1970. 799 с.
15. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / Репринтное издание. М., Т. I, Ч. 1 А-Д. 1989. 804 с.; Т. II, Ч. 1. Л-О. 1989. 851 с.; Т. II, Ч. 2. П., 1989. 1802 с.
16. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. М., 1986. Т. I. А-Д. 576 с.; Т. II: Е-Муж. 1986. 671 с.; Т. III: Муза-Сят. 827 с.; Т. IV: Т-Ящур. 852 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 173–175.

Е. А. Юхина

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ-КОМПЬЮТЕРЩИКОВ

Рассматриваются процессы образования новых терминов в профессиональной коммуникации специалистов-компьютерщиков в динамическом аспекте, анализируется деривация как продуктивный механизм неонимации.

Ключевые слова: динамика, процесс, компьютерный термин, коммуникация, деривация.

Язык принадлежит к числу самых сложных и загадочных явлений, хотя умение говорить, пользоваться языком человеку так же естественно, как умение ходить, видеть, дышать [2. С. 4]. Язык существует только тогда, когда он функционирует, то есть когда им пользуются. Это живая динамическая система, развивающаяся и непрерывная во времени и пространстве (Й. Вахек, 1948). Номинацию новых понятий и явлений действительности обеспечивает словообразование. Словообразование в динамическом аспекте носит конструктивный характер. Его можно соотнести с конкретной формальной моделью. По утверждению Е. И. Головановой, модель «действие → результат действия» считается наиболее продуктивной и широко представлена как в устной профессиональной среде, так и в научной коммуникации [1. С. 104–106].

Результат в профессиональной коммуникации специалистов-компьютерщиков может быть представлен в виде следующих разновидностей:

1) Результат предстает в виде завершеного процесса. В русском языке: *крякнуть* – *кряк* (взломщик программ, версия коммерческой программы, позволяющая использовать ее бесплатно, от английского *to crack* – вскрывать), *бродить* – *бродилка* (компьютерная игра, сюжет которой связан с перемещением по изображениям лабиринта или местности), *активировать* – *активация* (перевод из недейтельного состояния в деятельное; усиление деятельного состояния), *конфигурировать* – *конфигурация* (специфические компоненты персонального компьютера, такие как материнская плата, дисководы); *авторизировать* – *авторизация* (предоставление прав доступа (в систему), определение набора полномочий, которыми обладает пользователь), *забанить* – *бан* (используется в форумах или чатах. Временный запрет для пользователя отправлять сообщения).

В английском языке: *lamer* (леймер) от действия *lame* (калечить, повреждать, портить) – неумелый пользователь компьютера; *cooler* (кулер) от действия *cool* (охлаждать) – устройство, или совокупность устройств для охлаждения процессора, *leecher* (личер) от действия *leech* (впиваться, приставать) – бесполезный участник файлообменной сети, который только скачивает, ничего не давая взамен.

2) Результат реализован в самом процессе деятельности. В русском языке: *флудить* – *флуд* (писать большое количество одинаковых или

практически одинаковых сообщений), *рассылать* – *рассылка* (отправлять электронные сообщения), *внедрять* – *внедрение* (поставка программного обеспечения), *загружать* – *загрузка* (наполнить оперативную память информацией). В английском языке: *router* (маршрутизатор) от действия *route* (прокладывать маршрут) – устройство для определения маршрута следования информации в сети, распределитель; *hacker* (хакер) от действия *hack* (взламывать) – взломщик компьютерных сетей и программ; *subscriber* (подписчик) от действия *subscribe* (подписываться) – абонент, подписчик.

Словообразование – это процесс, целиком ориентированный на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурировании тех элементов окружающего мира, которые в процессе деятельности субъект выделил и которыми овладел [4. С. 213]. При рассмотрении процессов образования компьютерной лексики в плане организации словообразовательных средств русского и английского языков используем функционально-семантический подход. За основу мы приняли функции словообразования, выделяемые Е. А. Земской: собственно номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную, стилистическую. Эти пять функций словообразования отражают различные коммуникативные установки говорящего: 1) создать необходимое наименование; 2) изменить синтаксическое построение речи; 3) произвести более краткую номинацию; 4) получить экспрессивную форму выражения; 5) использовать средство выражения, соответствующее той или иной сфере речи, то есть согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения [3. С. 8].

Помимо функций, предложенных Е. А. Земской, мы выделяем еще одну функцию словообразования, реализующуюся на уровне непосредственной коммуникации – *эвфемистическую*, отражающую коммуникативную установку говорящего произвести перифрастическую замену языковой единицы, которая по этическим, культурным, психологическим и каким-либо иным причинам нуждается в смягченном обозначении во избежание коммуникативного конфликта. Последние три функции (экспрессивная, стилистическая, эвфемистическая) проявляются при образовании компьютерных сленгизмов: *Энурез* (от английского Unerase) – средство восстановления стертых файлов; *шаровары* (от английского shareware) – условно-бесплатное программное обеспече-

ние; *бамтон* (от английского *button*) – кнопка; *Оля* (от английского OLE) – технология Object Linking and Embedding, позволяющая редактировать данные, созданные в другой программе, не выходя из основного редактора.

Активным механизмом номинации новых явлений, компрессии уже имеющихся наименований является деривация – создание новых лексических единиц по нормам словообразования, действующим в современном русском языке. Суффиксация является базовым словообразовательным процессом, в результате которого образуются компьютерные термины.

В русском языке англоязычные суффиксы передаются соответствующими русскими словообразовательными единицами:

1) суффикс *-tion / -sion* передается как *-ция / -ия*: *конфигура-ция* (< *configuration*), *сесс-ия* (< *session*). Морфема *-ция / -ия* является регулярной и продуктивной словообразовательной единицей, образующей имена существительные со значением процессуальности или результата действия;

2) суффикс *-tion / -sion* передается как *-ени- / -ен-'*: *приложение* (< *application*), *разреш-ение* (< *resolution*), *расшир-ение* (< *expand-sion*), *вычисл-ение* (< *computation*). Морфема *-ени- / -ен-'* представляет собой регулярную, но непродуктивную словообразовательную единицу, выделяющуюся в существительных среднего рода, которые обозначают предмет или явление.

Суффикс *-ing* передается в русской терминологии морфемой *-инг-*, которая характеризуется высокой встречаемостью в заимствованных словах, однако самостоятельного значения не имеет: *спам-инг* (< *spamming*), *хост-инг* (< *hosting*), *демо-инг* (< *demo making*).

О. П. Сологуб в статье «Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке» [5] отмечает, что ввиду активного заимствования наблюдается процесс морфемизации или становления иноязычных структурных элементов как самостоятельных морфем в русском языке. Иллюстрируя начальную стадию этого процесса, когда иноязычные элементы выделяются лишь как регулярно повторяющиеся отрезки в ряде слов, О. П. Сологуб приводит слова с суффиксом *-инг-*: *маркетинг*, *кино-эппинг*, *холдинг*, *кастинг*, *боулинг*, *лизинг* и т. д. Этот список можно продолжить компьютерными терминами: *оверквотинг*, *фишинг*, *троллинг*, *фарминг*, *скриптинг*, *рендеринг*, *моддинг*, *скроллинг* и т. д. Подобные процессы

наблюдаются и с: *-фон-* (*смартфон*, *скайп-фон*, *гуглофон*), *-нет-* (*ботнет*, *Байнет*, *Интернет*, *Рунет*, *скайнет*), *-тура-* (*гарнитура*, *клавиатура*, *тастатура*).

Среди терминов-глаголов в зависимости от направленности обозначаемого действия можно выделить две основные группы:

1) глаголы, обозначающие действия, выполняемые пользователем: *перезагрузить* (*компьютер*), *нажать* (*правую кнопку мыши*), *запустить* (*приложение*), *вставить* (*диск в дисковод*) и т. д.;

2) глаголы-команды, которые задает пользователь для обеспечения работы компьютера: *найти*, *скачать*, *скопировать* (*в буфер обмена*), *вырезать*, *удалить*, *создать* (*ярлык*), *отменить* (*ввод*), *закрыть* (*окно*), *сохранить*, *вставить*, *выделить*, *переименовать* (*файл*), *заблокировать* (*с возможностью смены каталога*), *извлечь в* и т. д.

Термины глаголы и существительные образуются различными способами (суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный и др.). Среди глагольных средств терминологического образования преобладают приставки: *в-/вы-/вз-*, *де-/дез-*, *за-*, *пере-*, *под-*, *про-*, *о-*, *об-/обо-*, *от-*, *с-* и др., суффиксы: *-и-*, *-ова-*, *-ива-*, *-а-*, постфиксы: *-ся / -сь*. Термины-существительные формируются с помощью суффиксов *-тель*, *-атор*, *-ист*, *-щик*, *-чик*, *-ор*, *-ик*, *-ация*, *-инг* и др.

Можно заключить, что появление новых понятий в сфере компьютерных и интернет-технологий является динамичным, конструктивным процессом, который требует дальнейшей проработки с точки зрения различных аспектов терминологического образования.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение : учеб. пособие. Челябинск, 2008. 180 с.
2. Горбачевский, А. А. Введение в языковедение : учеб. пособие. Челябинск, 1999. 168 с.
3. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. 3-е изд. М., 2007. 224 с.
4. Кубрякова, Е. С. Понятие морфемы в современных грамматических исследованиях за рубежом // Морфема и проблемы типологии : сб. ст. М., 1991. 213 с.
5. Сологуб, О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Материалы Третьей научной конференции «Наука. Университет». Новосибирск, 2002. С. 130–134.